НАПЕРЕКОР

Катализатор Умственного Брожения № 7 (Москва Январь 1998

Телевизионные новости у нас в стране не отличаются разнообразием. Вести из жизни кремлевских титанов мысли и отцов русской демократии, потом сообщения о буйствах народных депутатов, затем плавный переход к светской хронике ("кто-то здесь зацелован, там кого-то побили...") с неизменными презентациями, приватизациями и ананасами в шампанском. Бывают, впрочем, и другие сообщения, из Кузбасса, из Приморья и из некоторых других регионов необъятной страны. Между делом, конечно, и не по существу, и все же отрадно, что даже нынешним СМИ такую информацию трудно игнорировать.

Катастрофический обвал экономики, случившийся в России в годы правления финансовых клик и могущественных временщиков, разумеется, давным-давно привел бы к куда более массовым выступлениям, а то и к революции, в любой мало-мальски уважающей себя европейской стране. Но ведь никто и не говорит, что у нас тут - Европа. С другой стороны, единственная группа населения, которая, пусть слабо, пусть хаотично, но все же сопротивляется "приватизациям" и "либерализациям" - это рабочий класс (под рабочим классом я здесь имею в виду не только рабочих от станка, но и, по крайней мере, часть технического и управленческого аппарата производства). Нам, жителям сытой Москвы, жителям города разбухшего от щедрых финансовых вливаний, города-паразита, сосущего соки из больного и чахлого тела российской экономики, трудно сейчас понять тех, кто живет в упомянутых выше регионах, в гигантских зонах нищеты. В отличие от нас, этим людям уже нечего терять.

Недавно, в интервью, взятом на улицах Владивостока у бастующих рабочих, один из них заявил: "Мы уже не верим никому, ни кремлевским правителям, ни мэру. Надо брать власть в свои руки, в руки трудовых коллективов и рабочих комитетов". Но произойдет ли и в самом деле нечто подобное, хотя бы в масштабах одного отдельно взятого города? Две вещи заставляют в этом усомниться. Прежде всего, нынешний кризис, связанный с задержками зарплаты, является далеко не первым. Подобная ситуация длится уже многие годы, и ничего радикального не происходит, в лучшем случае происходят лишь кратковременные и весьма хаотичные забастовки, которые мало что меняют. С другой стороны, все организованные политические группы в бастующих регионах стоят либо на реформистских, соглашательских позициях (желтые профсоюзы - ФНПР, и "официальная оппозиция" - КПРФ), либо на позициях радикально сталинистских ("Трудовая Россия"), по степени авторитарности и националистической истерии, граничащих с фашизмом. В тоже время либертарная, самоуправленческая общественная традиция в России практически отсутствует. Трудно представить, как в таких условиях, в условиях политической и культурной гегемонии реформистских и сталинистских организаций, трудящиеся смогли бы создать эффективную систему самоуправления и контр-власти. И все же, попытаться стоит. Потому что терять уже действительно нечего.

М.МАГИД

ХРОНИКА

КУЗБАСС «УМИРОТВОРЕН»
или: Как это делается?

11 июля 1997 г. предстояло стать особым днем. В самом горячем регионе России - в шахтерском Кузбассе - была назначена всеобщая стачка. Терпение у людей, месяцами не получавших зарплату, казалось, лопнуло. Для руководства протестами создан Комитет спасения Кузбасса. Правда, этот комитет был чем угодно, только не органом народной борьбы или самоуправления. В него вошли представители бюрократических профсоюзов, политических движений и партий, включая «оппозиционные», исполнительной и законодательной власти. Верховным «спасателем», то есть председателем комитета, определили босса регионального отделения ФНПР. Как и весной, официальные профсоюзы вынуждены были объявить акции протеста, опасаясь, что иначе произойдет социальный взрыв по албанскому сценарию. Призрак бунта бродил по измученному Кузбассу, где голодали люди и закрывались шахты. Главный страх вожди всегда испытывают перед рядовыми тружениками. И на сей раз организаторы протестов вынуждены были выдвинуть весьма радикальные лозунги: погашение задолженности по зарплате, снижение железнодорожных тарифов, отставка Ельцина и его правительства людоедов- «реформаторов».

И вот тут-то власти предприняли гениально ловкий маневр. Старый губернатор Кемеровской области, «демократ» и ельцинский выкормыш Кислюк был отставлен, и на его место назначен виднейший «оппозиционер» Тулеев, близкий к национал-сталинистским «коммунистам». Этот карьерист и перевертыш все еще пользовался в Кузбассе популярностью, слывя «защитником народных интересов». Начальстволюбие и иллюзия «доброго царя», к сожалению, еще живы среди немалой части наших сограждан. На это и сделали ставку московские правители. Профсоюзники и иные «народные лидеры» захлебывались от восторга. Боссы ФНПР и «Независимого (от кого?) профсоюза горняков» приветствовали смену шила на мыло так, как если бы речь шла - ну пусть не о царстве божьем на Земле, то хотя бы о «корректировке» реформ. Подлинный смысл кемеровского переворота не замедлил выявиться. Первое, что сделал новый правитель области, придя к власти - объявил об обоснованности и справедливости протестов. Второе - немедленно же пригрозил, что любые попытки остановить работу будут пресечены силой. Иными словами: митинги и шествия с ритуальными и никому не опасными проклятиями - это сколько душе угодно, а вот бастовать... Шалишь! Этого он ну никак позволить не может. Разумеется, в высших интересах самих же трудящихся: если никто не будет работать, что же все будут есть? Мутные волны демагогии, туманных обещаний и прямого запугивания накрыли Кузбасс...

Всеобщая стачка, назначенная на 11 июля, не состоялась. Все свелось к набившим уже оскомину митингам и пламенным речам. Пар снова стравили, и все затихло - до того момента, когда терпеть снова станет невмоготу, профсоюзы, партии и иные органы, созданные специально для обмана простых людей, вновь начнут симулировать кипучую активность, а власти ответят на нее очередной министерской или губернаторской перетасовкой. А долги по зарплате никто не платит - и не собирается. Крупнейшие шахты и предприятия продолжают закрываться, обрекая на нищету целые города. «Образуется, образуется, пошумит-пошумит - успокоится», как говаривал триста лет назад «тишайший» царь Алексей Михайлович. Пока народ не восстал и не пошли вверх по Волге отряды Разина. Когда поднимется голодный рабочий люд современной России - неизвестно. Но все же хорошо, что национал-сталинистская «оппозиция» получает возможность «порулить» в горячих точках. Пусть люди увидят, что все эти «коммунистические» партии Зюгановых, Анпиловых и Тюлькиных на деле ничего не собираются менять, кроме лиц, отдающих приказы и набивающих свою мошну. Что нет смысла бороться для того, чтобы на место власти сытой (хотя все равно ненасытной!) поставить власть голодную и дать ей в свою очередь насытиться нашей кровью и нашим потом. В России сегодня нет и не может быть политической оппозиции, а подлинная схватка - не на жизнь, а на смерть - идет не между Ельциным и «Народно-патриотическим союзом», а между семью - девятью финансово-промышленными концернами и кликами. Это схватка за власть над нами...

Как ни ненавистны нам Ельцин, Черномырдин, Чубайс, Немцов, Гайдар и его команда, мы говорим открыто: ни выборы, ни смена власти нас не спасут. *Единственное решение - это классовая борьба, которую будут вести трудящиеся через свои собственные свободные от политиканов самоуправляющиеся объединения.* В.Г.

С новой реформой дорогие товарищи!

Шоковая терапия продолжается. Чтобы пополнить бюджет - а, в действительности, карманы чиновников и «новых русских» - правительство опять собирается нас ограбить, на этот раз с помощью «реформы жилищно-коммунального хозяйства». Смысл ее заключен в поэтапной «либерализации» квартплаты и цен на коммунальные услуги. Аргумент все тот же: наше государство «слишком социально», мы живем не по средствам. При этом власти заверяют нас, что новые тарифы не слишком отяготят бюджет большинства российских семей, а малоимущим будут выплачиваться субсидии. Впрочем, что-то подобное они говорят всегда, но все мы пока еще помним к чему привела предыдущая гайдаровская «либерализация» в 1992 году, когда рост цен обогнал повышение зарплаты в несколько десятков раз. Хотя новая «реформа» не выглядит столь же грандиозной, но задумайтесь - стоимость того, без чего не сможет обойтись никто из нас, возрастет в несколько раз, приближаясь к западному уровню (или даже превосходя его, как, например цены на квартиры), а зарплата так и останется ниже в эти самые несколько раз. Для многих жителей России новая «реформа» означает жизнь в нищете и голодную смерть! Обещаниям властей, что по «бедным», то есть по большинству населения, эта реформа не ударит, может поверить только сумасшедший, - Борис Николаевич уже обещал нам лечь на рельсы, если преобразования приведут к ухудшению жизни людей, да и Виктор Степанович провозглашал, что реформы «не будут идти за счет народа». Однако, как показывает опыт, все реформы идут исключительно за наш счет, а пользу от них получают чиновники и «предприниматели» разного сорта. Власти не желают, да и не могут

всерьез посягнуть на карманы своей собственной опоры - новых богачей. А вот народа они не боятся и убеждены, что могут делать с нами, все что захотят. Пора развеять это их заблуждение. Почему бы не попытаться ответить на «жилищно-коммунальную реформу» забастовкой квартиросъемщиков, и просто не платить по новым тарифам. Ведь власти не смогут выселить всех граждан России из своих домов. Наша сила - в солидарности и готовности защищать друг друга и от новых цен, и от репрессий властей. Практика показывает: неолиберальное наступление капитала можно сдержать! Об этом свидетельствует опыт сопротивления против введения платного проезда на автодороге к югу от Тулузы (Франция). Компания владельцев дороги ввела плату за проезд в размере 5 франков. Не так уж и много, но дело в принципе! Общественные услуги должны быть бесплатными, а не подчиняться принципам капиталистической рентабельности! За счет членских взносов и пожертвований была создана гражданская инициатива, развернувшая массовый бойкот платы за проезд, сбор подписей, совместные действия с другими группами в защиту социальных услуг, проводились ежемесячные демонстрации с участием до 4,5 тысяч человек. В течение года проводились коллективные прорывы заграждений - несмотря на присутствие полиции. Буржуи и власти уступили. С 1 января 1998 г. проезд будет бесплатным. («Combat syndicaliste», май-июнь 1997 г.). Урок прост и ясен: ***Кто борется - может проиграть, кто не борется - тот уже проиграл!***

Новости нашей культуры: виртуальное возрождение виртуальной духовности

5,6 и 7 сентября состоялось празднование 850-летия Москвы. Георгий Победоносец при помощи Ивана-дурака публично истребил на Красной площади чужеродного голливудского Дракона. Народу показали виртуальные воздушные замки на Воробьевых горах, созданные посредством прожекторов, угощали население виртуальными конфетами, и всемирно известный маг и колдун Дэвид Копперфильд виртуальничал перед «новыми русскими», обучая их на своем примере, как из ничего изобразить нечто, а также исчезнуть (от кредиторов?) , пройдя сквозь Великую Китайскую стену. Также, идя навстречу массовым пожеланиям москвичей, в праздничные дни был наконец открыт Храм Христа Спасателя и два бессмертных творения Зураба Церетели: так и не взорванный памятник Петру Первому (в Москве-реке) и памятник Федору Достоевскому (перед Ленинской библиотекой). По окончании праздника все виртуальные эффекты прекратились: воздушные замки на Воробьевых горах пропали, Георгий вместе с невинно убиенным Драконом исчез с Красной площади, а Дэвид Копперфильд свалил из Москвы, однако устроители торжеств из-за хлопот, повидимому забыли убрать открытые памятники, и они остались украшать собой московские будни. О памятнике Петру Первому (он же Колумб, непризнанный в США) и о его выдающихся художественных достоинствах написано уже достаточно много всего, а что касается Достоевского, то он исполнен в предельно реалистической манере. Как известно, Федор Михайлович был эпилептиком, и ваятель запечатлел его, несомненно, именно в момент эпилептического приступа: тело противоестественно откинуто назад, а глаза неимоверно выпучены. Кто не верит, пусть посмотрит сам.

По многочисленным слухам, достопочтенный мэр Москвы, прославленный своим меценатством и отеческим покровительством местным наукам и искусствам, обратился в Патриархию с просьбой канонизировать своего тезку и первого предшественника на столичном престоле, вероятно, чтобы создать некий прецедент. От этого предложения даже привыкшие ко всему попы порядком обалдели, поскольку Долгорукий прославился не только основанием Москвы (которую он, кстати говоря, никогда и не думал основывать - но это мелочи), но также крайней жестокостью, завистливостью, коварством и подлостью, проявленными им в борьбе за власть. Но социальный заказ поступил - ничего не поделаешь ! К тому же- не впервой ! Ведь надо же как-то отрабатывать щедрую подачку властей - закрепленную новым законом о церковных организациях монополию православия на души наших сограждан. Ведь теперь все прочие «тоталитарные секты», кроме православной Церкви, ограничены в правах на просторах нашей Родины.

Из других новостей культурной жизни столицы следует упомянуть также водворение двуглавых орлов на крышу Исторического Музея, где они будут мирно и органично соседствовать с рубиновыми звездами на кремлевских башнях (вот она - эпоха постмодернизма !), а также поход президента на выставку, посвященную юбилею государственного герба России. Гарант Конституции долго с нежностью созерцал личный штандарт Самодержцев Всероссийских, а несколько дней спустя невзначай обмолвился о «Борисе Первом» (имея в виду отнюдь не Бориса Годунова, о существовании которого ему, вероятно, не сообщили советники и референты, а собственную персону). По-видимому, все это объясняет сентябрьское заявление Ельцина о том, что он более не намерен баллотироваться на пост президента России.

Самой последней культурной новостью уходящего года явилась попытка преемников Ельцина на посту правителей Свердловской области приватизировать останки последнего (на данный момент) российского императора.

Полина ЕЛИСЕЕВА

Десять лет спустя или - а был ли мальчик?

19 октября 1997 года в Доме Культуры Медика в Москве происходило несколько странное собрание. Собственно, посторонний наблюдатель, окажись он в этом месте в указанный день, ничего странного не заметил бы. Важно разгуливали солидные господа во фраках разнообразных расцветок, чинные дамы щеголяли роскошными туалетами, а между ними беззвучно скользили разносчики с подносами, уставленными бутылками сухого вина и высокими бокалами. «Ну и что здесь необычного? - переспросил бы гипотетический посторонний наблюдатель.- Мало, что ли, в наше время происходит подобных сборищ ? Вероятно, презентация какого-нибудь благотворительного фонда или банка, либо съезд каких-нибудь алмазно-нефтяных баронов».

Странность же собрания состояла в том, что в ДК Медика собрались... неформалы образца 1987 года,- собрались, чтобы отметить десятилетие начала неформального движения (каковым началом считается конференция неформальных групп, организованная в августе 1987 года по инициативе главного «либерала» Политбюро ЦК КПСС А.Н.Яковлева). Собравшихся в ДК Медика десять лет спустя граждан можно было принять за кого угодно, только не за рыцарей без страха и упрека, не за самоотверженных идеалистов, десять лет назад олицетворявших собой чахлые зародыши гражданского общества и вступивших в безнадежную схватку с коммунистической диктатурой. Депутаты Госдумы и сотрудники аппаратов президента и правительства соседствовали с удачливыми бизнесменами, профбюрократами или боссами крупнейших информагенств. Зрелище не из привычных и не из приятных. Приход в общественное движение для большинства обернулся небескорыстным «хождением во Власть», интеграцией в истеблишмент, который лишь слегка потеснился и растворил в своем жирном чреве горсть неформалов. Да полно, и было ли это общественное движение 1987-1989 годов вполне неформальным, внесистемным? Или же то была лишь плюшевая оппозиция, лишь (используя известное выражение М.С.Горбачева) «пена на волне Перестройки» ? Один из выступающих воскликнул: «Спасибо, во-первых, компартии, во-вторых, комсомолу, в-третьих, КГБ, которые собрали нас на конференцию 10 лет назад!»

Все, значит, закономерно. Все возвращается на круги своя. Грустно.

Петр РЯБОВ

Юбилей Петра Алексеевича

9-го декабря исполнилось 155 лет со дня рождения Петра Алексеевича Кропоткина. В этот день в Москве на Новодевичьем кладбище, на могиле анархиста, а затем в доме, где он родился (и где теперь находится посольство государства Палестина), собрались родственники князя, ученые, исследующие его творчество, и представители московских анархистов. Палестинцы из посольства были любезны и щедры: они встретили нас чаем, чудесным арабским кофе и тортами, посол сказал речь. Собравшихся было немного - менее двух десятков, однако (или именно по этой причине), атмосфера на собрании царила «домашняя» и задушевная. Прозвучали 4 доклада: «Петр Кропоткин под прицелом «Священной Дружины», «Кропоткин и Элизе Реклю», «Кропоткин и Скандинавские страны», «Кропоткин в мемуарной и художественной литературе». Сейчас под эгидой Комиссии по творческому наследию П.А.Кропоткина при Институте экономики РАН создается регулярно действующий кропоткинский семинар, лелеющий различные наполеоновские замыслы. Большим подарком к юбилею явился выход второго (из четырех) тома докладов международной конференции по Кропоткину, прошедшей 5 лет назад в Москве, Дмитрове и Питере. Этот том посвящен идеям П.А.Кропоткина в социально-экономических науках.

П.Р.

О правильном употреблении избирательных бюллетеней

Бюллетени для голосования можно использовать в полезных целях поразному - и не только так, как, вероятно, подумал проницательный читатель. Например, в качестве пригласительных билетов.

14 декабря в Москве проходили выборы в городскую Думу, а также выборы местных советников. И ежу понятно, что эти органы ничего у нас не решают, ни на что не влияют и никому не нужны, кроме самих депутатов. Тем не менее многие москвичи по инерции приняли в выборах участие. Московские же анархисты, не ограничившись вялой расклейкой антивыборных листовок, устроили в этот день концерт (при содействии Движения за Бесплатное и Анонимное Искусство) , на который бесплатно пускали тех, кто предъявлял... да, вы уже догадались, - эти самые избирательные бюллетени. Выражаясь возвышенно: активный бойкот избирательного фарса. Или, выражаясь понародному: «Голосуй не голосуй...»

Когда автор этих строк дисциплинированно пришел на свой избирательный участок (он ходит на все выборы, собирая в своем архиве обширную коллекцию бюллетеней), дама из избирательной комиссии заботливо спросила его, знает ли он, как надо голосовать. «Знаю, знаю»,- бодро заверил автор и, повесив в обеих кабинках для голосования антивыборные листовки, гордо удалился со своей добычей.

Еще не одни выборы выпадут на наш век и на нашу долю. Так что - перенимайте передовой опыт Москвы, товарищи анархисты !

Павел СЕНТЯБРЬСКИЙ

И от техники может быть польза

19 декабря в Москве состоялись демонстрация и митинг протеста пользователей сетей электронной связи против замышляемого государством повышения платы за телефонные услуги и введение повременной оплаты. Впервые в истории России демонстрация была организована не только по поводу, но и посредством электронной почты, что принесло свои плоды: хотя организация выступления была совершенно спонтанной и децентрализованной, по Арбату прошли и к мэрии с митингом протеста вышли несколько сотен молодых людей. Они несли чучело чиновника-буржуя и плакаты: «Нет телефонному монополизму !», «Повременке - нет !» и т.д. Анархисты распространяли листовки против жилищно-коммуналь-ной реформы и несли свой черный флаг и плакат: «Компьютер всем и бесплатно».

Приятно, что даже в сонной и буржуйско-мажорской Москве хоть какая-то категория населения сумела организоваться и выступить за свои права. Перефразировав Маркса, можно было бы сказать, что информационное общество порождает своего собственного могильщика - компьютерный пролетариат, которому нечего терять, кроме своих сетей. Жаль, что намного сложнее объединиться и протестовать пенсионерам, для которых телефон зачастую является сегодня главным средством общения и связи с внешним миром, и по которым задуманная властями реформа ударит с особой силой. Надо отметить, что прохожие на Арбате встречали демонстрантов сочувственными криками: «Молодцы ! Надо бороться !» Конечно,- странно было бы найти людей (если не считать деятелей мэрии), которых радовали бы планы нового повышения цен.

Петр РЯБОВ

Трагедия в Сочи

4 октября в Сочи местными радикальными экологами и анархистами (эколого-коммунитарным объединением «Атши», являющимся одной из автономных групп «Хранителей Радуги») проводилась акция прямого действия против загрязнения автомобилями окружающей среды и вырубки деревьев в центре города. Группа молодежи заблокировала движение на одной из центральных улиц Сочи, встав поперек улицы и обмотав руки цепью. Образовалась автомобильная пробка. Внезапно одна из машин двинулась на участников акции (вероятно, отказал тормоз) и наехала на цепь, связывающую их. В результате страшного натяжения цепи, у Анны Кошиковой была оторвана кисть руки.

Трагический итог этой экологической акции получил широкий резонанс в средствах массовой информации и вызвал бурную дискуссию среди экологов и радикалов России о допустимых и приемлимых формах борьбы. Тема эта сверхважная и «Наперекор» надеется еще не раз подробнее вернуться к ней.

В помощь пострадавшей Анны Кошиковой объявлен сбор средств. Желающие поддержать ее могут передать деньги через редакцию «Напере-кора» (для Анны Кошиковой).

***

В конце августа 97-го в Москву приехала группа автономов из Берлина. Были проведены встречи с участниками московского анархического и леворадикального движения. Мы, конечно, много узнали о леворадикальном движении в Германии, с другой стороны, автономы получили представление о ситуации в России.

***

17-го декабря в Чечне были захвачены два польских анархиста: Кшистоф Галинский и Марек Курженец. Они находились там с целью оказания гуманитарной помощи местному населению. Марек - один из основателей польско-чеченского общества дружбы. Для него это была уже четвертая поездка в Чечню. Польские товарищи, направляясь в Чечню, полагали, что, раз они помогают этим людям, то, следовательно, находятся в безопасности. Приходится констатировать, что они ошиблись. До сих пор неизвестно, какая конкретно группировка несет ответственность за этот захват.

Krzysztof Galinski

Marek Kurzyniec

***

В сентябре 1997 года прошел съезд АДА (Ассоциации движений анархистов) в Твери. Участвовали около двадцати человек из Питера, Твери, Москвы, Казани и других городов. Решено провести следующий съезд в Москве осенью 1998 года.

***

В СМИ были опубликованы еще два заявления Новой Революционной Альтернативы. 13 июля 97-го года у здания главной военной прокуратуры сработало взрывное устройство, заложенное в голубом мяче. 10 сентября был еще один взрыв, на этот раз у "Дворца труда", в знак протеста против политики ФНПР. НРА потребовала, чтобы официальные профсоюзы начали всеобщую забастовку. Но не наивно ли требовать подобные вещи от ФНПР? На самом деле, чем скорее рабочие убедятся в неспособности профбюрократов защищать их интересы, тем более вероятной станет рабочая самоорганизация и настоящая забастовочная борьба.

***

7-го ноября, московские анархисты и другие антифашисты, собрались совершить антифашистскую акцию. Собрались - то собрались, но акция... словом, фашисты сумели избежать столкновения, а антифашисты угодили в ментовку на Арбате. В тот же день, товарищи с Кубани тоже попали в ментовку, но перед этим все-таки имело место столкновение с фашистами.

Киевские анархисты

Активисты Федерации Анархистов Кубани вышли на демонстрацию, скандируя: "капитализм дерьмо" и "фашистов и буржуев на...". Факовцы раздали листовки и антифашистскую газету "Человечность" и отправились в парк. По приходу в парк, факовцы открыли банкет. Пение под гитару, веселые дискуссии. Продолжалось все довольно не долго. Проходившая, якобы мимо, толпа молодежи схватила с земли дубины и ломанулась на праздно-тусующихся анархов. Молодые антифашисты быстро оценили обстановку и контратаковали численно превосходивших фашистских ублюдков. Менты свинтили семерых фашиков и четверых анархов. Последние были сразу освобождены, баркашей обложили штрафами.

АНАРХИЯ В НОВОРОССИЙСКЕ

Под таким названием 29 ноября состоялась рок-акция, которая, судя по впечатлениям обывателей и газетным публикациям, поставила на уши Новороссийск. Действо организовали леворадикальные группы: Федерация Анархистов Кубани, Левое Антифашистское Сопротивление, эколого-коммунитар-ное объединение "Атши".

С полным правом можно утверждать, что такого южнороссийская сцена еще не видела. Конферансье в черной автономистской маске лихо представлял группы, осуществлял краткий анархо-ликбез и призывал всех собравшихся дать отпор "жирным буржуям, тупым нацистам и строительству КТКашного нефтепровода".

После рок-акции организаторами было решено "Анархию в Новороссийске" переквалифицировать в ежегодный фестиваль. Так что ждите "Анархию 98"!

АКЦИЯ СОЛИДАРНОСТИ

В прошлом номере "Наперекора" мы уже сообщали о чешском анархисте Вацлаве Еже, против которого возбуждено уголовное дело после того как он, защищаясь от двух напавших на него фашистов, ранил одного из них. Ему угрожает большой срок заключения.

9 октября в Москве около чешского посольства прошел пикет солидарности в защиту Вацлава Ежа, организованный московскими анархистами. В нем приняли участие свыше двадцати человек. Были подняты анархические флаги и транспаранты: "Свободу Вацлаву Ежу!", "Буржуазное правосудие - дерьмо!" и другие, в посольство был передан протест. Был также сожжен чешский государственный флаг с нарисованной на ней свастикой. Акцию снимало чешское телевидение.

П.Р.

Бангладеш

Швейная промышленность - важнейшая отрасль экономики страны. В ней работают 1,5 миллиона человек. Но только 60 тысяч из них состоят в профсоюзах, из них 20 тысяч - в анархо-синдикалистской Национальной федерации швейных рабочих (НГВФ). Условия труда на бангладешских швейных фабриках ужасные. До недавних пор работникам и работницам приходилось вкалывать по 7 дней в неделю всего-то за 10 долларов в месяц. НГВФ уже несколько лет ведет борьбу за самые элементарные права для трудящихся, организовала ряд акций протеста, поддержанных М.А.Т. Профсоюз уже представляет собой немалую силу. В этом году одной только угрозы забастовки хватило для того, чтобы одержать первую победу: швейники добились предоставления выходного дня, оплачиваемого отдыха в Первомай и введения минимальной зарплаты в 23 доллара. ("Direct Action", №3, лето 1997 г.).

Нигерия

Военно-фашистская диктатура закручивает гайки. Террор и репрессии давно уже стали повседневным явлением. Жизнь в стране ценится дешево. Но, несмотря на это анархо-синдикалисты из нигерийской секции М.А.Т., насчитывающей около 2 тысяч членов, продолжают борьбу за права людей труда. До сих пор они вели работу в основном в университетах, издательствах и сфере общественных услуг. В прошлом году им удалось обрести влияние среди нефтяников района Дельты Нигера и среди молодых банковских служащих и активно участвовать в серии крупных стачек. ("Industrial Worker", июль 1997 г.).

Франция

Политику "жесткой экономии" и сокращения расходов на образование, культуру и общественные нужды проводят власти не только в бывшем "Союзе", но и в богатых европейских странах. Под этим флагом уничтожаются рабочие места, расширяется сфера временной, негарантированной занятости. В Испании, Франции и других странах анархо-синдикалисты и другие трудящиеся ведут против этого упорную борьбу. С 31 января по 8 февраля 1997 г. продолжалась оккупация работниками образования и родителями учащихся Инспекции учебных заведений в Ду. Среди организаторов акции были и анархо-синдикалисты из С.Н.Т. - французской секции М.А.Т. Протестующие требовали воссоздания ликвидированных рабочих мест для преподавателей и создания новых, а также зачисления на постоянную работу всех, занятых по временному контракту. Движением руководило общее собрание. Помимо оккупации проводились забастовки, захваты школ, демонстрации, собрания... В итоге достигнута частичная победа: созданы рабочие места, а все работающие более 3 лет по временным контрактам добились постоянной занятости. Участники забастовки полностью получат зарплату за дни стачек. ("Combat syndicaliste", март-апрель 1997 г.).

В. ГРАЕВСКИЙ

Чили

"Демократическое" правительство продолжает либеральные реформы. Приватизация - вот единственный рецепт, который приходит в голову "оздоровителям экономики". На сей раз очередь дошла до сферы образования. Но какого черта люди должны платить такие деньги за знания? Студенты в Сантьяго прибегли к прямым действиям. Они захватили университет. Все вопросы борьбы решались на общих собраниях. Чилийские анархо-синдикалисты активно помогали борющимся студентам, участвовали в их собраниях, собирали деньги, устраивали акции солидарности. Им удалось создать студенческую секцию в составе чилийской организации Интернационала - М.А.Т. В результате соглашательства "левых" партий оккупация университета была прекращена, дело ограничилось гнилым компромиссом. Но планы приватизации не отменены. А значит - борьба продолжается! ("I.L.A. Debato", август 1997 г.).

Пуэрто-Рико

Первого октября в этой стране произошла всеобщая забастовка. Были закрыты многие государственные учреждения и школы. К забастовке присоединились и предприятия частного сектора. Забастовка проводилась в знак протеста против планов широкомасштабной приватизации гос. служб (например телефонных компаний). Люди считают, что все это ведет к усилению эксплуатации как работников компаний так и потребителей, так как с одной стороны приводит к массовым увольнениям работников, а с другой стороны к резкому повышению стоимости услуг. В то же время забастовка проводилась в знак протеста против планов присоединения этой страны к США. По мнению участников акции, это привело бы к полной утрате какой-либо автономии в вопросах внутренней политики и в финансовых делах. Более ста тысяч человек участвовали в демонстрации протеста в столице страны - городе Сан-Хуан. Это была самая большая демонстрация протеста в истории Пуэрто-Рико.

США

В городе Плимоф индейцы, участвовавшие в акции протеста против праздника "День благодарения", были атакованы полицией. "День благодарения" - это традиционный американский праздник, символизирующий исторические события первых лет колонизации Северной Америки европейцами. Несомненным является тот факт, что европейцы умерли бы от голода, если бы не помощь коренного населения - индейцев, которые помогли переселенцам с продовольствием, объяснили им как выращивать урожай в местных условиях и т.д. Праздник должен символизировать дружбу с индейцами, но поскольку несколько позже европейцы устроили своим спасителям геноцид (это был самый массовый геноцид в истории человечества), индейцы протестуют против этого лицемерного "праздника". В нынешнем году в "праздничный" день 27го ноября сотни индейцев вышли на демонстрацию протеста. Полиция вначале вела себя спокойно, но так было до тех пор, пока работали телекамеры. Когда же представители СМИ удалились, полицейские атаковали участников акции. Они били их дубинками, пустили слезоточивый газ. Бойцы самообороны оказали им активное сопротивление, стремясь прежде всего защитить от насилия стариков (среди протестующих были люди в возрасте до 97 лет). Были раненые. Многие участники акции арестованы. Вот так, согласно своим традициям, Америка праздновала "День благодарения".

Турция

Студенты Ближневосточного политехнического университета (Анкара) организовали протесты против открытия нового ресторана "Мак-Дональдс". Около 100 человек приняли участие в акции, и 30 вошли в ресторан, чтобы делать там "ремонт". Турецкие анархисты приняли участие в этой акции, так же как и во многих других студенческих выступлениях. Помимо этого, турецкие анархисты активно участвуют в большом антимилитаристском движении. В Турции очень жестокая репрессивная система, поэтому многие местные анархисты находятся в тюрьмах, где они, впрочем, довольно успешно ведут агитацию среди других политических активистов. Надо заметить, что в Стамбуле существует неплохое анархистское издательство. Оно выпускает регулярно 2 журнала, тиражом 2000 экземпляров каждый и другую либертарную литературу. Например, в самое ближайшее время, оно собирается опубликовать "Историю Махновского движения" Аршинова.

Канада

В конце ноября группа безработных провела акцию прямого действия в Монреале. Около 120 человек вошли в ультрадорогую гостиницу в центре города и провели бесплатный банкет в ресторане этой гостиницы. Полиция арестовала 108 человек, но потом решила повесить дело на четырех активистов. Эта акция привлекла огромное внимание канадских СМИ.

Испания

Около пяти тысяч человек приняли участие в антифашистской демонстрации в Мадриде 23 ноября. В других городах Испании также были проведены антифашистские мероприятия. Так, 25-го ноября в городе Валенсия более 200 человек вышли на улицу. Дело в том, что в этом городе до сих пор существуют улицы Франко и Примо Де Ривера. Участники акции предложили переименовать их в улицу "Жертв Фашизма" и "Рабочий Поселок". Антифашистская демонстрация с участием более 300 человек состоялась также в городе Саламанка.

Италия

Спустя год после массовых арестов анархистов в Италии (см. Наперекор N5) некоторых из них освободили. Так, был освобожден один из ведущих теоретиков и практиков современного итальянского анархизма Альфредо Боннано. Тем не менее антианархистские репрессии в стране продолжаются, например, недавно был арестован редактор либертарного журнала "Совверционе". Теперь власти уже не ограничиваются только анархистами. Недавно был арестован ведущий теоретик итальянских автономов семидесятых годов - Антонио Негри. Арестован именно за дела семидесятых годов. Арестован и бывший редактор бывшей леворадикальной газеты "Ла Лотта Континуа" ("Борьба Продолжается") за разоблачительные статьи об итальянском государстве, опубли-кованные в этой газете больше 25 лет назад (!). 20 июня арестовали анархистку Марию Каледу. Еще один анархист был арестован за то, что он в 1992 году оскорбил офицера полиции. Также полицией недавно был разогнан автономный сквотт "Лаборатория Анархико". Были атакованы сквотты и квартиры в других городах. Летом анархисты получили от информатора тайный полицейский документ, в котором дается инструкция о том, как следует оплачивать и использовать стукачей. В ответ на эти репрессии были совершены акты протеста, прозвучавшие достаточно громко. В Греции радикалы заложили бомбы в офисах авиакомпании Ал-Италия (это было сделано в вечерние часы, когда офисы пустовали). В Испании несколько человек в масках атаковали Итальянского вице-консула. Из его офиса были экспроприированы паспорта, деньги, различные документы. В самой Италии накануне суда над анархистами, обвиненными в ограблении банка в городе Тренто, саботажники с помощью небольших кусочков металла и силикона вывели из строя значительную часть банкоматов в этом городе и его окрестностях. Тем самым был нанесен ущерб местным банкам на сумму 700 тыс. долларов. (Кстати, в Москве в последнее время появилось множество банкоматов). Гвозди и силикон также хорошо подействовали на замки от дверей в здании суда в Болонье. Весной на площади Марино в Милане была взорвана бомба. Ответственность за эту акцию взяла на себя группа "Акционе Революционария". Был телефонный звонок, в котором об этом сообщалось, и группа потребовала освобождения заключенных анархистов.

Великобритания

Здесь были недавно осуждены редактора журналов Green Anarchist (Зеленый Анархист) и бюллетеня Фронта Освобождения Животных. Они были обвинены в пропаганде "саботажа". Это означает, что, если вы просто написали о том, что саботаж нужен, этого уже достаточно для того, чтобы оказаться в английской тюрьме. Но, в любом случае, нужно заниматься прямым действием против представителей репрессивного государства.

Германия

2-го ноября 97-го около 500 ультраправых и неонацистов собрались в городе Коминг в Баварии на свой международный конгресс. Пришли туда и 140 антифашистов, которые устроили пикет. Произошла небольшая потасовка. Полицейские арестовали 3-х человек. В другом случае менты в Берлине арестовали 3-х человек, участвовавших в антинацистском митинге. Вскоре после этого около 50 человек в масках взяли штурмом ментовку, чтобы освободить своих товарищей. Их не нашли, но зато сделали в ментовке отличный "ремонт".

Греция

13-го января 98-го года специальными силами греческой полиции был арестован анархист Никос Мазиотис и около 16 человек, которые, по мнению полиции, с ним связаны. Его подозревают в том, что он является членом "Боевой Организации Герильи", которая взяла на себя ответственность за бомбы в Афинском Политехническом Университете, в перуанском посольстве, в офисе компании Ал-Италия и др. Никоса подозревают в том, что он заложил бомбу в налоговом управлении и в банке данных Министерства Финансов. По сообщениям полиции, в доме у Никоса были найдены взрывчатые вещества и различное оружие. Сейчас его обвиняют в том, что он участвовал в организации террористического акта 6 декабря 97 года, когда была подложена бомба в здании Министерства Развития. За эту акцию взяла на себя ответственность "Анархистская Организация Городской Герильи", требующая, чтобы не работали шахты в северной Греции. Греческая полиция в течение вот уже 20-ти лет безуспешно пытается разгромить различные левацкие боевые группы, действующие в стране. Никос Мазиотис оказался в тюрьме отнюдь не в первый раз. Он ранее был присужден к 40 месяцам тюрьмы за участие в оккупации Политехнического Университета и еще один срок он получил, поскольку был первым в Греции отказником как от военной, так и от "альтернативной службы". После его последнего ареста в Афинах прогремело много новых взрывов, которые полиция связывает с протестами против его заключения в тюрьме. За дополнительной информацией обращайтесь по электронному адресу: <acircle@cybergal.com>

Анархический съезд во Франции

Во Франции осенью 1997 года прошел конгресс ИФА - (Международные Федерации анархистов). В нем участвовали больше ста делегаций из семидесяти трех стран. На конгрессе прозвучали доклады секций и гостей о ситуации в их странах и работе анархического движения. Были приняты документы о глобализации и против войны и эксплуатации.

Новая страна на карте

Одинокая скала в 500 милях к западу от Шотландии стала "столицей" страны Waveland. На возвышающуюся над морем 20-метровую скалу высадились трое активистов Гринпис, которые водрузили флаг над островом. Нефтеносный шельф вокруг скалы входит в зону экономических интересов сразу четырёх государств. Кроме того, британское правительство уже выдало лицензию на начало изысканий в этом районе. Своей акцией Гринпис призвал отказаться от планов нефтедобычи в этом районе Мирового океана. Подобное "мирное и зелёное" решение позволило бы избежать трений между государствами при дележе шельфа и уменьшить загрязнение океана и атмосферы. И стало бы великолепной моделью для разрешения противоречий между странами, а также между Природой и Индустрией (кстати, другим районом является Каспийское море).

Вы также можете получить "гражданство" Waveland. Напишите нам и мы отправим запрос по ИНТЕРНЕТ. Спустя две-три недели Вы получите письмо из Waveland.

"Greenpeace в России", №14, 1997.

Адрес: 101428, Москва ГСП-4, ГРИНПИС России.

АНТИАТОМНЫЙ ПРОЕКТ "ВЯСЕЛКА"

ЗЕЛЁНЫМ АКТИВИСТАМ И ОРГАНИЗАЦИЯМ ИНФОРМАЦИЯ ПО ГОТОВЯЩЕЙСЯ АНТИАТОМНОЙ КАМПАНИИ В БЕЛОРУССИИ

Как стало недавно известно, руководством Республики Беларусь принято решение о строительстве атомной станции. Наиболее вероятное место размещения будущей АЭС - Могилевская или Витебская область.

Не говоря уже о принципиальных возражениях против развития атомной энергетики вообще, необходимо отметить, что места для строительства АЭС выбраны крайне неудачно: в непосредственной близости от зоны поражения, пострадавшей в результате Чернобыльской катастрофы, на разломах земной коры, в опасной близости от крупных населенных пунктов - Могилева, Витебска и Минска. То есть, перед нами один из самых авантюрных проектов атомной энергетики на территории бывшего СССР.

Власти тщательно скрывают от общественности всю информацию, связанную с развитием атомной энергетики в республике. В то же время, средства на постройку АЭС будут изыматься из бюджетных источников, вместо того, чтобы направлять их на обеспечение социальных программ и восстановительных работ в зоне радиационного поражения.

В настоящее время уже проведены инженерно-геологические изыскания на вероятных местах строительства: в Быховском и Шкловском районах Могилевской обл. и в Шумилинском р-не соседней Витебской обл. В мае этого года Палата Представителей Беларуси создала специальную комиссию, чтобы решить вопрос о необходимости этого объекта. В комиссию вошли как сторонники, так и противники АЭС. Однако она до сих пор не приступила к работе. Публичного обсуждения проекта также не происходит.

Сложившаяся ситуация побудила активистов экологического и радикального движения Беларуси, России, Украины, Польши, Чехии и Германии выступить с инициативой проведения летом 1998 года кампании протеста против строительства Могилевской АЭС. Кампания протеста видится нам как массовое радикальное экологическое действие, способное остановить зарвавшихся чиновников и атомную мафию.

Инициатива уже поддержана основными оппозиционными, экологическими и правозащитными группами Республики Беларусь. Начат сбор информации и средств для проведения будущей акции. Ее планируется провести во второй половине лета 1998 года.

Название этого антиатомного проекта - "Вясёлка" (в переводе на русский - "Радуга"). Мы считаем, что атомная мафия и атомная опасность не знают государственных границ, а потому и отпор им должен носить интернациональный, массовый, публичный характер. Планируемое строительство АЭС не только является вызовом жителям самой Беларуси, но представляет явную угрозу для близлежащих стран. Только общими скоординированными усилиями мы можем предотвратить опасность нового Чернобыля.

В настоящий момент проект Белорусской АЭС находится в той стадии реализации, когда проведение крупномасштабной акции протеста наиболее благоприятно. Подготовительные работы говорят о серьёзности намерений властей, но само строительство ещё не начато, сваи не вбиты. Поэтому нет угрозы конфликта со строительными рабочими, боящимися потерять работу. Вместе с тем в Беларуси всё еще силён "чернобыльский синдром", выражающийся в абсолютном неприятии любых атомных проектов. Важным фактором успешного проведения акции является также общий оппозиционный подъем в республике.

Понадобятся люди, информация, материальные средства. Поэтому мы призываем всех заинтересованных лиц, а также движения и организации к сотрудничеству. Проект "Вясёлка" не имеет центральных руководящих органов, любой человек или группа людей может присоединиться к проекту при условии поддержки его основной цели - остановить новый атомный беспредел на белорусской земле.

Желающие поддержать акцию и получить дальнейшую информацию могут связаться с нами по одному из адресов (с указанием координат, не обязательно электронных, для обратной связи):

Беларусь
Минск, 220085, а.я. 42, «Вяселка»
Россия
Москва, 121019, а.я. 211, для «Вяселки»
e-mail: irina@irfed.dnttm.rssi.ru, rk@glas.apc.org
Украина
Киев, 252040, а.я. 72, «Вяселка»
Польша
ul. Energetykow, 8/9, 41-706, Ruda Slaska, Polska, «Vyaselka»
e-mail: jaceks6@diana.announce.com
Чехия
P.O.Box 587, Praha-7, 17000, Czech Republic, «Vyaselka»
e-mail: tesarek@usa.net

Лоренц Шреттер

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Экономические преобразования дали старт глубоким изменениям, которые неизбежно будут оказывать резкое и всеохватывающее влияние на нашу политическую и общественную систему. Экономические и политические процессы вызывают, в частности, дерегулирование трудовых отношений и разрушение социального государства. Где конец этим преобразованиям, никто не знает. Поскольку такое развитие направлено против все большего числа людей и их реакция непредсказуема, социальный демонтаж сопровождается демонтажем демократии и расширением могущества экономических кругов... Резкость, быстрота и отсутствие тормозящей оппозиции позволяет дальше и решительнее продвигаться вперед вопреки «растущей группе людей, находящихся в неуверенном экономическом положении» (Мюллер). «Экономика пожирает демократию» еще быстрее, если массы погружаются в фатализм и «становится ясно: выступать против глобализации - все равно, что жаловаться на плохую погоду» (Пипер). Но причины глобализации следует искать не в надчеловеческих силах рынка, а в решениях, принимаемых на международных встречах, и в технологическом развитии. Эти факторы и породили тот натиск, о котором пойдет речь...

В современном мире заинтересованность в экономическом росте больше, чем заинтересованность в том, чтобы обеспечить всех людей всем необходимым. Если, как предрекают, 20% населения, работающего по найму, будет достаточно для мирового капитализма, возникает вопрос, какой же интерес будут иметь остальные 80% в сохранении мирового капитализма, если они не будут иметь никаких жизненных и социальных гарантий?

Новая мировая экономика

Н.Пипер писал в газете «Цайт» 5 апреля 1996 г.: «Уже при жизни Карла Маркса мир был глобальной деревней: пароходы, железные дороги, телеграф, строительство Суэцкого канала сделали земной шар меньше». Это наводит на мысль, что как тогда, так и сейчас речь идет об одном и том же процессе, пусть и в других условиях. Но термин «глобализация» вводит в заблуждение, поскольку многие сложные и частью противоречивые процессы, характеризующие новое экономическое и политическое положение в мире, оказываются на втором плане. В первую очередь под глобализацией понимают глобальное объединение рынков и хозяйственных систем. В 1973 г. дерегулирование денежной системы на мировом финансовом рынке положило начало повороту к неолиберализму. Благодаря отмене привязки валют к золотому доллару, возникли надгосударственные финансовые рынки. Благодаря микроэлектронным дигитализированным информационным и коммуникационным возможностям резко возросли объемы информации, что позволило устанавливать международные контакты в более широком объеме и одновременно намного быстрее.

С 80-х гг. в экономику ринулся стремительный поток денег и технологий, сделавший возможными гибкий перенос производства в другие регионы и структурные экономические изменения. «Мировой рынок означает сегодня близость, высокую плотность и интенсивность транснациональных связей...» (Альтфатер). Например, для ФРГ это может означать, что интенсивные в смысле создания стоимости ключевые функции производства (например, исследование и развитие, дизайн, финансовое хозяйство) остаются на ее территории, а наиболее приближенные к производству сферы, интенсивные с точки зрения зарплаты, будут перемещаться в азиатские регионы роста. Происходит более плотное хозяйственное переплетение между Японией, Северной Америкой и Европейским Союзом, то есть так называемой триадой метрополий, к которой примыкают некоторые государства азиатско-тихоокеанского региона, так наз. государства-«тигры» с их гибким народным хозяйством. Развитие последних 10 лет выявляет растущую концентрацию торговли и производства в метрополиях, что, казалось бы, делает мировое экономическое пространство не столь уж глобальным. Но уже наготове технический потенциал, который позволит втянуть в него последний самый отдаленный закоулок Земли, если этого потребует экономическая экспансия или передвижка в существующих блоках. В этой связи важную роль играет наука, связанная с исследованиями генов и атома - она завоевывает микромир и устраняет последние «белые пятна». Все патентуется, воплощается в технику и ставится на службу прибыли.

И все же центр и периферия продолжают существовать во все более резком обличье. «Оборотной стороной стала почти ужасающая маргинализация целых регионов мировой экономики, прежде всего Африки» (Бишофф). Но и это состояние противоречиво: на периферии внедряются производственные островки, интенсивные с точки зрения зарплаты, в то время как в метрополиях можно наблюдать все более сильные признаки периферии, скажем, неграмотность и обнищание. Вследствие этого переплетения и интернационализации транспортных, информационных и коммуникационных возможностей, капитал может действовать все более автономно, и не привязан тесно к определенным местам размещения производства. Наконец, исчезновение биполярности мира и «соревнования систем» в 1989 г. привело к расширению сферы влияния капитала. Утвердился термин «новый экономический порядок». Во время конкурентной борьбы между западным капитализмом и восточным «госсоциализмом» Запад был вынужден поддерживать определенный социальный уровень; после краха «реального социализма» это уже не нужно.

Инновационные технологии как мотор глобализации

Благодаря развитию микроэлектроники, сформировались новые производственные силы, которые позволяют находить рынки во всем мире с помощью спутниковой связи и новых управленческих и коммуникационных потенциалов. Становится возможным непосредственное сравнение цен и качества продукции, поскольку «...почти повсюду... можно внедрить одинаково высокий уровень технологии и, соответственно, производить высокоценные продукты» (Реснер). Это ставит под вопрос преимущества, которыми обладали в конкурентной борьбе развитые индустриальные страны. В Китае печатаются немецкие телефонные книги; в Сингапуре - немецкий театральный журнал, который через Карибы доставляется в ФРГ; в Индии переводятся книги, которые через компьютерные сети попадают в другие страны и на другие континенты... «Гибкость массового производства обеспечивается вариативной автоматизированной технологией и новыми технологиями организации и управления, которые к тому же делают возможной реорганизацию процесса создания прибавочной стоимости на уровне, выходящем за рамки отдельных предприятий» (Бишофф). С помощью этих современных технологий можно комбинировать в каждом случае наиболее выгодные с точки зрения издержек национальные зоны размещения производства. И, наконец, можно приспособить продукты к индивидуальным запросам, как это демонстрирует широта предложения в автомобильной индустрии. Бишофф считает системную технологию определяющим признаком, «моментом качественного скачка в новых концепциях рационализации». Для служащих и рабочих (в том числе в lean production) это означает, что их будут все больше «вытеснять посредством рационализации... с опорой на компьютер, то есть косвенно и с помощью микроэлектроники» (Курц).

описанных выше методов отдельные национальные государства ввергаются в конкурентную борьбу друг с другом (за инвестиции), а транснациональные предприятия могут ориентироваться на то, «...где, например, благоприятнее налоговые и финансовые возможности, ниже экологические стандарты и зарплатные и социальные издержки» (Реснер).

Мировой финансовый рынок

«Если говорят о глобализации, то, как показывают дебаты о местах размещения производства, в большинстве случаев речь идет, в первую очередь, не о сфере реальной экономики. В центре находятся финансовые рынки», - пишет Й.Бишофф. На перестройку финансовых рынков «...крупные предприятия реагируют изменением деловой политики...». Для регулирования мировых финансовых рынков и мировой финансовой системы в 1973 г. была создана децентрализованная конструкция - финансовые центры с «дуалистической структурой». С одной стороны, «...в значительной мере нерегулируемый, свободный от государства международный сектор...», с другой - «...конкурирующие друг с другом финансовые системы национальных государств» в метрополиях. Доминирующие интернациональные монетарные торговые центры при этом «...оказывают растущее давление на национальные валютно-финансовые системы». Этот первый, интернациональный уровень - в том числе из-за недостаточного подкрепления реальными производственными процессами, фабриками, благами и товарами - превратился со временем в «пузырь» (Курц), в «спекулятивный карточный домик» (Альтфатер). Из обращающихся «ежедневно 1000 миллиардов долларов США... только около 1% необходимо для покрытия мировой торговли» (Альтфатер). Происходящее с 1973 г. отделение глобальных финансовых потоков от реального кругообращения товаров и услуг и ликвидация золотого обеспечения валют привели к тому, что «...ни одна страна не была больше обязана соблюдать валютную дисциплину и реальный паритет производительности... Всемирную валютную систему заменили всемирной потребительской кредитной машиной!» (Ханкель).

Экономическая, социальная и финансовая нестабильность и проявления распада - это непосредственная реакция на «мировой денежный порядок». Отсутствие валютной автономии национальных государств при переводе национальных валют в иностранные и «потребительская кредитная машина» «международного банковского сообщества» с ее чудовищным ростом интернационального денежного и финансового капитала оказывают воздействие на политику предпринимателей, прежде всего концернов. Поскольку национальной валютной автономии больше нет, а обменные курсы нестабильны, что создает постоянный риск убытков, все больше и больше предпринимателей вкладывают деньги «посредством экспорта капитала поближе к рынку... К тому же многонациональные предприятия... могут иметь множество национальных адресов, стремясь стать интернациональными тысяченожками со многими национальными ножками» (Фишер).

Экономическая, социальная и финансовая нестабильность и проявления распада - это непосредственная реакция на «мировой денежный порядок».

Рекордные прибыли без общественного распределения

Несмотря на стагнацию спроса на рынках, такие концерны, как «Фольксваген» или «Байер», сообщают о рекордных прибылях. Доходы «Фольксвагена» увеличились по сравнению с 1995 г. в два раза, доходы «Байер» возросли по сравнению с 1995 г. на 18% и «...после блестящих операций 1996 г. компания снова (!) празднует рекордный год» («Юнге уровне, поскольку глобализация производства приносит концернам огромные прибыли. Так, доходы 500 крупнейших фирм мира в 1994 г. выросли на 62%, а в 1995 г. еще на 15%. Они получены не столько за счет производства, сколько за счет спекуляций, например, ценными бумагами на мировом финансовом рынке. В сфере производства с растущим успехом предпринимаются попытки смягчить воздействие экономического кризиса с помощью удешевления рабочей силы. Деньги, нажитые во всемирных финансовых спекуляциях, лишь в малой степени вкладываются в машины и фабрики. «За последний год лишь 62 пфеннига из 1 марки собственных средств финансирования использовались для материальных вложений капитала. Прибыли все больше вкладываются на мировых финансовых рынках» (Хикель). Эти прибыли остаются недоступными для финансирования социальных расходов и не облагаются налогами, как, например, зарплата; они недоступны государству. Социальное обеспечение осуществляется за счет рабочих и служащих, а их количество, несмотря на все усилия создать новые рабочие места, не растет. А от этого количества в значительной мере и зависит финансирование социальной политики.

Национальное социальное государство на переломе

Описанная выше ситуация показывает, что глобализация все больше посягает на автономию действий национальных государств, особенно в социальной сфере. По мере того, как проблемы во все большей степени переносятся на наднациональный или на субнациональный уровни, государство все менее способно контролировать национальный уровень. Наиболее заметно это было до сих пор в связи с обсуждением экологической угрозы. Боб Джессоп отмечает, что «полномочия принимать нормативные... решения передаются наверх, наднациональным органам». Происходит «интернационализация национального государства». Национальное регулирование социальной политики приносится в жертву «...мнимым императивам международной конкурентоспособности».

После того, как капитализм попал в экономический кризис, и рост производства захлебнулся, ставка, в конечном счете, была сделана на «свободное развитие рынков». До сих пор капиталистическая экономическая система «социально обволакивалась» государственным вмешательством. Теперь это меняется. С началом переговоров по ГАТТ в Уругвае в 1986 г. на наднациональном уровне начали устранять ограничения и препятствия на пути глобальной капиталистической экономики. Всемирная торговая организация призвана наблюдать за соблюдением обязательств государств-участников на национальном уровне. Скользкость финансовой системы и необузданное транснациональное расширение фирм и концернов или угроза такого расширения возрастают и оказывают во всех странах все больший нажим на наемных работников, которые считают правителей своих национальных государств своими компетентными представителями. Еще примерно десятилетие назад экономика была ориентирована на внутренний рынок, и при чрезвычайных ситуациях в каком-либо секторе или в какой-либо отрасли на национальном уровне было возможно спасительное государственное вмешательство. Но на транснациональном уровне не существует «всемирной социальной перераспределительной инстанции» для «национальной экономики», попавшей под колеса «тотального мирового рынка» (Курц), чтобы как-либо помочь ей. Тут лишь подсчитывают «беспощадно проценты и проценты на проценты».

Рыночная экономика в территориальных границах?

Под влиянием объединения стран метрополии в блоки (Североамериканская зона свободной торговли, Европейский союз и т.д.), ратификации договоров Всемирной торговой организации (об облегчении доступа к рынкам), и т.п. территориальные границы государств стали проницаемы для экономики. То, что было возможно для финансового капитала с середины 70-х гг., должно теперь распространиться не только на изготавливаемые продукты, но и на целые производства. Происходит «эффективное устранение межгосударственных границ для денег и капитала» (Найер). Утратил ли капитал национальную привязку, или, иными словами, можно ли быстро убрать одну из «многочисленных национальных подпорок», если она будет казаться неудобной? Если «...председатель наблюдательного совета «Даймлер-Бенц» Э.Ройтер грозит перенести производство за границу, возможно, в Россию, где есть достаточно обученных, здоровых и (как он надеется) покорных рабочих» (Чомский), то это показывает, какими прозрачными стали барьеры. Ведь то, о чем заявляет г-н Ройтер, многие фирмы уже сделали. То, что происходит между США и Мексикой, ежедневно происходит и между ФРГ и Польшей. В Мексике непосредственно вблизи границы расположены фабрики, «...где на импортированных машинах обрабатывается или монтируется также импортированные сырье и полуфабрикаты, а целые изделия снова экспортируются», заявляет мексиканское министерство торговли. Такие предприятия оказывают давление на социальный уровень, налоговые поступления, экологические предписания, зарплату и профсоюзную деятельность, особенно в странах, откуда осуществляется импорт оборудования, сырья и полуфабрикатов.

Если присмотреться к германо-польской границе, которая весьма похожа на американо-мексиканскую, то можно увидеть, какова функция таких границ. С одной стороны, границы создают саму возможность для отграничения больших масс мобильных людей, для торможения потоков мигрантов и (или) для промышленных субсидий, поощрения экспорта, налоговых послаблений для тех, кто больше получает и т.д. С другой стороны, национальная территория развитых стран все больше становится своего рода лоскутным одеялом из регионов со специфическими, более или менее привлекательными факторами для размещения производства, которые также соревнуются за конкурентоспособность и привлекают инвестиции. Это используют в своих интересах предприниматели, ведь они могут «в долгосрочной перспективе... удержать свои экспортные позиции только в том случае, если, по меньшей мере, часть цепочки производства стоимости от сырья до готового продукта укоренена на экспортных рынках» (Альтфатер).

Территориальные и национальные оппозиционные инстанции не образуют общую экономическую сеть и не обеспечивают общих решений или соглашений, которые сделали бы возможными меры политического вмешательства или регулирования планетарной экономики. «Действительно ли удастся создать мировой порядок по образцу Третьего мира - с высокопривилегированными островками благосостояния (иногда довольно большими - вплоть до целых богатых стран) в океане нищеты, с тоталитарными механизмами власти внутри демократических форм?» - задает вопрос Чомский. Для экономики границы играют все меньшую роль, но она (экономика) извлекает выгоду из социальных, общественных проявлений этих границ.

Дискуссия о размещении производства - мнимые дебаты?

Что такое место размещения производства: бессмысленный термин или же решающий критерий для того, чтобы не оказаться среди тех, кто экономически проиграет? Часто возникает впечатление, что в основе аргументации лежит скорее точка зрения, нежели объективное рассмотрение ситуации. «Капитал исследует, производит, финансирует и продает именно там, где условия и возможности получения

прибыли наиболее благоприятны», - констатирует Барбара Шрайбер. Аргументация насчет благоприятного места для размещения производства дает представителям экономических интересов мощное средство давления, которое, несомненно, позволяет изменить соотношение сил: ведь «чем беспрепятственнее может осуществляться движение товаров, услуг, рабочей силы и капиталов, тем труднее будет сохранить особые национальные правила, которые ограничивают конкурентоспособность соответствующих мест размещения производства. Выравнивание уровней или принятие норм, ориентированных на наиболее низкий стандарт, запрограммировано» (Шрайбер).

После того, как были сформированы и созданы технические, экономические и правовые условия, «стало возможным непосредственное сравнение мест размещения производства...» (Рёснер). При этом «...в международном разделении труда в XX веке предпочтение оказывается скорее не тем странам, которые вынуждены экспортировать сырье, а тем, которые могут выходить на мировые рынки инновативно в техническом и организационном смысле с новыми продуктами, произведенными квалифицированной рабочей силой» (Альтфатер).

Проблема состоит во все большем разрыве между социальными и экономическими процессами. Политическая сторона делает все, чтобы проложить дорогу планетарной экономике (например, 128 стран в 1994 г. подписали в Уругвае договоренность о всемирном соглашении по тарифам и торговле - ГАТТ), а социальные и экологические расходы (на образование, медицинское обеспечение, здравоохранение, поддержку безработных, защиту и очистку окружающей среды и т.д.) подчиняются экономическим критериям рентабельности, т.е. попросту сводятся на нет.

Отбрасывание основ социального государства

Важнейшими сферами деятельности национального государства, согласно Альтфатеру, являются защита от «негативных тенденций на мировом рынке», возможность снижения или повышения процентной ставки и «национал-государственное формирование уровней заработной платы (...), обменных курсов и цен». Эти области вышли из-под контроля национального государства. Национальная валютная автономия утрачена, что привело к потере «монетарной защиты с флангов» (Ханкель) со стороны национального государством. В связи с этим растет и бессилие в вопросах защиты государства благосостояния и позитивного воздействия на занятость. Иными словами, национальное государство потеряло экономический суверенитет. «Суверенитет национальных государств состоит в постижении политическим классом закономерностей мирового рынка и в способности следовать им с помощью стратегии конкуренции» (Альтфатер).

«Она основывается на новых формах организации работы предприятий, то есть «увеличении ценности труда», групповой работе, кружках качества, ответственном включении «гибких» структур наемного труда в процесс производства и

технологическом наступлении, которое базируется на введении новых информационных технологий и технологий обработки данных, новых продуктов и опыта - например, опыта биотехнологической перестройки аграрного производства», - так суммирует стратегию конкуренции Йоахим Хирш. В какой мере удастся узаконить такой подход, пока неясно. Возможно, такого рода стратегия сможет пробить себе дорогу, ссылаясь на (самосозданную) чрезвычайную экономическую ситуацию в мире и снижение ответственности «национальных хозяйств» за происходящие экономические процессы. На государства теперь ложится лишь задача выполнения «требований конкуренции» и приспосабливания к ней «национальных хозяйств» и общества (Деппе). Совершенно ясно видно, что же должно остаться после «соревнования систем»: частично субсидируемая, не имеющая никаких границ экономика, в которой прибыли приватизированы, а груз убыточных секторов должно нести общество.

Бесконечная история капитализма

Сегодня предполагается, что история окончена, капитализм провозглашается единственно возможной формой экономики. Прошло добрых сто лет с тех пор, как политический класс начал проводить социальную политику. Сегодняшняя политика носит обратный характер: без соответствующего лобби и при господствующей вере в капитализм социальная политика грозит лишиться всякого значения. Политическая и хозяйственная часть общества, воплощенная в концернах, банках, предпринимательских союзах, политиках и в значительной степени также и в профсоюзах, пытается бороться с продолжающимся кризисом с помощью постепенной ликвидации обеспеченного государством минимального жизненного стандарта. В каждой сфере жизни вводятся нормы капиталистической экономики, для преодоления кризиса накопления все чаще применяют соотношение выгод и издержек. Это можно наблюдать в области культуры, средств информации или образования. Такое развитие ситуации принимается обществом с явной «добровольной покорностью» (Хирш). Общества имеют тенденцию подчиниться глобальному капитализму, не задаваясь в этой связи вопросами относительно его происхождения и не пытаясь приблизиться к пониманию причин этой реальной или мнимой необходимости.

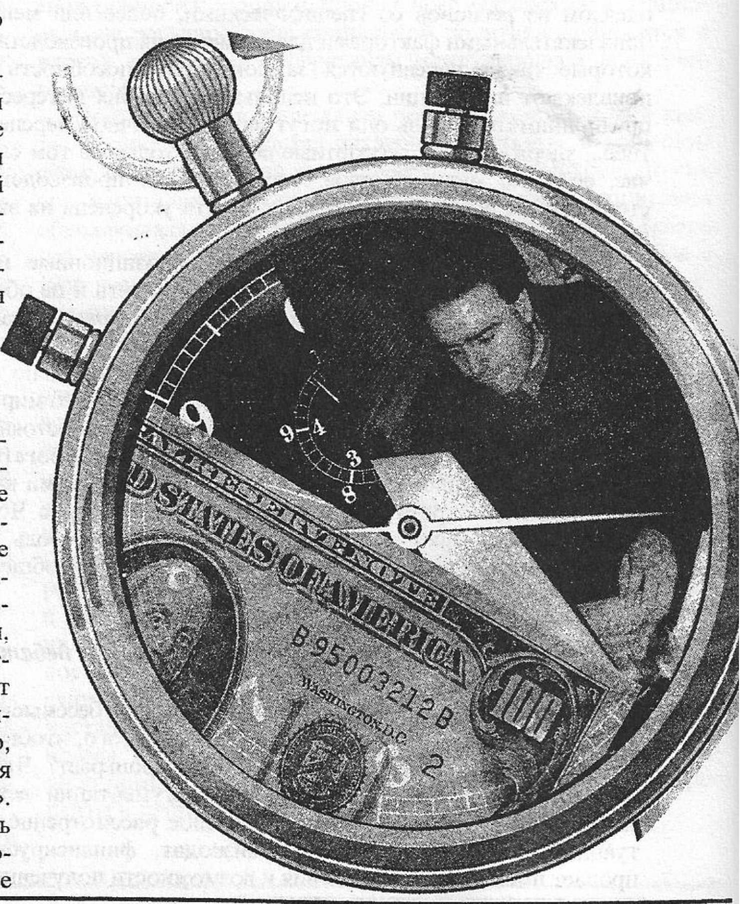
С альтернативами дело обстоит еще хуже, по крайней мере, после того, как иные, отличные от капитализма формы политики и экономики стали казаться немыслимыми после краха Восточного блока, и возникло «...фаталистическое и радикально антиутопическое сознание...» (там же). С другой стороны, нынешние процессы охотно описываются как революционное изменение всех сфер жизни, а в качестве сопутствующего явления восхваляется «...*государство,* решительным образом расширившее свои полномочия в области слежки и контроля». (Хирш).

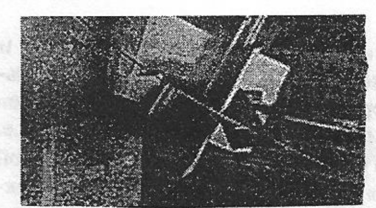
Утопия всемирного социального общества

Было бы абсурдно пытаться на уровне национальных государств найти решение всех этих проблем, являющихся результатом деятельности мирового рынка. Экономика все больше соединяется в сети в глобальных центрах, но согласования социальных стандартов не происходит. Глобальные ответы могут быть даны и осуществлены только профсоюзами, отказавшимися от «соучастия в управлении», социальными движениями, безработными и другими - всеми теми, кто обладает интернациональным самосознанием. Отсутствие интернационализации трудящихся классов затрудняет согласование их действий в глобальном масштабе. При нынешних обстоятельствах трудно предотвратить, например, ситуацию, при которой трудовые коллективы настраиваются друг против друга, как это имеет место на «Фольксвагене». Интернациональная организация позволила бы уравновесить растущую монополизацию капитала, правящие классы которого договариваются между собой через ГАТТ, ЕС и другие институты; она усилила бы пробивную силу наемных тружеников. Если каждое контрдвижение останется националистическим и антисолидарным, «труд станет во всем мире дешевым, как дерьмо» и в интернациональном масштабе утвердятся наиболее низкие жизненные стандарты.

Погрязли ли мы уже в «ловушке глобализации»? Борьба за сохранение социальных завоеваний, вроде недавних мощных забастовок во Франции и в других европейских странах - показывает, что сопротивление (все еще?) существует. Трудно судить о том, не есть ли это последние конвульсии, тогда как общественный организм уже разложился на составляющие, на атомизированных индивидуумов. Или же, напротив, подобные движения смогут стать отправной точкой, базой для сопротивления глобализации. Почему, по крайней мере, в Европе не возникает солидарная сеть профсоюзов, которая положит конец конкуренции в контрактах на предприятиях? Вместо этого главным образом предпринимаются попытки оборонять существующие рабочие места. Не пришло ли время и безработным начать профсоюзную политику? При взгляде на эти вопросы становится видно, что мы идем к «...расчетной исторической точке, ... в которой происходит перелом... могущий стать переломом в катастрофе» (Цинн). Мы как раз в центре происходящего. Вопрос в том, насколько при этом переломе предопределено то, что мы не можем заменить или реформировать существующее общество. Поскольку, как констатирует Альтфатер, «...не существует границы, за пределами которой капиталистический рост прекращается и экспансия останавливается, даже если внешние границы достигнуты...», на место активной борьбы может придти только фаталистическое ожидание катастрофы.

Schwarzer Faden, 2/ 1997

Марко Ревелли

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В ТУПИКЕ

С незапамятных времен левые всех оттенков - будь они большевиками или фабианцами, революционерами или реформистами, правящими или оппозиционными - смотрели на государство как на особую форму *общества*; это была их непоколебимая догма**(1)**. По крайней мере в течении последних 70 лет левые убеждены, что сфера государства в своей «универсальности» идеально служит задаче создания «справедливого общества», «местом», где могут проявиться «социальные» интересы (в противовес «рынку», где господствуют «индивидуальные», «частные» или «эгоистические» интересы). Поэтому они считали обобществление и огосударствление *синонимами* и стремились передать государству все более широкие функции в управлении различными сферами общественной жизни вплоть до передачи ему, так сказать, *монополии на общество.* Дошло до того, что из государства сделали «условие» обеспечения общественного характера самого общества - в противовес «асоциальности» капитала и рынка

Паутина государства

Даже движения конца 60-х - начала 70-х гг., которые, по крайней мере, на уровне своих программ, пытались порвать с этой логикой, и которые опирались на *общественную автономию,* не смогли избежать той же участи. Особенно в Италии - где волна общественного неповиновения была длиннее, а концентрация рабочих выше, чем в большинстве других западноевропейских стран - после нефтяного кризиса и перелома в результатах выборов в 1975 - 1976 гг. коллективные требования в общественных конфликтах все больше *адресовались государству.* Подвижная шкала зарплаты и специальная интеграционная касса, реформа здравоохранения и пенсионная система: все «завоевания» 70-х гг., которые перешли в следующее десятилетие, все «пережитки» общественного в этом цикле, пережившие капиталистическую перестройку, были, если можно так выразиться, «заключены» в государственную оболочку. Это *формы* подчинения общественного «политическому». Можно сказать, что масштабы провала этого цикла борьбы проявились именно в неспособности найти формы консолидации общественной автономии и избежать судьбы «19 века» - полного огосударствления общественных явлений.

...После одного из самых интенсивных, радикальных и имеющих наиболее глубокие общественные корни циклов массового неповиновения, открыто выдвинувшего цель - дать слово коллективным субъектам «общества», мы *столкнулись с чрезвычайно усилившимся государством.* Оно куда более глубоко пронизало общество, куда сильнее утвердилось в своей посреднической роли во всех сферах жизни общества, во всех элементах социального организма, чем думали многие левые. В такой мере, что любой конфликт, так сказать, «юридизируется» и «фискализуется», а коллективные субъекты превращаются в атомизированные фигуры «граждан» и «клиентов». В результате проблема не продвигается ни на миллиметр: даже среди самых левых групп сохраняется тенденция видеть в государстве *институционного гаранта* принципа равенства и возлагать на управленческий аппарат задачу создания условий для осуществления собственной программы.

Такое развитие событие отнюдь не было неизбежным. Общественное и государственное отнюдь не совпадают *в принципе* сами по себе. Они даже не дополняют друг друга. Напротив, в чудесной книжке под характерным названием «Сегодняшние вопросы к позавчерашнему европейскому синдикализму» (1992) Пино Феррарис убедительно показывает, что первоначально рабочее движение и современное государство противостояли друг другу как противоположности, что зрелое XX столетие сформировалось именно в борьбе не на жизнь, а на смерть между процессом социализации политической вселенной *снизу* и процессом стабилизации общества *сверху.* Субъектами первого процесса были угнетенные классы, которые, как «обособленный мир», вне государства пытались защищать свою собственную независимую социальность, основанную на ассоциации, солидарности и взаимопомощи, создавая свои собственные формы права, тесную сеть федеративных соглашений и общественных, а не государственных «актов». Второй процесс был нацелен на интеграцию масс в государство (непосредственную, как в модели Бисмарка, или «опосредованную», как у Джолитти) с помощью бюрократической «рационализации» и нейтрализации конфликтов с целью сосредоточить в руках «государственного аппарата» монополию на «общественно значимые» связи.

Вторая модель осуществилась во многом благодаря тому, что Первая мировая война привела к чудовищной централизации европейских обществ. Это произошло не без кровавой борьбы с «другим рабочим движением», которое не желало участвовать в огосударствлении и не принимало централизованное государство ни в форме парламентаризации конфликтов (как у немецкой социал-демократии), ни в виде отождествления рабочей партии с государством (как в ленинизме). Берлин января 1919 г. и кровавая расправа над спартаковцами, с одной стороны, и Кронштадт, с другой, стали трагическими символами перелома, через который государственная монополия на общество проложила себе дорогу.

Забвение корней

«Автономия политики» утвердилась как ужасающее *упрощение* социальных субъектов, их культурной жизни, их коллективного поведения (языка, традиций, материальной культуры, форм организации воспроизводства), как систематическое разрушение «общественной автономии» со всей ее потенциально «подрывной» силой, разрывая ее первоначальный опыт вместо того, чтобы продолжать его. Это был резкий разрыв, поворот в иную сторону (в том числе в отношении позиций Маркса), а не совершенствование и дополнение, как утверждала «коммунистическая» историография XX столетия.

С наибольшей ясностью этот разрыв, вероятно, ощутил Зигмунт Бауман, показавший в своей работе «Память класса», возникновение современного «социального государства», как завершение длительного процесса размывания рабочего класса в том виде, как он сложился после первой промышленной революции. Произошла «экономизация» классового конфликта, и ее главными участниками стали крупные профсоюзные организации - существо ее сводилось к растущему перемещению оси конфликта из сферы производства (места, где ведется борьба вокруг содержания труда и в защиту первоначальной независимости производителя) в сферу распределения и потребления (где ведется борьба за распределение прибавочной стоимости). Ценой стало, согласно Бауману, «забвение корней» - постепенное отречение рабочих организаций от их собственной исторической памяти, окончательный разрыв с ремесленной традицией, цель состояла в подмене *независимости гарантированностью*.

Государство во все большей степени становилось «гарантом» распределения прибавочной стоимости в «терпимых» масштабах на основе всеобщего соотношения классовых сил. Производители окончательно отказывались от борьбы за «контроль над процессом производства, над собственным телом и собственной душой», борьбы, которая прежде составляла «бунт профессий» против их включения в фабричную систему, - в обмен на растущее участие в потреблении (массовый рабочий и социальное государство возникают одновременно, второе - как гарант товарного характера труда первого). В этом смысле рост компетенции государства отнюдь не противоречит логике рынка. Напротив, одно

обусловливает другое. И то и другое воплощают один и тот же принцип: «соединять разделенное и выравнивать различное», навязывать многообразному миру несводимых друг к другу явлений рыночный принцип *всеобщего эквивалента* посредством двойной - бюрократической и монетарной - рационализации.

Нынешний кризис во многих отношениях снова открывает конфликт, который в XX веке считался уже оконченным. После того, как государство захватило монополию на общество, одно за другим присвоило основные полномочия в сфере материального и культурного воспроизводства социальных субъектов и, тем самым, стало «условием» их существования, оно заявляет теперь, что больше не может терпеть «перегруженность», нехватку ресурсов, провал «управленческих» программ, на которых покоились позднекапиталистические «общественные связи». Оно в одностороннем порядке разрывает договоренности, которые связывали его с обществом. Там, где огосударствление общественного мира было абсолютным, в СССР, оно делает это наиболее катастрофическим образом, оставляя за собой поле руин, в котором невозможно обнаружить даже минимальные социальные гарантии.

Оно делает это более фарсово здесь (в Италии), где «люмпен-социализм» государства - клиентелы, сложившийся в тесной связи со старыми экономическими силами, объявляет о своем банкротстве и удирает с похищенной кассой. Оно выбрасывает позорный лозунг «спасайся, кто может», который оставляет опустошенное общество наедине с его первичными потребностями, до вчерашнего дня еще «делегированными» государству. Тем самым оно ставит левых перед неизбежной дилеммой: защищать то, что еще остается от «социальности» государства, или искать новый ответ, противостоящий этой модели. Иными словами: окопаться в оборонительном сражении на линии 1929 г., защищая идею «социального государства», или попробовать найти негосударственный ответ на проблемы «гражданского общества».

Общественная автономия

Иначе говоря: настаивать на защите старых, универсальных правил, «нарушенных» одним из партнеров, или согласиться сражаться на почве, освобожденной отступающим государством, чтобы на ней противопоставить индивидуалистическому «дерегулированию» (политике, которая, например, решает проблемы здравоохранения с помощью частного страхования) новую солидарную социальность, основанную на модели взаимной самоорганизации, на коллективном принципе солидарного самоуправления. Иными словами, попробовать в целом «покинуть XX столетие».

Должен признать, что альтернатива меня пугает. Ведь нынешнее взаимопроникновение общества и государства настолько тотально и зашло столь далеко, что отступление государства - пусть даже на отдельных участках общественной жизни - неизбежно приведет (и уже приводит) к драматическим социальным последствиям, к разрушению самоих основ существования людей. То есть - к драматическому возрождению «первичных потребностей» масс. Важно отметить также, что кризис социального государства разворачивается в ситуации исторического поражения левых (он сам, в известной мере, часть этого поражения). Но в том, что касается решений, я не сомневаюсь. Левые сумеют пережить кризис, только в том случае, если они сумеют инициировать возникновение новой, внешней по отношению к государству и противостоящей ему социальности. Только выйдя *за* «рамки» XX столетия, выйдя из противоречивой ситуации, к который привело их собственное «огосударствление», пробуя новые формы социальности, основываясь на взаимной помощи, богатстве ассоциаций, характерных для «обществ взаимной помощи» - основанных на принципе «самодеятельности», объединяясь «для», а не «против», объединяясь для организации структур самоуправления, левые силы смогут вернуть себе независимость. Речь не идет о том, чтобы присоединиться к господствующей неолиберальной тенденции: «меньше государства, больше рынка», а о том, чтобы противопоставить «асоциальности» и индивидуализму рынка, и «абстрактной социальности» государства ***подлинную социальность общественного***, которая сможет развить «конкретные» способности самоуправления коллективных субъектов, т.е. различных общественных групп «на территории оставленной социальным государством», которая умеет пользоваться активными ресурсами солидарности вместо обрекающего на пассивность могущества бюрократической организации. Почему бы, например, не поразмышлять о возможных формах самоуправления в здравоохранении (из которого сейчас исключается все больше граждан, хотя они и вынуждены его оплачивать) или в значительной части транспортной системы?

Действовать локально

Речь, конечно, не о большой хирургии и не о «высокоскоростной» железной дороге, которые требуют гигантских инвестиций и наличия централизованных структур. Но о базовой медицине (во Франции это уже происходит). О транспорте в городских кварталах, экологической очистке (как в Кройцберге), о сфере свободного времени, отдельных частях системы образования и повышения квалификации, всем этим могут заниматься небольшие самоуправляющиеся предприятия или индивиды, занимающиеся добровольным трудом. А с другой стороны, почему бы не превратить отмену обременительных налогов - ***в стратегическую ось гражданской борьбы левых*** с тем, чтобы угнетенные трудящиеся получили «свободу» решать, отдавать ли все свои налоги государственному аппарату, который все менее в состоянии обеспечивать их соответствующими услугами, или по меньшей мере часть их вкладывать в солидарную социальность**(2)**? Конечно, решение такого рода означало бы поворот на 180 градусов, отказ от длинного ряда левых «догм» XX столетия. Это означало бы снова поставить местное измерение впереди национального, а конкретность малых размеров впереди универсальных масштабов «политики». И, в то же время, это заставило бы левых осознать «равное достоинство» различий, *единство в многообразии*, и стремиться к обеспечению солидарного равенства в обществе.

Я не знаю, созрело ли время для такого проекта. Не знаю даже, есть ли еще силы, которые окажутся в состоянии поддержать его - или же, напротив, процесс выхолащивание идентичности, атомизации общества, процесс разрушения всех живых социальных связей, зашел настолько далеко, что предпосылки общественной автономии и солидарности уже исчезли. Я знаю только, что проект этого рода - единственный, в который я, как мне кажется, мог бы вложить остатки своего политического энтузиазма.

(«Die Aktion», № 113/119, март 1994 г., стр. 1931 - 1936).

Примечание:

(1) Мы не согласны с подобной оценкой истории левого движения в XX веке, ибо существовали (и существуют), по меньшей мере, два левых течения, враждебно относившихся к государству: Анархизм и Коммунизм рабочих советов (реттокоммунизм).

(2) Эту идею автор статьи взял не с потолка. Некоторые классовые конфликты в современном мире, в том числе, например, знаминитый бунт в Великобритании в 1989г. против подоходного налога (пол-тэкс), введенного правительством Течер, а так же нынешнее движение против муниципальных налогов в Ирландии (Дублин), были связанны именно с отказом трудящихся выплачивать налоги, казавшиеся им явно несправедливыми. Автор статьи фактически предлагает пути возможного использования подобных движений, если они возникнут в будущем, в целях радикального изменения существующего строя. Бойкотируйте обанкротившееся «социальное государство», ничего не просите у него, и ничего не давайте ему, используйте имеющиеся у вас средства для создания своей собственной свободной и солидарной социальности, - вот что он, в конечном счете, предлагает.

Глобальная повседневность

Я имела удовольствие проработать полтора года в магазине "Global USA" и была вмонтирована в эту странную систему, – не сторонний наблюдатель, а живой участник и очевидец...

Хозяин магазина, мистер Имдад Хейг, 40-летний выходец из Бангладеш, а последние лет 12 - гордый гражданин Соединенных Штатов, – личность малосимпатичная, но весьма примечательная. Малосимпатичная с чисто человеческой точки зрения. Примечательная с точки зрения качеств деловых, как бизнесмен. В своих наиболее концентрированных проявлениях приближается к идеальной модели человека, делающего себя ради того, чтобы делать деньги. Self-made man. Обладает чудовищной работоспособностью, абсолютной готовностью пренебречь любыми нормами порядочности, морали, этики, если того требует успех в бизнесе. Понятий "добро" и "зло" как таковых не существует, они существуют лишь применительно к делу: будет ли это хорошо для бизнеса - либо же это будет нехорошо. Для бизнеса. Знает, чего хочет. Умеет добиваться желаемого. Умеет держать себя в форме, никак не проявлять своей усталости. Абсолютное доминирование денег в иерархической шкале жизненных ценностей. Маленького роста. Предпочитает большие предметы обихода: огромный зонтик, машину "Кадиллак". Любит помпу. Закрыт от близких контактов. В бизнесе удачлив. Ему не чужд комплекс собственного превосходства и местами - исключительности, который являет собой обратную сторону комплекса неполноценности. Истоки коего - маленький рост, цветная кожа и, похоже, весьма неблагополучные детство и юность. Цвета рубашки, галстука и костюма дают порой ужасающее сочетание. Вегетарианец. В России имеет жену вдвое младше него и сына.

На российском рынке Хейг появился на рубеже 90-х гг. в качестве продавца производимых им же самим компьютеров с лейблом "Global USA". Фирма располагалась изначально в двух небольших комнатках, снимаемых в одном из московских НИИ. К разделу пирогов и раздаче слонов несколько припоздала: гораздо более могущественные монстры уже распределили сферы влияния на российском рынке. А глобаловские компьютеры не отличались ценой, зато отличались качеством, печально известным в мире компьютерщиков. Отчасти это было связано с тем, что сборка декларировалась как азиатская, иногда даже как американская, однако собирались злосчастные компьютеры не под палящим солнцем в тени разлапистых пальм, а в близлежащем подвале простыми русскими парнями. PC-шки с бело-голубым значком и на вторичном рынке продать было очень проблематично, поскольку лейбл был намертво вмонтирован в корпус и даже при условии замены внутренностей компьютера скрыть его происхождение было невозможно. Первый торговый зал на "Спортивной" собственно и был открыт для торговли компьютерами и сопутствующими товарами. Однако очень скоро этот магазин разросся до своих нынешних размеров (6 торговых залов, спектр представленных товаров чрезвычайно широк); "Глобалы" стали появляться в разных районах Москвы (на настоящий момент их 7), а также в других городах (Питере, Нижнем Новгороде). Владелец довольно известного в Москве ресторана "Планета Голливуд" - также м-р Хейг.

Поскольку дело, т.е. business, м-ра Хейга, двигалось главным образом за счет обучения на собственном опыте методом проб и ошибок, то основная ставка при организации производства была сделана на мобильность как принцип существования "Глобала". Что-что, а изобилие идей, непрерывно сменяющих друг друга и воплощаемых в "Глобале", всегда было присуще м-ру Хейгу. Равно как и способность безболезненно отказаться от им же самим порожденных, но не оправдавших себя проектов, как было в случае с производством компьютеров "Global USA". Показательно, к примеру, что такое глобальное и весьма редкое для обычных магазинов явление, как перепланировка торговых залов, в "Глобале" приобрело характер перманентный: м-р Хейг без конца экспериментировал, располагая отделы по магазину то так, то эдак, перетасовывая их по разным залам, всячески варьируя размеры отводимых отделам площадей, перенося акценты с одних видов товаров на другие (соответственно изменялась степень значимости отделов, эти товары представляющих), время от времени создавая новые отделы и сводя на нет старые. Практикуемый м-ром Хейгом метод – на практике искать максимально эффективное соотношение элементов производства, — давал свои результаты, обуславливая подвижность "Глобала" как образования, обеспечивая способность чутко реагировать на любые изменения в экономической ситуации. В конечном итоге концепция эмпирических поисков оправдала себя в ситуации "Глобала". Однако этот вариант организации дела сопряжен с высокой степенью риска, ведь грубые ошибки, будь они допущены, могли дорого стоить м-ру Хейгу, особенно на первых этапах развития "Глобала". Кроме того - на всех этапах развития - повышенная мобильность системы приносила свои убытки и имела обратной стороной бардак и хаос как присущие системе элементы. Плюс ощущение вечной нестабильности и экстремальности, героическую борьбу с которыми вели рядовые сотрудники.

* * *

Так называемые инофирмы начали появляться у нас в начале 90-х гг. и в 92-93 г. все еще оставались заманчивой, но практически малоосуществимой мечтой граждан, увязших в вечной нищете и томящихся в поисках доходного места. Работать в инофирме было престижно и перспективно: во-вторых, потому, что все, связанное с заграницей вызывало тогда повышенный интерес, в-третьих, инофирм было мало, и они были окружены неким ореолом таинственности, но самое главное – это, конечно, оплата труда, производившаяся в твердо конвертируемой валюте, главным образом в долларах, – общение с которой впервые за многие годы перестало считаться криминалом. Курс доллара в момент его легализации, установленный в соответствии с ценами "черного рынка" на тот момент, явно завышенный, стал шоком для многих наших сограждан (а сколько различных сюрпризов было еще впереди!), привыкших, что американский доллар эквивалентен 70 копейкам. Образовались "ножницы" между покупательной способностью доллара и рубля, к тому же "маленький зелененький" начал быстро расти. Благодаря такой ситуации товары, услуги, а также рабочая сила у нас в стране стали сверхдешевыми - по представлениям извне. К примеру, устроившись по окончании института в госучреждение, я в середине 1992 г. получала зарплату, эквивалентную 5$, - и такое положение было во всем госсекторе. На 15-20$ в месяц можно было жить очень даже неплохо, в представлении большинства бюджетников — просто роскошно. А в инофирмах платили от 100$ – цифра для 1992 г. просто запредельная.

Первое, что приходит на ум всякому, когда-либо имевшему дело с "Глобалом" в качестве сотрудника, неважно какого ранга – потогонная система организации труда. Выжать из человека все соки за 3-4 месяца и заменить его новым, благо желающих много. В середине 1993 г., попав в магазин, сотрудник сразу получал зарплату в 100-150$ на

испытательный срок (в 5 – 7 раз больше средней зарплаты в гос. секторе), по благополучном истечении которого сумма вырастала до 200$, которые явно не были потолком: в перспективе уже помигивали и переливались радужными красками куда более заманчивые цифры. Но эти деньги не были "шальными". Концепция м-ра Хейга в вопросе отношения к нанятому персоналу всегда была примерно такова: я плачу этим людям деньги, а значит, могу требовать от них всего, чего захочу, а они обязаны выполнять все мои требования и капризы безоговорочно. Красноречиво говорил сам за себя график работы сотрудников. Магазин всегда работал с 10.00 до 20.00, без обеда, выходных и праздников (года 3 – 4 назад это было редкостью, почти чудом). И, соответственно, в периоды отсутствия авралов каждый вольнонаемный пять дней в неделю – два плавающих выходных – в 9.45 должен был уже находиться на своем рабочем месте, а в 20.15 еще находиться, до ухода последнего посетителя. После чего продавцы понемногу расходились, а кассиры оставались ждать, когда можно будет "сдать кассу" – на это уходило еще от 15 минут до полутора часов, доползти бы до дома, а там – "скорей бы утро, снова на работу". Элементарный расчет показывает, что "грязное" рабочее время составляло в среднем 10,5 – 11 часов в день. (Не считая времени, затрачиваемого на дорогу в "Глобал" и обратно. Но об этом вообще говорить не приходится.) Минус плавающие полчаса на обед и по 15 минут утром и вечером на "попить чайку" – это время обладало неуклонной тягой к самосокращению. В результате мы имеем 9,5 – 10 "чистых" рабочих часов в день. Прошу заметить также, что никакие общенародные праздники на сотрудников "Глобала" не распространялись (даже 1 января, что вообще антигуманно). Понятно, что подобный график совершенно не укладывался в рамки родного КЗОТа. Понятно также, что работодателя этот вопрос никоим образом не волновал.

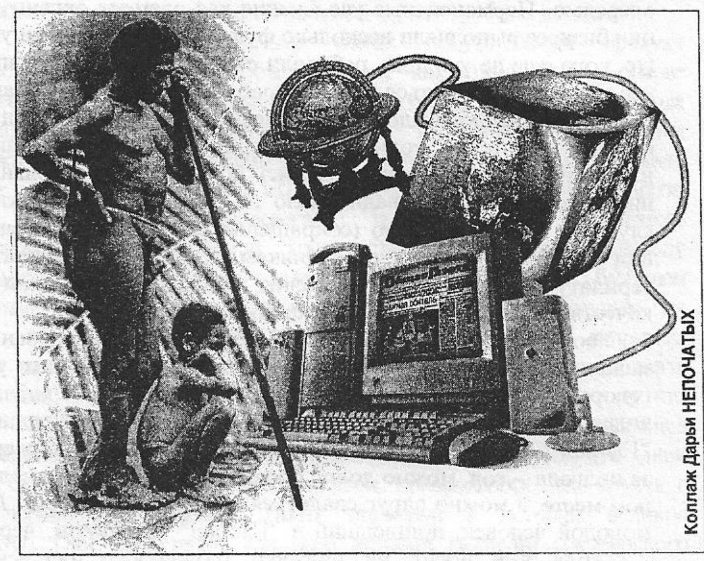
Постоянного напряжения сил, моральных и физических, требовали даже относительно спокойные, ритмичные трудовые будни. Кассиры – с утра до вечера в положении "сидя", причем сидя перед компьютерами без защитных экранов. К черту международные санитарные нормы. Посидят, не развалятся. За каждую свою ошибку кассир рассчитывается из собственного кармана. Разумеется, совершенно справедливое требование, если речь идет о подготовленном специалисте. Но эти же требования распространялись и на "чайников" – девочек, обучение которых занимало 2-3 дня. Отсюда – постоянное нервное напряжение, состояние стресса. Сдавать кассу каждый вечер идешь, внутренне содрогаясь: сойдется – не сойдется? По ночам кассирам постоянно снились деньги, обычно зеленые купюры. Одна девушка как-то: "Мне нужно и за ночные часы доплачивать, я ведь и во сне работаю". Вопреки народной примете, кассиры после таких снов почему-то не богатели. В отличие от м-ра Хейга. У продавцов – свои проблемы. В течение дня запрещалось присаживаться – под угрозой увольнения (десять часов кряду каждый день на ногах – начинались проблемы со здоровьем, сотрудники со стажем жаловались на постоянные боли в ногах и расширившиеся вены). Но и просто так стоять запрещалось тоже: в каждый момент рабочего времени продавец должен был чем-то заниматься, производить какие-то действия. Как правило, работы действительно было предостаточно. Вот, например, постоянно приходилось – не только молодым людям, но и девушкам – перетаскивать собственными силами тяжелые грязные коробки, на пыльном складе взбираться под потолок в поисках нужного товара – лазить приходилось по поставленным друг на друга коробкам, демонстрируя чудеса эквилибристики и акробатики, рискуя свалиться с покоренных высот и быть погребенным обрушившимися на тебя коробками. Никакой спецодежды для подобных случаев не предусматривалось. Будь ты в деловом костюме либо при парадной блузке – будь добр, иди выполняй свой служебный долг. Являться на работу в недостойном "Глобала" затрапезном виде категорически воспрещалось. Тяжелой психологической нагрузкой – правда, одновременно и великолепным интенсивным психотренингом – была обязанность непрерывно общаться с покупателями. Продавцы не были отделены от нескончаемого потока посетителей естественной преградой – прилавком, который в действительности является мощным средством психологической защиты. На самом деле реакция человеческой психики на ежедневное вынужденное погружение в интенсивное общение – феномен очень интересный, дающий массу неоднозначных последствий. Ясно одно: спокойно через такие эксперименты проходят лишь ярко выраженные экстраверты и личности, способные блокироваться от воздействия других людей – остальных это, по меньшей мере, сильно выматывает и дает целый ряд побочных эффектов. Надо ли говорить, что "Глобал" входит в жизнь работающего, практически вытесняя оттуда все остальное, вытягивая все силы и поглощая все время. Бывало, придешь утром в магазин, переобуваешься перед работой и думаешь: вроде только что сидел на этом самом месте, обувался, чтобы идти домой. А будто и не уходил вовсе. – Вот так и вся жизнь пройдет, – грустно и протяжно говаривала одна долгожительница "Глобала".

Ну да Бог с ними, со спокойными (относительно) днями, с ровным (по глобаловским меркам) течением жизни. Поговорим-ка лучше об авралах, которые тоже стали, в конце концов, нормой жизни, которые нередко следовали один за другим либо накладывались один на другой. Авралы бывали мелкомасштабными, требующими заметных, но сравнительно кратковременных усилий (1-2 дня, – например, при поступлении нового товара) — и затяжными. Не было худшего начала утра, чем увидеть по дороге на работу тяжело подъезжающие к "Глобалу" огромные фуры. Фуры нужно было срочно разгрузить, поэтому на спецработы мобилизовывали не только всех имеющихся в наличии грузчиков, но и вообще все поголовно мужское население "Глобала". Распахивали настежь двери – что особенно впечатляло зимой, в морозы – и начинали бегать как муравьи вереницей, перетаскивать коробки из фур в зал и сваливать их как придется – тут уж не до деликатностей. А дамы растаскивали эти коробки по отделам и обрабатывали товар как положено. Все это в очень жестком ритме, предельно быстро и сосредоточенно. Иногда это было даже весело, особенно когда приходил интересный или красивый товар. Разумеется, по домам расходились только тогда, когда заканчивали работу. Сверхурочные, отработанные во время маленьких авралов, никак не оплачивались. Постепенно на фуры вырабатывалась нездоровая реакция – даже на неповинные ни в чем машины, не имеющие никакого отношения к "Глобалу". С. однажды утром вышла из дома на работу и увидела фуры, стоящие во дворе. – Первая реакция у меня – откуда они взялись, ведь сегодня не должно быть фур?! И где документы на пришедший товар? – Бывали еще авралы продолжительные, растягивавшиеся на 1-2 недели, иногда – на месяц: авралы, вызванные временно образовавшейся специфической ситуацией на потребительском рынке или очередной структурной перестройкой магазина. Как правило, режим работы менялся на весь период аврала. В сторону увеличения продолжительности рабочего дня, разумеется. (Новички полны праведного возмущения, бывалые многозначительно и устало, с высоты своего опыта, кивают головами: мы-то еще и не такое видали.) Предписывалось не удивляться, а воспринимать все происходящее как должное. Изнурительный аврал предшествовал открытию двух последних залов в магазине на "Спортивной" летом 1994 г. На этот раз основными жертвами стали сотрудники-мужчины. Отработав, как обычно, целый день в качестве продавцов, они каждый вечер переодевались и шли выгружать телевизоры из фур, или, наоборот, загружать телевизоры в фуры. Счастливые владельцы автомобилей после "второй смены" заваливались спать прямо здесь же, у магазина, в своих машинах; остальные Бог весть как добирались среди ночи до дома, спали 2-3 часа и утром снова отправлялись на работу. Так продолжалось недели две. Молодые люди с красными от усталости глазами передвигались по магазину, как сомнамбулы, не в состоянии адекватно реагировать на внешние раздражители. Но поче-

му-то никому из них не пришло в голову выразить свой протест, не согласиться с подобным к себе отношением.

Нетрудно догадаться, что работа в славном супермаркете не особо положительно отражалась на общем психофизическом состоянии сотрудников – недаром в приватных беседах "Глобал" иначе как "Гробалом" не назывался. Особенно тяжело было первые две-три недели работы в магазине – период адаптации. В первый месяц все резко теряли в весе. Постепенно организм адаптировался к нагрузкам, насколько это было возможно, но актуальной становилась другая проблема – постоянно накапливающаяся усталость: организм не успевал восстановиться за недолгие ночные часы отдыха, за редкие выходные. Утром бежишь на работу - еще холодно и темно, вечером тащишься с работы – уже темно и холодно. Не успеваешь понять, что творится за стенами "Глобала". Иногда удается в обеденный перерыв выскочить на улицу – с удивлением обнаруживаешь, что тепло уже, листва шумит вовсю, а ты и не заметил, что лето давно наступило. Легкие тоскуют по свежему воздуху, глаза - по солнечному свету. Душа – по свободе. Выйдешь на несколько минут на улицу (когда-то это не запрещалось), – а там люди ходят, не стиснутые жесткой необходимостью находиться целыми днями в полуподвале "Глобала". К ним – зависть. Они могут свободно перемещаться в своем времени, а ты в своем – жестко стиснут. Постепенно опускаешься внутренне. Уже нет ни сил, ни желания следить за собой. А надо. Обязан выглядеть хорошо, потому что ты – продавец "Глобала", кассир "Глобала". Лицо постепенно обретает признаки глубокой перманентной усталости и легкой невменяемости. Жизненный тонус безнадежно низкий. Характер отягощается чрезмерной нервозностью, озлобленностью. Срабатывает некий защитный механизм: непроизвольно закрываешься, бронируешься от внешнего мира, нет ни сил, ни желания общаться с кем бы то ни было. Л., интеллигентная приятная женщина с прекрасным образованием, перегруженная в "Глобале" сверх всякой меры, рассказывала, что раньше никогда не пила. И вдруг обнаружила, что без рюмки уже не может нормально расслабиться и заснуть. – Теперь я стала понимать рабочих, которые вкалывают с понедельника до пятницы, а по выходным надираются, – с некоторым удивлением говорила она. У М., флегматичной уравновешенной сотрудницы "Глобала", которую все считали непробиваемой, как танк, в один прекрасный день произошел нервный срыв – история, леденящая душу. После очередного конфликта с коллегой она начала вдруг швырять на пол документы, которые сама же систематизировала и которые в количестве нескольких тысяч листов находились в офисе. В первые дни после срыва мама по телефону сообщала интересующимся о ее здоровье, но на просьбы передать трубку дочери отвечала: "Вы извините, но я не могу этого сделать. На любое упоминание о "Глобале" она очень неадекватно реагирует"... После ухода из "Глобала" все заметно свежеют и хорошеют, особенно женщины... Неделями отсыпаешься, долго не можешь поверить своей свободе. Просто радуешься тому, что листья – зеленые, что ты – есть, что можно запросто пойти к друзьям в гости. Наверное, примерно то же самое чувствует человек, выходящий на волю после долгого заточения.

Разумеется, при всех раскладах, описанных выше, кадровая текучка была более чем интенсивной. Первым критическим сроком для вновьобразовавшегося сотрудника были первые день – два работы. На несчастного обрушивались нечаянные перегрузки, становившиеся серьезным испытанием для неадаптировавшегося еще организма, – и, преломив потенциальные перспективы через призму приоткрывшейся глобаловской реальности, новичок говорил сам себе: "Да на хрена ж мне все это нужно?!" – и больше не появлялся уже никогда. В целом из всех, когда-либо пытавшихся работать в "Глобале", после первых дней работы отсеивалось, по моим приблизительным оценкам, процентов 35-40, возможно, даже больше. Оставались либо самые выносливые и пофигистски настроенные, либо те, для кого выплачиваемые деньги были достаточным стимулом к ежедневному тяжелому труду. Далее все рабочие дни сливались в один бесконечный день со вздохом облегчения по выходным. Недели, месяцы незаметно перетекали друг в друга. Следующим критическим сроком становилась отметка 3-4 месяца. К этому примерно сроку психология работника заметным образом трансформировалась: если в первые несколько недель работы в магазине – как это, впрочем, обычно бывает и в других местах – сотрудник старался изо всех сил, чтобы выглядеть паинькой, не перечил, не определялся, выполнял все поручения, опасаясь нежелательного изгнания, то месяца через 3-4 человек просто борзел. Рвение постепенно сходило на нет, усталость становилась хронической. К хорошей зарплате привыкали очень быстро, и постепенно наступало просветление: оказывается, нелегкий труд, героические усилия, все свободное время жизни, приносимые на алтарь "Глобала", вовсе не являются адекватными выплачиваемым долларам. А на воле-то, на воле – столько радостей и свободного времени! Человек плевал на все – и уходил. Еще процентов 30-40. Остальные рассеивались в течение года со дня поступления на работу. За год переваливали единицы, которые по праву считались ветеранами. Их постоянство вызывало понимание и одобрение далеко не у всех. Чаще всего они продолжали работать в "Глобале" только потому, что для принятия решения, для изменения течения жизни требовалось приложить некоторые усилия, а сил уже не оставалось. Люди, отдавшие "Глобалу" 1,5-2 и более лет жизни – исключение. Это либо до крайности уставшие и вымотавшиеся люди, либо индивиды, метафизические ритмы существования которых родственны глобаловским. Их очень мало, таких людей, они поднялись и расцвели именно в этой структуре, питаясь ее соками и вибрациями удачного совпадения. Их общими чертами являются: сильный тип нервной системы; психологическая непробиваемость и устойчивость; наличие завидного запаса жизненных сил; способность отречься от представлений "хорошо-плохо", – в частности, ходить по головам; способность нравиться и угождать м-ру Имдаду Хейгу лично.

Коллаж Дарьи НЕПОЧАТЫХ

Есть еще один любопытный феномен, который представлен единичными случаями, но о котором стоит упомянуть. Понятно, что, работая в стенах "Глобала", все ругают и проклинают его, на чем свет стоит. Понятно и то, что, выйдя на свободу, все чувствуют, что жить им стало лучше и веселей. Но есть и такие, которые, порадовавшись жизни и набравшись сил, снова возвращаются. Ибо только "Глобал" дает возможность без особых специальных умений и навыков, не будучи профессионалом в какой-либо сфере, зарабатывать стабильные деньги. И только в стенах "Глобала" эти люди обретают уверенность в себе и чувство собственной значимости, которых они лишены за пределами магазина, мыкаясь в безуспешных поисках альтернативной работы. "Глобал" для них превращается в некое подобие наркотика (целый ряд параллелей и аналогий).

Однако сотрудники не только увольнялись – их увольняли. Увольнения сами по себе чем-то экстраординарным не являются – увольняли всегда и везде, даже при социалистиче-

процентной занятости трудоспособного населения. Но только в последние несколько лет у нас появилась категория работодателей – в основном иностранного происхождения, — которые используют увольнение как элемент организации, что в условиях нашего опыта – пусть весьма эмпирического и бытового, но накопленного в течение всей жизни, – на первый взгляд отдает некоторой абсурдностью. И в самом деле: элементарный здравый смысл подсказывает, что в любом деле человек, обладающий необходимым наработанным опытом на данном конкретном месте, для производства однозначно ценнее, нежели зеленый "чайник", а потому избавляться от него по возможности не стоит — разве что в крайнем случае. М-р Хейг, однако, придерживался иной точки зрения и превратил увольнения в систематически и разнообразно используемый элемент управления. Обладание таким инструментом было гораздо важнее, нежели наличие стабильного, хорошо обученного коллектива, поскольку позволяло убивать как минимум трех зайцев одной пулеметной очередью. Перманентные увольнения как элемент организации бизнеса выполняли несколько функций: стимулирующую (те, кого еще не уволили, работали старательнее и интенсивнее, стараясь удержаться на своем рабочем месте), профилактическую (предполагалось, что увольнения позволяли предупредить некоторое количество дисциплинарных и прочих нарушений. Для этого проводились показательные увольнения, "чтоб другим неповадно было", и увольнения "на всякий случай"), экономическую (сокращение затрат) – по истечении 3-месячного срока сотрудникам полагалось повышать зарплату, а в случае их увольнения пришедшим новичкам в качестве оклада предлагался исходный минимум.

Увольняли охотно и часто. Даже преданнейших, занимавших заметные посты, увольняли без сожаления — что уж говорить о низовом составе. Надо заметить, что "Глобал" видел стремительные взлеты и грандиозные падения. "Глобал" – это место, где можно сделать блестящую карьеру за полгода – год, можно долго прозябать на своем изначальном месте, а можно вдруг свалиться с заоблачных высот. Д., молодой человек, пришедший в "Глобал" грузчиком, через 2,5 года уже носил на пиджаке табличку с надписью "Администратор" и был типичным представителем руководящих верхов. На достижение своего положения Д. затратил немало сил, ради работы в "Глобале" бросил престижный институт. Судьба Д. была решена в один день: его выкинули на улицу, а его заслуги перед "Глобалом" благополучно были преданы забвению. Наряду с обоснованными увольнениями сплошь и рядом поводы к расставанию с сотрудниками были нелепыми и абсурдными. Плюс традиционное – попал под горячую руку. Девушке, месяц проработавшей кассиром, объявили, что она уволена, потому что – "лицо у нее дебильное". Почему, даже если это действительно так, столь вопиющего дефекта внешности никто не заметил при приеме девчонки на работу, почему в течение целого месяца никому ее "дебильность" в глаза не бросилась – понять весьма затруднительно. А теперь представьте, как должна чувствовать себя девушка, которой в качестве официальной причины увольнения предъявляют подобную претензию.

Существует точка зрения, разделяемая, видимо, м-ром Хейгом, что максимально эффективно человек трудится на своем рабочем месте первые 3 месяца, причем именно в этот период эффективность его труда возрастает (при условии, что рабочее место не требует глубоких знаний и особого профессионализма). Учтем это. А также учтем то, что проблем с дешевой — по понятиям гражданина США — рабочей силой, по крайней мере в ближайшие годы, у нас не предвидится. И уволь ты хоть 3/4 персонала — завтра же все освободившиеся места будут заняты новичками. И еще: в условиях производства, не подчиненного нормативам КЗОТа и другим общеизвестным законодательным актам, производства, где целый ряд норм не фиксирован, а, стало быть, регулируется обычным правом, причем нормы эти весьма изменчивы во времени — гораздо выгоднее иметь пусть необученного, но новичка – уж с работой он как-нибудь справится! – "Глобала" со временем обкатало модель кадровой политики, основой которой стала целенаправленно создаваемая атмосфера нестабильности. Ни один сотрудник, на какой бы ступени внутриглобаловской иерархии он ни находился, никогда не чувствовал себя – спокойно, а занимаемое место – своим отныне и вовеки. Кроме широко практиковавшихся индивидуальных увольнений время от времени проводились целые кампании массовых "чисток", продолжавшиеся обычно неделю-полторы, а затем плавно сходившие на нет. Когда начинались "чистки", в воздухе разливалось истерическое напряжение. "Чистки" действительно впечатляли – до поры до времени. Через несколько месяцев работы в "Глобале" страх перед возможным увольнением сменялся полнейшим равнодушием, а многие "ветераны" искренне желали, чтобы их уволили, будучи не в силах самостоятельно прикладывать к этому какие-либо усилия. Случай из серии массовых чисток. В одном отделе девушка попалась на воровстве. Случись это в более спокойные времена – она вышла бы за ворота "Глобала" в гордом одиночестве. Но это совпало с очередной "чисткой" – и вместе с ней был уволен весь отдел в количестве 6 или 7 человек, из них двое – новенькие, первый день вышедшие на работу. Что касается несправедливости увольнений: народ пытался протестовать. По "Глобалу" ходили слухи, что семеро уволенных в разное время *независимо друг от друга* судились с "Глобалом". Говорили также, что все дела истцами были проиграны.

Однако управление коллективом посредством исключительно карательных мер – вариант все-таки экстремальный и довольно примитивный; управленческая мысль м-ра Хейга парила гораздо выше, – он использовал как средство общения с персоналом не только кнут, но и разного калибра пряники. Меры поощрительного характера: периодическое (но не систематическое) повышение зарплаты (за многомесячный добросовестный труд – либо за способность различными способами внушить м-ру Хейгу, что ты достоин этого повышения), повышение в должности (теоретически любой пришедший работать в "Глобал" имел возможность сделать карьеру, – правда, на практике у этого положения имелся целый ряд оговорок), одаривание сотрудников подарками за счет заведения на Новый год и 8 Марта, отмечание дней рождений и прочих важных событий в кругу родного коллектива. Так называемая "корпоративная культура". Дни рождения сотрудников проходили, как правило, очень миленько, локально и компактно, вечером после работы, с шампанским в пластмассовых стаканчиках и традиционным "Happy Birthday" (главный запевала – м-р Хейг). Эти маленькие семейные торжества помимо прямой – отмечание дня рождения – несли дополнительную, но очень важную нагрузку: создание определенной атмосферы, как бы теплой и дружелюбной, и особого впечатления – как бы сплоченного коллектива, где владелец предприятия, менеджерский состав и рядовые сотрудники составляют единое целое. Иное дело – презентации и массовые пиршества, всегда проходившие с особым размахом. Как правило, эти грандиозные празднества посвящались открытию новых залов или магазинов. Гости, пресса, многофункциональное шампанское, прославление м-ра Хейга, струнные квартеты с ненавязчивой фоновой музычкой, освящение новых торговых пространств православным батюшкой (выглядело несколько странно, если принять во внимание, что магазин декларируется как американский, а хозяин его – индус), иногда – выезд в "Русскую тройку" с яркой программой и пьянкой до утра. "Другой смысл" этих масштабных мероприятий – демонстрация мощи и величия нашего предприятия, – и, опять же, создание впечатления сплоченного коллектива, в котором более обеспеченный хозяин всей своею душою радеет о благе своих менее обеспеченных подчиненных, – прежде всего создание такого впечатления у самих подчиненных. Как ни странно, этот способ влияния на умонастроения сотрудников "Глобала" оказался не таким уж наивным. Обычно торжества знаменовали окончание затяжного аврала, и вымотавшимся за последние дни и недели сотрудникам хватало одного-двух ста-

продолжение на стр. 37

ИЗ СТАТЬИ Р. РОККЕРА «ОПАСНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ»

(1930 - 1931)

Между народом и нацией существует такая же разница, как между обществом и государством. «Общество, - говоря словами Томаса Пэйна, - в любом случае благо; государство же в лучшем случае необходимое зло, а в худшем случае невыносимое зло». Общественная организация - это естественное образование, которое развилось снизу вверх под влиянием определенныч закономерностей и в основе которого - учет общих интересов. Государственная организация - это искусственное создание, которое навязывается людям сверху вниз и единственная цель которого следует искать в защите привилегированныч меньшинств общества за счет всех

Народ это естественный результат общественной организации, соединение людей, обусловленное большим или меньшим родством происхождения, общими формами и особенностями их культуры и общностью языка, обычаев, преданий и т.д. Эта общая черта живет и действует в каждой отдельном звене народного объединения и является важнейшей частью его индивидуального и коллективного существования. Его столь же невозможно создать искусственно, как и насильственно разрушить, разве что уничтожив все звенья народа. Народ может быть подчинен иностранному господству и искусственно сдерживаться в своем развитии, но никогда не удается насильно удушить его естественные, психические и культурные особенности и склонности Напротив, именно под чужим игом они проявляются тем нснее и служат своего рода защитным средством для сохранения народного целого. Опыт, который имели англичане с ирландцами, австрийцы - с чехами и югославами, немцы с поляками, приводя только некоторые примеры, служат классическими доказательствами несгибаемого упорства чувства сопричастности народа, которое вытекает из его общественного существования. Евреев можно тоже привести здесь как типичный пример. Нередко мы видим даже, что если подавляемый народ в культурном отношении стоит выше, чем те, кто его подавляет, то последние, так сказать, впитываются его более высокой культурой. Так воинственные монгольские орды завоевали Китай и навязали китайцам императора, однако на протяжении нескольких поколений монголы превратились в китайцев, потому что их примитивная культура не могла сопротивляться величию и утонченности китайской. То же явление мы наблюдали в Италии, которая веками подвергалась нападениям орд варварских народов. Но высокоразвитая культура Италии снова и снова одерживала верх над грубой силой варварства, которое в конце концов способствовало омоложению и новому оплодотворению этой культуры. И это совершенно естественно, поскольку насильственно навязать народу чужие обычаи, привычки и идеи столь же трудно, как втиснуть отдельного человека в тесные рамки чужой индивидуальности. Там, где имеет место естественное сближение и постепенное взаимное срастание различных народов, это происходит всегда добровольно и неосознанно путем естественной адаптации, но никогда путем грубого насилия.

Нация, однако, - это всегда искусственный продукт государственной организации, точно так же, как национализм в основе своей есть ни что иное, как идеология государства, своего рода политическая теология. Принадлежность к нации определяется внешними факторами и доводами государственного резона, за которыми, конечно же, всегда скрываются особые интересы определенных классов. Кучка политиков и дипломатов, исключительно приказчиков привилегорованных меньшинств государства, по своему произволу принимает решения о национальном существовании и будущем конкретных групп людей, которые должны покориться велению их властей, не имея сами права на самоопределение. Так, например, жители нынешней французской Ривьеры однажды вечером легли спать итальянцами, а на следующее утро проснулись французами, потому что группа политиканов определила и судьбу. Тем самым их национальная принадлежность претерпела радикальные изменения, и то, что днем раньше было их величайшим достоинством, превратилось день спустя в самое черное преступление. Таких примеров в истории великое множество. Они характерны для всей истории развития современного государства. Достаточно посмотреть на идиотские и халтурные решения Версальского мира - и вот вам лучшая иллюстрация того, как сегодня фабрикуются нации.

Факт состоит в том, что все крупные государства Европы состоят из десятков маленьких народов и народностей, которые часто даже отделены друг от друга по своему происхождению и языку, но были насильственно сплавлены в нацию династическими или экономическими интересами. Даже там где национальное объединение было проникнуто духом больших народных движений, как это имело место в Италии и Германии, в основе этих движений всегда лежала реакционная идея, которая закономерно должна была привести к самым плохим результатам. В этом смысле революционные методы, к которым часто прибегал национализм не меняют ничего. Мадзини и его сторонники были по своим методам, конечно же, революционерами, но их политические идеи и стремление к единому национальному государству были крайне реакционными и разрушительными для культуры. От «политической теологии» Мадзини до фашизма Муссолини - лишь один шаг. Взглянем на свежеиспеченные государственные образования, возникшие в Европе после войны.(1) Те же самые национальные меньшинства, которые раньше не уставали жаловаться на насилия, чинимые над ними чужими угнетателями, сегодня, когда цель их стремлений достигнута, проявляют себя, как угнетатели национальных меньшинств в их собственных странах. Во имя национального освобождения они сбросили со своих плеч иго иноземного господства, чтобы взвалить на себя иго куда более тяжелое, чем прежнее. Польша, Югославия и пограничные государства между Россией и Германией - классический пример нашего утверждения. И это совершенно естественно, поскольку и малые государства всегда стремятся идти по стопам крупных и подражать их действиям. Лучшее доказательство того, что гармоничное сожительство народов в рамках нынешней государственной системы вообще невозможно.

Именно современное конституционное государство непомерно развило понятие нации. Абсолютная монархия, которая, так сказать, представляла фетишистский период в истории развития государства и в которой король был зримым выражением всей системы, относилась к широким массам своих бесправных подданых как к большому стаду, предназначенному на убой. По этой причине она лишь в редчайших случаях привлекала их к защите страны, которую она как правило доверяла армии профессиональных солдат. Только современное государство, которое якобы дало своим гражданам право участвовать в управлении благодаря дарованию избирательного права, развило идею нации до ее современных масштабов. Гражданин, которого гипнотизировали его новоприобретенными правами, должен был теперь взять на себя и обязанности, выросшие из этих мнимых прав. Избирательная урна стала жертвенным алтарем человеческой личности, избирательный бюллетень - актом о добровольном духовном и экономическом рабстве масс. Лишь французское якобинство создало абстрактное понятие государства и вместе с ним абстрактное представление о нации. С тех пор идея национального единства стала лозунгом большинства буржуазных партий, у которых ее, как и многое другое, унаследовали социалисты-государственники. Национальное единство стало синонимом культурного развития, символом народной жизни; любая угроза ему считалась угрозой национальной культуре. И эта сказка, которую молчаливо признали за правду, продолжает и сегодня смущать умы, хотя история доказывает нам как раз обратное. Именно периоды т. наз. «национальной раздробленности» были до сих пор самыми великими культурными эпохами в истории, в то время как, напротив, периоды «национального единства» были эпохами культурного упадка и гибели.

Древняя Греция, совершенно раздробленная национально и политически, дала нам тем не менее культуру, которая и сегодня во многих отношениях представляется нам примером. А когда позднее Алесандр Македонский силой оружия установил греческое единство, культурные силы и творческие устремления страны иссякли - они могли развиваться только в условиях свободы. Великий период вольных городов Средневековья был эпохой крайней национальной раздробленности, но именно в это время родилась культура, подобной которой в Европе с тех пор больше не было. Грандиозные памятники архитектуры, живописи и скульптуры того времени служат блестящим свидетельством этой великой фазы развития человечества. Но когда позднее государство подняло на развалинах этой культуры флаг «национального единства», последние остатки культурного величия растаяли, как снег на солнце, и в Европе разразились ужасающие войны началась эпоха опустошающего варварства. Бросим взгляд на историю Германии - и обнаружим там подтверждение того же исторического процесса. Все богатые достижения духовного величия и культуры в этой стране относятся ко времени ее т. наз. «национальной раздробленности». Ее классическая литература от Клопштока до Шиллера и Гете, потрясающее искусство ее «романтической школы», ее классическая философия от Канта до Фейербаха пик ее классической музыки от Бетховена до Вагнера - все это относится к тому времени. Но установление единого национального государства, пусть даже оно не было здесь осуществлено столь радикально, как во Франции, знаменует упадок культуры в Германии, иссякание творческих сил, триумф милитаризма и бездушной бюрократии, которая привела народ с некогда великими склонностями к чудовищной катастрофе, как безвольное стадо. И так было не только в Германии. История Италии, Испании, Франции, России и т.д. есть лишь повторение тех же самых исторических фактов. И это совершенно естественно. Государства не создают культуру, как это часто бездумно утверждают, зато они часто уничтожают ее. Государство и культура находятся в непреодолимом противоречии. Мощный государственный организм - самое большое препятствие для любого культурного развития. Больше всего процветает культура там, где государства умирают или сведены к минимуму. Политическое господство всегда стремится к единообразию и к подчинению всех областей общественной жизни одному определенному шаблону. Но тем самым оно вступает в непримиримое противоречие с творческими силами культурного развития, которое всегда ищет новые формы и воплощения и которое так же связано с бесконечным разнообразием, как политическая власть - с созданием шаблонов и с застывшими формами.

Современное единое государство есть ни что иное, как воплощение принципа власти имущих классов...

Между политическими властными стремлениями привилегированных меньшинств и культурной жизнью народа всегда идет внутренняя борьба, поскольку они имеют различную направленность, никогда не поддающуюся добровольному смешению и приводимую к видимой гармонии только посредством внешнего принуждения и духовного насилия. Если государству не удается направить культурную деятельность в определенное, служащее его целям русло и тем самым прервать ее естественное развитие, то культура рано или поздно взорвет политические рамки, которые она воспринимает только как препоны. Но если аппарат политической власти достаточно силен для того, чтобы надолго загнать культурную жизнь в определенные, желательные для него формы, то она будет искать другие обходные пути, потому что ее невозможно привязать к каким-либо политическим границам. Государства никогда не погибают от якобы утонченности их культуры ; они умирают от разрастания принципа политической власти, которому постепенно приносят в жертву все живые силы страны. Потому что проклятие власти состоит в постоянном стремлении расширять сферу своего господства, идет ли речь о власти церкви, государства или партии. Весь авторитет государства основан на этом принципе, который постепенно удушает все остальные силы и становится тем самым причиной внутреннего упадка. Рим погиб не от воздействий слишком утонченной культуры, как это часто утверждали историки, он погиб из-за своей собственной власти, которая, как и любая другая власть, стремилась постоянно расширять границы своего влияния и тем самым в конце концов развязала катастрофу своей собственной гибели.

Важное различие между культурой и властью состоит в следующем : каждая культура, не слишком сдерживаемая в своем развитии политическими препятствиями, ведет к постоянному обновлению творческого стимула, к растущему разнообразию творческой деятельности. Каждое удачное произведение пробуждает потребность в еще большем совершенстве и еще более глубоком воодушевлении. Культура всегда является творческой и всегда ищет новые формы деятельности Власть напротив никогда не бывает творческой; она лишь использует творческую силу культуры, чтобы прикрыть свою наготу. Она всегда действует разрушительно, постоянно стремясь втиснуть все явления социальной жизни в железный корсет своих законов. Форма ее духовного выражения - мертвая догма, ее метод - жестокое насилие. Бездушность ее стремлений накладывает неизгладимую печать на ее

носителей и делает их самих бездушными и жестокими, даже если они первоначально имели самые лучшие задатки. Она раздразнивает волю своих представителей до болезненных желаний, пока для них еще есть объект для покорения. Как только он исчезает, власть ищет удовлетворения в голой жажде наслаждений и в безумной растрате награбленного ею добра. Так было в Риме. Рим умер от своей болезненно обострившейся жажды власти, которая до последнего мешала любому культурному развитию и вела его к гибели. Государства могут умереть, культуры лишь преобразуются и принимают другие формы. Современное единое государство есть ни что иное, как воплощение принципа власти имущих классов, победа единообразия над богатым разнообразием народной жизни, триумф духовной дрессировки над естественным воспитанием и формированием характеров, вытеснение личного чувства голым мертвым повиновением, одним словом, - изнасилование свободы жестокой государственной властью и бездушными шаблонами.

Это ясно понял еце Прудон, адресовавший Мадзини, наиболее видному представителю идеи национального единства, следующие слова : «Любая первоначальная характерная особенность в разнообразных ландшафтах державы теряется при централизации, каково истинное имя этого национального единства. Большое централизованное государство конфискует всю свободу провинций и общин в пользу высшей власти, правительства. Что такое в действительности это единство нации? Превращение отдельных народных сообществ, в которых живут люди существенно отличающиеся друг от друга, в абстрактную нацию, в которой никто не может свободно вздохнуть и никто не знает другого. Когда людей лишают возможности распоряжаться собой, для поддержания всей этой огромной машины требуется чудовищная бюрократия, целый легион чиновников. Чтобы защищать ее изнутри и снаружи требуются постоянная армия, служащие, солдаты, наемники - таково будущее нации. Это грандиозное единство требует славы, блеска, роскоши, импозантных цивильных листов, послов, пенсий, доходных местечек. А кто оплачивает паразитов? Народ. Кто говорит о единой нации, тот имеет в виду нацию, проданную своему правительству . . . Это единство есть ни что иное, как форма буржуазной эксплуатации под защитой штыков. Именно так, национально-политическое единство в крупных государствах есть господство буржуазии. Отсюда страсть буржуазии к единому государству.» Гениальный француз прекрасно понял подлинную подоплеку всех т. наз. стремлений к единству. Он ясно предвидел то, чего до сих пор не могут увидеть наши современные социалисты-государственники, начиная от социал-демократов и кончая различными филиалами большевизма. Предвидел, потому что его взор не был затуманен слепой верой в государство как у партийных социалистов, которые так и не вылупились из яйца своих якобинских предков.

Т. наз. «экономический национализм», который усилился в последнее время и проповедуется не только буржуазными экономистами, но и очень известными социалистами, вырос из тех же корней. Европейский капиталтзм сеглдня все больше вступает в конфликт с отдельными национальными хозяйственными системами, чьи узкие формы более не соответствуют его сегодняшним устремлениям. Возникновение и развитие международных трестов и картелей есть лишь попытка преодолеть ситуацию, созданную национальными и политическими понятиями прошлого. Но если из этого делают заключение, что экономический строй европейских народов должен быть перестроен и, что он должен строиться в соответствии с их особыми качествами и якобы присущим им от природы своеобразием, то это снова идеологическая посылка, не могущая скрыть своей подлинной цели. Мысль об ограничении производства различных стран только теми отраслями, к которым они якобы призваны волею судьбы благодаря их особым навыкам, и об исключении любой другой деятельности есть лишь оживление рассуждений старых английских экономистов, которые верили, будто природа создала одни народы только для промышленности, а другие - исключительно для сельского хозяйства. В действительности этот т. наз. экономический национализм, который точно так же, как и политический национализм представляет собой прямое покушение на культурное развитие народов, проистекает из экономических интересов современного коллективного капитализма, который рассчитывает подобной переориентацией всей системы производства увеличить производительность хозяйства. Это должно стать рационализацией промышленности, распространенной не только на предприятия, но и на целые страны. Как в политическом национализме человек существует для нации, точно так же в капиталистическом мире он существует только для экономики. **(2)**

Мы - антинационалисты. Мы требуем права на свободное самоопределение для любой общины, любого региона, любого народа, и именно по этой причине мы отвергаем безумную идею национального единства. И мы федералисты, т.е. приверженцы союза свободных объединений людей, которые не отгораживаются друг от друга, а живут во взаимопроникновении и взаимообогащении, самым тесным образом срастаются друг с другом тысячами нитей духовной, экономической и культурной природы. Единство, к которому мы стремимся, это культурное и социальное единство, которое находит опору в постоянно растущем разнообразии форм его выражения. Это единство, которое проистекает из свободы всех человеческих отношений и принципиально отвергает любой механицизм и бездушное однообразие. Либертарный социализм всегда считал, что любой народ имеет право строить свою социальную и культурную жизнь по своему усмотрению и действовать как самостоятельное звено большого целого. В произведениях Прудона, Бакунина и Кропоткина это мнение нашло ясное и недвусмысленное выражение, но, по нашему мнению, эта позиция требует одного важного дополнения. Речь здесь идет не просто о чисто политическом или социально-этическом вопросе, но одновременно об определенных экономических предпосылках, которые только и могут обеспечить отдельным народным группам их политическую и культурную независимость. То, что человек рождается немцем, русским или французом, - это вопрос случая, так что здесь у него нет разумных оснований гордиться или печалиться. По этой причине все искусственно сконструированные посылки т.наз. расовых теоретиков и националистов всех категорий и оттенков с их безумными утверждениями о существовании избранных и неполноценных народов столь безмерно нелепы и крайне реакционны по своему практическому воздействию. Но случайно и то, что народ или народная группа в ходе своей истории поселились на территории, где позже обнаружили богатые природные ископаемые, вроде залежей угля и железа, нефтяных источников и т.д. Эта случайность не дает жителям этой области права на монопольное использование природных ресурсов, на то, чтобы держать другие народы или группы людей, обделенные такими дарами природы, в экономической зависимости от себя.

Мы переходим здесь к вопросу, который сейчас здесь может быть лишь вкратце затронут, но имеет большое значение для будущего развития человечества. Вся тенденция капиталистического экономического строя, потому столь беспримерно антинародна и необычано вредна для общества, что ее носители в различных странах

продолжение на стр. 47

Че Гевара. Вооружённый радикал на фоне народа

Разделяя в целом отношение автора к герою статьи, равно как и к идеям тоталитарного большевистского авангардизма и централизма, мы совершенно не согласны с финальным выводом, что, мол, любое вооруженное сопротивление, оказанное существующим в современном обществе несправедливости и угнетению, ни к чему хорошему не приведет. Значит ли это, что государство может тысячами или даже миллионами убивать тех, кто протестует против угнетения или просто мирных жителей (как это и было на протяжении всей российской истории в XXом столетии, как это было недавно, в Чечне), а общество не в праве оказывать адекватное сопротивление репрессиям, отвечая ударом на удар? Ведь ненасильственное сопротивление возможно далеко не во всех случаях; смешно было бы предлагать нечто подобное силам сопротивления, боровшимся против нацистов во время второй мировой войны, или, например, венгерским повстанцам в 1956 году. Ненасильственное сопротивление может быть весьма эффективным методом борьбы, но во многих случаях оно просто бесполезно. Если вы выходите на демонстрацию, и в вас начинают стрелять, что вы сделаете? Подождете, пока вас убьют? Разбежитесь, кто куда, с тем, чтобы больше уж никогда не собираться, ибо в сложившейся ситуации это опасно? Напишите протестующее письмо? Да, мир был бы очень удобен для власть имущих, если бы все согласились с монополией государства на насилие (как это фактически и делает автор статьи).

Декларируемый автором отказ от радикализма (не только в виде вооруженного сопротивления, но и *вообще*) и от идеи массовых революционных движений означает на практике, во-первых, - сотрудничество со структурами нынешней общественной системы и, во-вторых, - отрицание возможности радикальной трансформации *всего существующего общества.* В результате, тем, кто не согласен с нынешней системой капиталистических общественных отношений, остается ютиться на своего рода изолированных островах, где они, вероятно, будут наслаждаться преимуществами либертарного образа жизни. Впрочем, последнее, как раз, более чем сомнительно. В условиях глобального капитализма, стремительно осуществляющего свою экспансию по всем направлениям, во всех точках земного шара, в условиях надвигающейся *планетарной* экологической катастрофы, в условиях глобального контроля, эффективно осуществляемого современным компьютеризированным, вооруженным новейшими технологиями государством - ситуация очень печальная - *бежать больше некуда.* Неужели, автор статьи всерьез полагает, что можно наслаждаться свободным самоорганизованым трудом и дышать чистым воздухом, когда вокруг ад кромешный? И потом, даже если бы это и было возможно, это было бы глубоко аморально, по самым очевидным причинам.

Разумеется, все сказанное нами выше не следует понимать как полное отрицание альтернативизма - теории и практики независимых самоуправляющихся коммун и кооперативов. Напротив, все эти инициативы имеют огромное позитивное значение. Но только тогда, когда они рассматриваются их участниками, как автономные центры сопротивления, нацеленные на борьбу с государством и капиталом, на трансформацию всего существующего общества. А последнее, как раз, возможно лишь в том случаи, когда (и если) подобные инициативы перерастают в действительно массовые радикальные движения. Настоящее освобождение может быть только всеобщим, или его не будет вообще.

М. Магид, Л. Акай, В. Дамье, П. Рябов.

Юбилей гибели Эрнесто Че Гевары встречают относительно пышно, особенно если учесть, что мировая коммунистическая империя перестала существовать, и её осколки влачат жалкое существование. Но команданте повезло. Накануне было найдены его останки, и это придало истории Че своеобразную "актуальность". По местам его боевой славы в Боливии ходят туристические маршруты - ещё одно ответвление туристического бизнеса. Между тем значение Эрнесто Че Гевары не умещается в рамки романтических историко-культурных воспоминаний - как крепости крестоносцев на Кипре или мумии фараона в Эрмитаже. Че - символ вооружённой борьбы против империализма, и пока жив империализм, образ Че Гевары будет сохранять присутствие в настоящем.

Фабула жизни Эрнесто Гевары Серны зиждется на двух кульминациях. Звёздный час кубинской революции, когда революционные бородачи были поддержаны широкими массами кубинцев (на какое-то время даже большинством), и трагическая боливийская экспедиция 1967 г., закончившаяся гибелью команданте. Сравнение этих двух эпизодов мировой истории неизбежно выдвигает вопрос о способности радикального революционного ядра заручиться поддержкой народных масс - в условиях Латинской Америки - крестьянства. Вечное несовершенство мира генерирует огромное количество радикальных личностей, которые хотели бы одним рывком изменить опостылевшую действительность. Но немногим удаётся убедить в своей правоте тысячи и миллионы людей, без которых истории нельзя придать должного импульса. Однажды Че был среди тех, кому удалось победить. Он стал теоретиком вооружённой революционной борьбы. А затем странным образом нарушил свои же собственные правила и погиб. В этом - и загадка, и источник мифов, и научная проблема - вооружённые радикалы и массы.

XX век полон мощными социальными взрывами, и немалую роль в них играют крестьянские массы. Революционный потенциал этого класса явился предметом пристального внимания Че Гевары, который избрал крестьянство средством достижения своих идеалов путём партизанской войны. Этот метод немыслим без крестьянской поддержки (1, с.13-4). Важным средством вовлечения крестьян в революцию, её экономической основой является аграрная реформа (1, с.40). Необходимость земельного передела действительно была наиболее очевидным крестьянским требованием в Латинской Америке середины 50-х годов. Но в 60-е годы это требование становится менее актуальным.

Не без влияния Кубинской революции по континенту прокатывается волна аграрных реформ разной степени радикальности. Результаты оказались несколько неожиданными. Нарушения сельскохозяйственного процесса, разрушительные действия крестьян и помещиков, прекращение интенсификации производства не только помещиками, но и крестьянами, не имеющими специальных знаний, затраты большого количества времени и сил на политическую борьбу - всё это приводило к негативному эффекту аграрных реформ: урожайность пшеницы в Перу в 1963-1966 годах снизилась на 9 процентов, в Венесуэле, где реформы проходили мягче, компенсируясь "нефтедолларами", - на 4 процента. А в Колумбии, где фактически шла гражданская война, а реформы задерживались, наблюдается за тот же период рост на 45% (подсчёты по 10, с.86, 88). Аграрная реформа не решила таких проблем Латинской Америки, как аграрный голод, нищета, неграмотность, болезни, хотя радикальный земельный передел и облегчил положение с продовольствием (14, с.220-2; 15, с.66).

Э. Че Гевара понимал, что земельный передел не решает основных проблем континента. Это - лишь первый шаг, своего рода приманка. С середины 50-х годов Гевара считал себя марксистом (25, p.120). Его стратегической задачей становится как ликвидация империалистической эксплуатации, так и общества материальных стимулов: "Общее стремление, объединяющее нас в марше к будущему, - это победа над империализмом... Свобода имеет место тогда, когда империалистическое экономическое доминирование перестаёт практиковаться на людях" (19, p.3-4). "Тот, кто преследует сумасбродную

идею добиваться реализации социализма с помощью изношенных средств, оставленных капитализмом (прибыль, как базовый экономический элемент, производство прибыли, индивидуальная материальная заинтересованность и так далее); придёт к гибельному концу" (22, p.127). Эта недвусмысленная позиция команданте очевидно противоречит социальным устремлениям крестьянства с его "мелкобуржуазным духом" (25, p.90), то есть самоуправляемым, самофинансируемым хозяйством. Решить проблемы крестьян, по мнению Че Гевары, можно только привив им "нематериальные стимулы", такие как сознание долга и новый революционный способ мышления (25, p.64).

Как совместить экономические интересы движущей силы революции - крестьянства и стратегические идеалы команданте? На Кубе он осторожно сообщает отдельным крестьянам о них, тем более, что планы Че Гевары в этот период ещё не сформулированы так четко, как в 1963-1965 годах. Но уже в 1957 году команданте считает, что "спасение мира находится за так называемым "железным занавесом", то есть в СССР (3, с.191). В 1957-1960 годах Че Гевара не высказывает этого пристрастия публично, что дало основание Д. Джеймсу обвинить его в макиавеллизме (23, p.94). В действительности Че разделял обычную для коммунистов теорию постепенного перехода от "буржуазно-демократических" задач к "социалистическим". Но постепенно "досоциалистическая" стадия революции становилась все менее актуальной. Укрепление капитализма в борьбе с феодализмом создавало сложности для дальнейших социалистических преобразований. План Боливийской экспедиции показывает, что команданте пытается смягчить это противоречие, начав боевые действия в стране, где "буржуазный" лозунг аграрной реформы заведомо неактуален. Рассчитывая опереться на социальные слои, недовольные обществом, уже прошедшим через этап аграрной реформы, на социальные противоречия внутри крестьянства (17, p.82, 114), Че Гевара планировал развернуть в Боливии изначально антикапиталистическое движение. При этом он, очевидно, недооценил прочность режима Р.Барьентоса, базирующегося не только на военной силе, но, в отличие от режима Ф.Батисты, и на тесной политической и культурной связи с организованным крестьянством страны (4, с.121, 124, 125, 127; 15, с.156).

В 60-е гг. Че приходит к выводу, что для вовлечения крестьян в социалистическую революцию материальные стимулы должны замещаться моральными. Определяющим для Э. Че Гевары является нарушение "принципа справедливости" (1, с.115), воспринятого от мартизма Ф.Кастро и означающего народовластие и отсутствие нищеты (3, с.57, 63). У кубинских партизан идея народовластия означала опору на всё крестьянство, что могло поставить революционный авангард под контроль "кампесино"(крестьян). Пока речь шла о свержении Батисты, о демократии, интересы "бородачей" и народа совпадали. А после прихода к власти, когда фиделистам понадобился "новый человек", идеально подчиненный целям революции - интересы разошлись. В итоге кубинские руководители приходят во второй Гаванской декларации к выводу: "Но крестьянство - это класс, который в силу своей культурной отсталости и изоляции нуждается в политическом и культурном руководстве со стороны рабочего класса и революционной интеллигенции" (9, с.807). Но во время партизанской войны, пока рабочая масса находится далеко от партизанского очага, революционная интеллигенция в лице повстанческого командования берёт на себя руководящие функции. В то же время убедить крестьян в преимуществах общества "за железным занавесом" не так просто (2, с.87-8), обнаруживаются и различия в самой системе ценностей крестьян и партизан. Всё это заставляет Че Гевару быть осторожным с "предрассудками" кампесино, но в то же время делает особенно актуальной проблему организационной независимости революционного руководства от крестьянской массы, как в ходе войны, так и после победы.

Решение этой проблемы кубинские лидеры увидели в разрыве с парламентской демократией. До прихода руководителей повстанческой армии к власти борьба велась под знаменем восстановления Конституции 1940 года и проведения всеобщих выборов. В своей знаменитой речи "История меня оправдает", которая по его собственному утверждению является "основополагающим документом нашей борьбы" (3, с.108), Ф.Кастро строил свое обвинение режима на том, что "Батиста не восстановил конституции, не восстановил гражданских свобод, не восстановил конгресса, не восстановил прямого избирательного права..." (3, с.91) Апеллируя к республиканскому законодательству, Ф.Кастро говорил: "Всякий, кто пытается не допустить или нарушить осуществление всеобщих выборов, подлежит лишению свободы на срок от 4 до 8 лет" (3, с.82). Нарушение принципа разделения властей явилось одним из главных оснований штурма Монкады: "Мы подняли восстание против одной только власти, незаконной власти, которая узурпировала и объединила законодательную и исполнительную власть в стране" (3, с.52). Этот пафос первоначально поддерживает и Э. Че Гевара. Гибель парламентарной республики в Гватемале произвела на него большое впечатление: "Я видел, как демократия была разрушена в Гватемале, и когда я встретил в Мехико Фиделя, я считал своим долгом помочь ему разрушить диктатуру" (24, p.15). Но опасность потери власти в ходе всеобщих выборов существенно меняет оценки. Уже 27 января 1959 года Э. Че Гевара выступает с программой "вооружённой демократии", которая обосновывает необходимость власти Повстанческой Армии (16, p.76-7). Эта теория стала одним из обоснований отказа от выборов в пользу власти активного меньшинства. Революционное ядро, не скованное предрассудками и "отсталостью" народа, решительно повело "Остров Свободы" в самую гущу геополитической борьбы. Поскольку возникающий в результате режим был признан его творцами "народовластием", вся остальная Латинская Америка таким народовластием не обладала и потому нарушала "принцип справедливости". Это дало Че Геваре возможность уже в 1960 году прийти к выводу о том, что условия для революции практически в любой стране Латинской Америки могут быть созданы партизанским очагом: "...не всегда нужно ждать, пока созреют все условия для революции: повстанческий центр может сам их создать" (1, с.11).

Какие предпосылки революции может создать партизанский очаг? В работе "Партизанская война: метод" Э. Че Гевара пишет о перспективах развертывания борьбы в странах парламентской демократии: "В условиях конфликта олигархия разорвет свои собственные контракты, сломает свою собственную поверхностную «демократию» и атакует людей... В этот момент вновь возникает вопрос: что делать? Наш ответ: насилие - не исключительное достояние эксплуататоров, если эксплуатируемые хотят и могут

использовать его в подходящее время" (21, p.166). Итак, первое условие использования насилия против режима - это эскалация его репрессий против населения. Это условие партизанский центр может создать, только спровоцировав репрессии против населения, что реально случилось как на Кубе (2, с.35, 158), так и в Боливии (17, p.164). Другими условиями революции, которые способен создать партизанский центр, может быть изменение сознания народа. Третье условие - практический пример того, что с властями можно вести эффективную борьбу: "Мы поняли, что совершали тактические ошибки, и что движению не доставало некоторых важных субъективных элементов: народ сознавал необходимость перемен, но ему не хватало веры в возможность их осуществления. Задача заключается в том, чтобы убедить его в этом" (5, с.64-5). Эти условия революции объединяет вера Че Гевары в эффективность военных, силовых решений, встающих перед революционным процессом проблем. Помимо традиционного каудилистского эффекта военных успехов и обещаний социально-экономических реформ, в разработке которых совещательный голос крестьян играл немалую роль, укреплению власти партизанского руководства способствует и карательная политика. В Боливии эта ставка на силу очень быстро обращается против крестьян. Партизанские репрессии были призваны укрепить позиции отряда Че Гевары среди кампесино: "Поддержки от крестьян не получаем, хотя кажется, что при помощи преднамеренного террора нам удалось нейтрализовать среди них наиболее враждебно настроенных к нам. Со временем они поддержат нас" (17, p.151). Карательные действия в отношении крестьян были связаны и с необходимостью организационно отгородиться от них не только после победы, но и в ходе борьбы, подчинить крестьянское население района партизанскому центру власти. На Кубе новая система власти, со своей юрисдикцией и командно-карательным механизмом, вступила в действие уже через полгода после начала военных действий (2, с.68). Э. Че Гевара специально обосновывает необходимость казней крестьян в случае их отхода от движения и сотрудничества с властями (2, с.132).

Несмотря на то, что Че Гевара одинаково строго оценивает качества и городского и крестьянского пополнения (2, с.57, 96), крестьяне должны, по его мнению, составлять основу партизанской армии. Одним из обстоятельств, определяющих этот выбор, может быть более низкий уровень политических знаний, который делает крестьян более удобным материалом для создания "нового человека", носителя новых идей, "революционного способа мышления". Поскольку этот способ противоречит обыденной крестьянской психологии, большую роль в "перековке" сознания играет сам партизанский очаг - могучее средство воздействия на личность. Картина аскетической коммуны - отряда, нарисованная в "Партизанской войне", иллюстрирует путь решения проблемы внешних социальных влияний, "разлагающих" авангард, и позволяет О.Иванову сделать вывод о том, что "в концепции Э. Че Гевары исчезает социальный носитель идеологии: им становится каждый боец за независимость и справедливость" (6, с.60). Этот вывод нуждается в некоторой корректировке. Че Гевара продолжал считать, что сражается за интересы рабочего класса, выраженные в марксизме (20, p.30). Воспитательная роль "очага" ("фоко") позволяет форсировать переход к борьбе за эти идеалы уже на стадии вооружённых действий. Всё это как нельзя лучше соответствовало планам Че Гевары в Боливии. Сама структура отряда по мысли Че Гевары способна определить характер будущих общественных отношений. Начав боевые действия, Че Гевара не спешит активизировать контакты с крестьянами. Предварительно необходимо было "превратить партизанский отряд в группу железной силы, в которой каждый новый человек будет чувствовать после прибытия позитивное влияние группы" (17, p.288). Это монолитное, чуждое бюрократизму, но в то же время строго централизованное ядро должно было принять ожидавшийся приток крестьян и выковать из боливийцев "их офицеров, их будущих экономистов, их администраторов и т.д." (17, p.293) Для успешного выполнения этой задачи в партизанском лагере создается своего рода школа гармонично развитого человека (17, p.299), где, однако, признана только одна точка зрения, политические дискуссии запрещаются (17, p.106). Результатом такого "единомыслия" стало резкое ухудшение морального климата в отряде, закончившееся скандалом накануне боевых действий (17, p.128-9). Первые три недели войны помогают команданте консолидировать отряд, после чего он решается, наконец, активизировать контакты с населением (17, p.250).

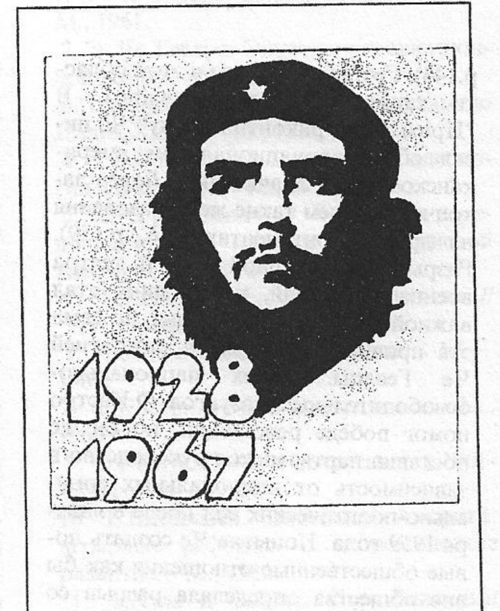
В советской историографии высказывалось мнение о том, что крестьяне первоначально "держались настороженно, недоверчиво, часто даже враждебно" (5, с.187). Это утверждение позволяет предположить, что отношения крестьян и партизан от месяца к месяцу устойчиво улучшались, и Че Геваре не хватило времени для вовлечения крестьян в борьбу. Однако дневники Че Гевары и других бойцов не дает оснований для таких выводов. 9 февраля Э. Че Гевара пишет: "Инти и Рикардо встретили несколько мальчишек, и пошли в дом молодого крестьянина, у которого шестеро детей, он оказал им хороший прием и дал много информации" (17, p.111). Крестьяне дают партизанам информацию (записи 9, 10, 13 февраля), продают продовольствие, не спешат сообщить о партизанах властям. Цели движения ещё совершенно непонятны им. Однако по мере разъяснительной работы партизан, касающейся, прежде всего, "преимуществ социализма" (11, с.9; 17, p.215), отношение крестьян остается прежним, а затем ухудшается. Долгое время команданте надеется на перелом в настроениях крестьян, но тщетно - в сентябре наступает прозрение, выразившееся в горькой фразе: "...крестьянская масса ни в чём нам не помогает, крестьяне становятся предателями" (17, p.219). В чём основные причины катастрофы? Были ли шансы на продолжение борьбы после сентября 1967 г.? На второй вопрос Э. Че Гевара отвечает положительно: "Наиболее важная задача - уйти отсюда и найти более благоприятные зоны. Кроме того, надо наладить контакты, хотя весь наш аппарат в Ла-Пасе разрушен, и там нам также нанесли тяжкие потери" (17, p.219-20). Но зону, в которую в конце сентября вторгается Че Гевара, никак нельзя назвать более благоприятной с точки зрения поддержки крестьян, - это департамент Кочабамба, крестьянское самоуправление которого славилось давними связями с Р.Барьентосом. Но Че Гевара уже не делает ставку на крестьян. Он репрессирует крестьянских коррехидоров (старшин) (17, p.214, 216) и стремится прорваться на запад, где можно опереться на городские оппозиционные организации.

Этот поворот был связан с серьёзным переосмыслением взглядов Че Гевары на роль крестьянской армии в революции. Ещё на Кубе он выступал против городских союзников партизанского руководства (как антибатистовской иммиграции, так и "равнинного" подполья) (2, с. 165, 205, 206), взаимоотношения с которыми, по мнению команданте, следовало строить на временной основе по принципу: "стратегию диктует тот, кто обладает силой" (2, с.158). Было ясно, что в случае успеха равнинной тактики новый центр власти, сформированный в горах, не сможет установить контроль над всей страной. Заметно преувеличивала роль Повстанческой армии в победе революции на Кубе и концепция трех этапов войны, которой Че Гевара пытается придать универсальный характер. При переходе от этапа к этапу ("кочевой", "оседлый", стратегическое наступление), Че Гевара учитывает различные факторы, но доминирующим считает фактор военных успехов крестьянской армии (1, с.77-9; 2, с.155). Заключительный этап войны рисуется Че Геварой как наступление регулярной повстанческой армии на линии фронта: "...возникает линия фронта, где происходят бои партизанской армии с войсками противника... Противник терпит поражение, приняв бой, навязанный ему партизанами на ими же продиктованных условиях. Перед угрозой полного поражения он капитулирует" (1, с.79). Эта картина серьезно расходится с реалиями Кубинской революции. К 1 января 1959 года повстанческая армия контролировала малую, хотя и важную часть страны, подобие фронта существовало в Орьенте и под Санта-Кларой, причем до самой Санта-Клары повстанцы добирались "на грузовиках и джиппах", не встречая никакого фронта (13, с.235-7). Из схемы Че Гевары, навеянной опытом китайской революции (см. 12, с.155-61), выпадают не только такие факторы, как разложение правительственной армии (3, с.215), но даже всеобщая забастовка, которая, по признанию Ф.Кастро, "передала власть в руки революции" (8, с.162). Всеобщая забастовка и распад режима передали власть в руки широкой коалиции, в которой увенчанная победами Повстанческая армия хотя и находилась в преимущественном положении, но не была единственной силой. Это заставило Ф.Кастро пойти по пути постепенной трансформации возникшей коалиционной структуры в режим с одним центром власти. Постепенность этого процесса неминуемо оставляла на Кастровском режиме "родимые пятна" буржуазности, что не могло радовать Че. Создается впечатление, что в стратегической концепции Че Гевары больше китайского опыта, чем кубинского.

В Боливии Че Гевара пытается создать ситуацию, в которой революционное движение централизовано изначально. Для этого партизанскому отряду необходимо как можно меньше зависеть от союзников. На этом пути Че Гевара не останавливается перед разрывом с КПБ, когда её руководитель М.Монхе начал претендовать на общее руководство движением (17, p.95-6, 293). По этой же причине команданте откладывает укрепление контактов с синдикалистским лидером Х.Лечином (18, p.134), влияние которого в Боливии было велико. Только после того, как ставка на собственные силы не удалась, Че Гевара начинает стремиться к установлению более прочных контактов с городом. Но время для возвращения к кубинской модели революции уже было упущено. Да и сама городская оппозиция после разгрома шахтерской милиции Р.Барьентосом в мае 1967 года вряд ли смогла бы помочь Че Геваре победить. Как видим, этот просчет, которой Р.Дебре считает одной из главных причин гибели Э. Че Гевары (18, p.20), вызван принципиальными соображениями команданте, связанными с его стратегическими замыслами. Он стремился не просто к свержению диктатуры и дальнейшему постепенному, оппортунистичному движению от капитализма. Замысел Че отличался от кубинского пути принципиально. В горах следовало вырастить из недовольных крестьянских слоёв распространяющуюся по всей Латинской Америке с партизанскими колоннами новую систему общественных отношений и власти. Не постепенная трансформация капитализма в социализм, а замена существующего общества новым, выросшим в горах.

Но ради чего всё это? Мы уже видели, что стратегической задачей команданте было построение нетоварного социализма, общества моральных стимулов. На пути этого идеала стояли не только "предрассудки" простых людей, но и вся империалистическая система. Уничтожить её можно, втянув империализм в непосильные для него войны, множество "вьетнамов". Одним из таких "вьетнамов" должна стать Латинская Америка. Этот план созревает у кубинских лидеров в самом начале 60-х годов, и уже в 1962 году Че Гевара пишет: "Знамя восстания должно быть поднято, и это знамя по историческоЙ необходимости должно быть континентальным по характеру. Андским Кордильерам предназначено быть Сьерра-Маэстрой Америки, как сказал Фидель"(22, p.86). Некоторое время Че Гевара скрывает континентальный характер борьбы в Боливии. Даже руководство КПБ узнало о нём только в середине февраля 1967 года (17, p.144). Окончательно континентальные задачи войны прояснились в июле: "Мало хорошего и в тех заявлениях, что сделали Дебре и Пеладо. Особенно это касается признаний относительно общеконтинентального характера партизанской борьбы, которых они не должны были бы делать" (17, p.181). Впрочем, секрета в этом не было уже после опубликования в Гаване статьи Че Гевары "Призыв к Триконтиненталу".

Интернациональный характер отряда, антиимпериалистическая и антиамериканская агитация - всё это не способствовало росту авторитета партизан среди крестьян, которые, по выражению Дебре, "никогда не видели янки в своей жизни" (18, p.130). Местные кампесино вряд ли могли усмотреть в США источник своих бед, зато в партизанах могли видеть вполне конкретный пример иностранного вторжения. Партизаны, значительная часть которых прибыла из чужой страны, несли чуждую крестьянам культуру, чуждые идеи, да ещё и не понимали их языка. Язык кечуа, которым партизаны начали заниматься в лагере (17, p.101), в этом районе мало употреблялся, в то время как основной язык местных пеонов - гуарани - в отряде знал лишь один человек (18, p.90). В результате крестьяне воспринимали партизан не только как чуждых им людей, но и подчас просто не понимали, что они говорят (17,

р.144). Грубые просчеты в этой области также не были случайны. В "Призыве к Триконтиненталу" Че писал об "интернациональном американском типе, значительно более законченном, чем такие же образования на других континентах" (16, р.159). Разрыв с культурной средой театра военных действий, несомненно, стал важной причиной поражения, но сама эта причина обусловлена стратегией Че Гевары. Успех национально-освободительных лозунгов Ф.Кастро помог победе революции, но он же поставил партизанское руководство в зависимость от национальных социально-политических сил после 8 января 1959 года. Попытка Че создать новые общественные отношения как бы вне общества определяла разрыв со "старой" культурой страны. Поэтому поверхностным представляется высказанное Р.Дебре в 1970 году мнение, что фактором, определившим поражение Че в Боливии, была его „недооценка национализма в привлечении поддержки повстанческого очага" (24, р.38). Фундаментальной причиной провала Боливийской экспедиции явился сам принцип навязывания народу сверхцентрализованной "справедливой" модели бытия. Неприемлемость самой этой модели сказалась в ходе идейной борьбы за умы и сердца крестьян.

Помимо лозунгов и доводов в пользу революции, о которых говорилось выше, Че Гевара основывал свою агитацию на лозунге освобождения: "Фундаментальным элементом этого стратегического финала становится тогда реальное освобождение людей" (16, р.159), - пишет Че в своем "Призыве к Триконтиненталу", напрямую связывая это освобождение с социалистической революцией. Но понятие "освобождение" означает лишь свободу от невидимых законов капитализма (16, р.131), о которых команданте говорил в "Социализме и Человеке на Кубе". А во взаимоотношениях личности и общества определяющей становится категория "социального долга" (16, р.136), в совокупности с централизованной моделью нетоварной экономики сводящая на нет свободу личности. Так вольно или невольно Че Гевара довел до логической завершенности модель господства государства и его бюрократии, над человеком. Пропаганда режима быстро заметила эту сторону воззрений Че Гевары и, сдобрив её изрядным слоем клеветы, стала одерживать победы на идеологическом фронте. Один из крестьян вспоминал позднее: "Военные нам говорили, что партизаны хотят коммунизма, а при коммунизме, как нам объяснили военные, все становятся слугами государства, всех одевают в одинаковую одежду, семьи разрушаются. Нам говорили, что партизаны насилуют женщин, занимаются разбоем, убивают всех, кто не служит им, а главное, нас убеждали, что они прибыли превратить нас в рабов. А я люблю свободу..." (5, с.205-6)

Идеи Че Гевары, которые были проанализированы в этой работе - это своего рода квинтэссенция теорий форсированной насильственной централизации общества. И вполне естественно, что её элементы присутствуют во всех теоретических построениях современности, которые стремятся к централизации общества с оружием в руках. Но социальный смысл этих взглядов и источник их жизни лежит глубже. Социальные проблемы развивающихся стран порождают значительные деклассированные слои, вытесняя в эту сферу всё большее число людей. Проблема "лишних людей", не находящих свое место в обществе по экономическим или политическим причинам, обостряется не только в Латинской Америке. Попытки решить все проблемы путем проведения реформ из государственного центра всегда ущемляют какие-то слои населения. Перераспределительные процессы, характерные для государственной политики второй половины XX века, также множат число "обделенных". На почве всех этих социальных явлений вырастает политический экстремизм - стремление с оружием в руках захватить государственный центр и "исправить" его политику в соответствии со своими представлениями о справедливости. Любое ухудшение социального положения трудящихся, расширение деклассированных слоёв, эскалация произвола со стороны властей - и экстремистские группировки начинают перерастать в массовые движения. Но даже в период относительного благополучия эти группировки постоянно воспроизводятся и поднимают на щит имя Э. Че Гевары.

Влияние Че Гевары в Латинской Америке распространялось по многим направлениям. Его взгляды завоёвывали военные и молодежные организации компартий, порождая в них внутренние смуты (24, р.155), его методы брали на вооружение наиболее нетерпеливые отряды антиимпериалистических течений от левых перонистов (24, р.188) до троцкистов, так как, по справедливому замечанию известного троцкиста Х.Марторелла, "Партизанские операции говорят громче, чем тонны бумаги" (24, р.167). Громче всего партизанские операции прозвучали в Никарагуа. Гибель Че Гевары не остановила никарагуанских революционеров. "А в начале октября Латинская Америка и весь третий мир переживают трагическое событие: погибает Че Гевара. До этого были и другие потери... Сегодня можно сказать, что их героические примеры звали на борьбу до победы или смерти, но вместе с тем они способствовали и возникновению негативных настроений, преувеличению трудностей партизанской жизни, хотя они действительно немалые. Погибали видные руководители, но дело их жило", - писал К.Фонсека (7, с.217). В этом высказывании содержится очень важная мысль - гибель Че Гевары может бросить тень лишь на техническую сторону метода команданте, но цели его достойны воплощения в жизнь. Никарагуанский Сандинистский фронт национального освобождения исправил технологию метода и пришел к власти, но самое тяжелое испытание - испытание победой, показало, что метод сам по себе несет в себе элементы результата. Военная организация, пришедшая к власти, неизбежно использует централизаторские, авторитарные, типично бюрократические методы правления, тормозящие продвижение к демократическим целям. Продовольственная диктатура, вытеснение политических оппонентов из сферы власти, попытка решительной интеграции национально-культурных меньшинств не дали Никарагуа ни мира, ни процветания. Сохраняются, конечно, и старые подходы. В настоящее время в перуанской сельве под флагами Э.Че Гевары и Мао Цзэ-дуна ширится движение "Сендеро луминосо"(«Светлый путь»).

Государственный социализм неизбежно превращает страну в собственность бюрократии, и дальнейший "термидор" - превращение радикалов в сытых собственников - становится лишь вопросом времени. Это происходит в России, Никарагуа, на Кубе, в Китае. Че не успел реализовать свою модель - в этом источник мифа Че. Но в целом, идея замены элиты страны "новыми человеками", выращенными в партизанском "очаге", была опробована, и не раз: в Китае, во Вьетнаме, особенно наглядно - в Кампучии. И каждый раз дорога Че-Мао вела в тупик и далее - к "термидору".

Че погиб накануне мирового социального взрыва 1968 года, отдав жизнь за идею. "Умрешь не даром. Дело прочно, когда под ним струится кровь." Смерть в горах породила миф, желание продолжить прерванное

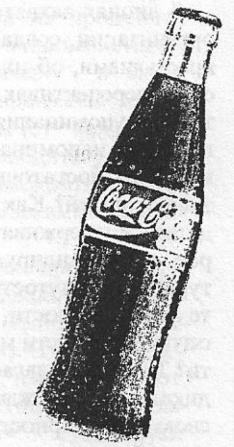
дело. А тут как раз начался "год баррикад". Не Сапата, не Троцкий, не Ганди и не Хо Ши Мин, а именно он - в лихом берете и с устремленным вдаль взором - оказался символом нового поколения, которое не выбрало "Пепси". Высокие этические цели и готовность к жертве - вот что привлекало к образу Че миллионы людей, действия которых были гораздо ближе к методам Ганди, чем Че. Но была и безусловная общность - радикализм. "Концепция коммунизма Че была объединена в мае 1968 года с маркузеанской критикой капиталистической цивилизации, с определёнными аспектами культурной революции в Китае, с троцкистской критикой бюрократии. Смешение этих компонентов привело к необычайному взрыву" (25, p.117). Сочетание ряда идей Че Гевары с троцкизмом и маоизмом могло быть вполне органичным. В 1968 году на первый план вышло объединяющее этих теоретиков стремление к уничтожению бюрократии при сохранении централизма власти. Интересно, что и в политике Че Гевара старался занимать "третью" позицию в конфликте КПК и КПСС. В речи в Алжире он критикует и СССР, и КНР (19, p.5). В Боливии он расчитывает на помощь обеих стран (17, p.286).

Раздумья, наступившие за Красным маем, заставили переосмыслить эффективность методов Че Гевары, тем более, что, освещенное трагическими судьбами Ганди и М.Л.Кинга, "второе рождение" массовых ненасильственных действий в 60-е годы дало, например, в США гораздо более зримый результат. Осмысление идей Че Гевары вновь выводило на первый план его цели, всё более расходящиеся со временем. В 70-80-е годы нарастает влияние идей самоуправления, прямых гражданских инициатив, децентрализации и автономии, распылённой власти. Рост политического сознания людей, при всей неравномерности этого процесса в социальном и географическом плане, оставляет всё меньше возможности тем, кто пытается на волне массового народного движения навязать народу идеи меньшинства. Впрочем, речь идет о меньшинстве в единственном числе, потому что большинство населения - это электоральная абстракция. Большинство состоит из меньшинств, и ненасильственный путь к новому обществу - это "партизанские тропы" меньшинств, выходящих из "империалистического окружения" не единым фронтом, а небольшими группами. И, если забыть о тоталитарном ядре взглядов Че Гевары, то гражданским движениям можно "взять на вооружение" многие его тактические идеи. В конце концов, Че не был банальным экстремистом (радикалом только в вопросах метода), но и радикалом идеи, мечтавшим об обществе, построенном на этическом регулировании. Трагедия Че заключалась в попытке привести человечество к такому обществу через насилие. А это ведет к неизбежному тоталитарному финалу или поражению. Я понимаю, что, если из такой системы взглядов вычленить насилие, то она рухнет. И все же, даже на развалинах былых империй строят новые города. На развалинах теории революционного насилия можно найти блестки идей, которые могут пригодиться сторонникам свободы и солидарности. Неслучайно, организовывая митинги в 1988-1990 гг., мы использовали советы Че: продумывали пути отхода, альтернативные маршруты, возможности внезапного действия и психологического воздействия на противника. Важной идеей Че остается "очаг" - небольшой социум, созданный в сельской местности и воспитывающий человека, привыкшего к более моральным социальным условиям, чем существующие в "большом мире". Че мечтал, как почкующиеся очаги будут разрастаться по стране и вытеснять существующие общественные отношения. В последние дни своей жизни он понял, что успех здесь возможен только в связи с существующими гражданскими движениями. И без насилия - добавим от себя. Очаги-поселения - идея, завоевавшая себе путевку в XXI век. Но и здесь идеи команданте нуждаются в корректировке, особенно если учесть неблагоприятный моральный климат в его отряде.

Иногда наследие команданате полезно вспомнить, но в действительности новый мир прорастает, прежде всего, в другой субкультуре. Знамя радикализма не способствует конструктивной работе. С разной скоростью в различных странах и слоях общества (это зависит и от исходного уровня политической культуры, и от конкретных поворотов социально-политической ситуации) вслед за культом сильных личностей приходит осознание того, что решение проблем современных общественных систем исходит не от отдельных героев и даже не от гигантских государственных или антигосударственных (мафиозных, революционных) систем, а от небольших объединений людей, вызревающих в ткани гражданского общества.

Александр Шубин

1. Э. Че Гевара. Партизанская война. - М., 1961.
2. Э. Че Гевара. Эпизоды революционной войны. - М., 1973.
3. Героическая эпопея: от Монкады до Плайя-Хирон. - М., 1978.
4. Т.В.Гончарова. Индеанизм: идеология и политика. - М., 1979.
5. И.Р.Григулевич. Э. Че Гевара и революционный процесс в Латинской Америке. - М., 1984.
6. О.Иванов. Концепция революции. // "Латинская Америка", 1988, №6.
7. Идейное наследие Сандино. - М., 1982.
8. Ф.Кастро. Речи и выступления. - М., 1960.
9. Ф.Кастро. Речи и выступления 1961-1963 гг. - М., 1963.
10. Е.В.Ковалёв. Латинская Америка: аграрные реформы и экономическое развитие. - М., 1982.
11. А.Куль и Ф.Глес. Партизанскими тропами Че. // "Куба", 1988. №3.
12. Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, Т.2. - М., 1953.
13. От Сьерра-Маэстры до Гаваны. - М., 1965.
14. Социальные сдвиги в Латинской Америке. - М., 1982.
15. Фадеев Ю.А. Боливия: революция и контрреволюция. - М., 1966.
16. "Che" Guevara on relation. Edited and with an introduction by J.Tallinn. Coral Cables, 1969.
17. The Complete Bolivian diaries of Che Guevara and other captured documentes. Edited by D.James. - L., 1968.
18. R.Debrey. Che`s guerilla war. - L., 1975.
19. E.Che Guevara. A common aspiration: overthrow of imperialism unites Cuba with Africa and Asia. - Habana, 1965.
20. E.Che Guevara. Escritos y discursos, V.9. - Havana, 1977.
21. E.Che Guevara. Obras, V.1. - Havana, 1970.
22. E.Che Guevara. Selected works. - Cambridge, 1970.
23. D.James. E.Che Guevara. Biography. - N.Y., 1969.
24. The legacy of Che Guevara. A documentary study by D.C.Hoges. - L., 1977.
25. M.Lovy. Marxism of Che Guevara. - N.Y., 1973.

САПАТИСТЫ - ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ МАСКУ

В эпоху золотого века «реально несуществующего социализма» организовывались поездки в страны сияющего будущего. Паломников приглашали выразить восхищение действительностью, инсценированной местными властителями. И люди отправлялись в Советский Союз - страну «советского социализма», Китай - страну «маоистского социализма», Албанию - страну «мини-социализма», на Кубу - в страну «социализма бородачей», в Никарагуа - страну «сандинистского социализма» и т.д. и т.п. Никто не желал слушать тех, кто сомневался в объективном, научном и бесспорном характере этих сфабрикованных реальностей - вплоть до того дня, когда эти системы разваливались. Люди верили, что увидели нечто, на самом деле они не видели ничего. Сделаны ли из этого какие-то выводы? Очевидно, нет. Сегодня люди снова отправляются в путь, везя в рюкзаке улыбку, - в конвои, организуемые через революционный Чиапас друзьями сапатистов. Они должны строго соблюдать установленные маршруты, осматривать только то, что разрешено, и верить вождям на слово. Непробиваемый аргумент все тот же самый: угроза со стороны империалистических сил; только «комманданте» знают, что хорошо для народа...

По нашему мнению, то, что эти люди считают надеждой - в действительности всего лишь блеск их отчаяния. В содрогающемся от кризиса мире запросы на будущее снижены! Люди, превращаясь в апостолов реализма, отказываются от самого главного и начинают поддерживать новые разновидности угнетения. Группы революционных туристов, плененных индейской экзотикой, не в состоянии дать нам хотя бы минимальную информацию о том, что там происходит - об акциях захвата земли, о формах организации, созданных борющимися крестьянами, об их целях и политических перспективах. Неужели одного только упоминания имени Сапаты и простого напоминания о «Мексике на вулкане» достаточно, чтобы мобилизовать людей? Как можно наивно кидаться поддерживать движение, которое пропагандирует ценности культурной замкнутости и патриотизма, - те самые ценности, которые угрожают сегодня привести мир на край пропасти? Те, кто возлагает на мир более радикальные надежды, могут оправдать свою солидарность с Сапатистской армией национального освобождения только тактическими обстоятельствами. В рамках этой тактической поддержки люди доходят до того, что готовы допустить у других то, чего никогда не потерпели бы у себя. Не лучше ли проанализировать, что же нового есть в этом типе организации, вместо того, чтобы обманываться чарами замаскированного спасителя?...

* * *

В октябре 1968 г. мексиканское правительство, застигнутое врасплох невиданными до тех пор для страны масштабами студенческого движения, расстреляло на Площади Трех культур в Мехико 300 демонстрантов. Одновременно начались репрессии против крайне левых организаций. После этих трагических событий марксистско-ленинско-маоистская группа «Политика популар» («Народная политика») приняла решение покинуть студенческую среду и направить свою деятельность на «народные массы». Она утвердилась в городах Севера, где бегство жителей из сельской местности привело к появлению огромных кварталов бедноты. Эти кварталы представляли собой благодатную почву для левых активистов. Их цель состояла в том, чтобы создать «красные базы» - сеть организаций, которые должны были охватить все сферы социальной жизни и со временем оказаться в состоянии взять под контроль эти бедные кварталы. Тактика была позаимствована у «левого» крыла китайской культурной революции: политическое руководство никогда не должно было появляться публично; его решения всегда изображались как результат массовых консультаций в комитетах и на собраниях. Классическая модель манипулирования населением со стороны авторитарной авангардной организации прикрывалась демагогическими разглагольствованиями о базисной демократии. В зоне своей политической работы мексиканским маоистам неминуемо предстояло столкнуться с уже действовавшими там активистами - прогрессистскими священниками «теологии освобождения». Хотя они конкурировали друг с другом за контроль над массами, маоисты и священники вступили в союз. Из этой удивительной кооперации выросла мексиканская модель «массовой работы», известная как «торреонизм», по названию большого города на Севере.

Мексиканское правительство, обеспокоенное успехами этого движения, прибегло в середине 70-х годов к жесточайшим репрессиям, в ходе их многие активисты были убиты. Руководство организации снова пересмотрело свои позиции: «массовая линия» с центром политической работы в городах была заменена «пролетарской линией» - укоренением, прежде всего, в среде беднейшего крестьянства. Фактически это означало отход мексиканских маоистов в районы, где они чувствовали себя в безопасности от репрессий; это был их «долгий марш». Это были смутные времена в истории группы, со многими неудачами, расколами, уходом членов, внутренними разборками. К тому же периоду относится и возникновение связей между представителями правящей партии ИРП и некоторыми вождями «Народной политики». Двое из виднейших вождей того времени стали ныне высокопоставленными чиновниками ИРП в крестьянских организациях.

Только в конце 70-х годов первые бригады маоистского авангарда добрались до Чиапаса, где они снова застали своих прежних попутчиков из прогрессистской церкви, которые уже основательно окопались в крестьянских общинах. Союз между двумя организациями строился на идее «индейской церкви»; в основе ее лежали принцип автономии епархий и способность низовых активистов выполнять задачи евангелизации населения и служить мессы. Влиятельные в Чиапасе доминиканцы приветствовали эту идею, позволявшую им продолжить работу по обращению индейцев, а маоисты использовали ее для проникновения в общины и формирования низовых кадров. Оба авангарда делали упор на индейскую специфику, что объяснялось ролью «индейской церкви» при их закреплении. Сегодня уже нелегко проследить ясную и линейную связь между тем временем укоренения организаций и возникновением САНО. Ясно лишь, что такая связь существует. Постепенно в Чиапас прибыли и другие группы маоистских активистов. Маркос был, по-видимому, членом одной из последних «бригад». Многие активисты и политические лидеры пали жертвой беспощадных репрессий со стороны армии и помещичьих наемников. Выжившие вынуждены были изменить некоторые из своих концепций применительно к местным условиям. Но известно, что в крестьянских выступлениях снова проявились тактические принципы «левых» маоистов - постоянное обращение к собраниям как к средству укрытия и защиты политических вождей.

Подобно своим перуанским собратьям из «Сендеро луминосо», мексиканские маоисты критиковали геваристскую «теорию очага». Они поняли, что политическое внедрение не принесет успеха, если будет ограничиваться деятельностью вооруженного ядра, которое как ястреб с неба падает на крестьянские общины, замкнутые в самих себе и враждебные по отношению к внешнему миру. С самого начала они из тактических соображений расхваливали индейскую специфику. Военное ядро должно было интегрироваться в общины, в том числе и используя связи с «индейской церковью». Во второй фазе политическая организация приспосабливала свои концепции руководства к новым историческим условиям распада сельских общин и пролетаризации крестьян-индейцев.[1] К этому периоду относится создание крестьянских профсоюзов. В 1991 г. «Независимый крестьянский альянс Эмилиано Сапаты» превратился в общемексиканскую организацию, что было качественным скачком. Формирование массовой базы было завершено, а регионалистский подход, которому способствовали общины с их натуральным хозяйством и «индейская церковь», был преодолен. Настало время вооруженной борьбы. Согласно этой модели, создание военной организации стало последней фазой длительной политической работы по укоренению среди населения. Сегодня сапатистская армия, выросшая из этих массовых организаций, - только одна из структур организации, причем ее видимая часть! Тексты САНО и заявления Маркоса часто упоминают этот пункт. Успех сапатистской организации можно объяснить по большей части политической ловкостью ее активистов в ходе долгого периода укоренения.

Восстание в Чиапасе нельзя отрывать от общего ухудшения ситуации. В начале 90-х годов всю Мексику потрясали социальные движения. Интеграция национальной экономики в североамериканское экономическое пространство ускорила шедшие уже много лет изменения, особенно индустриализацию сельскохозяйственного производства и, как следствие, развал натурального хозяйства. Обнищание мелких крестьян росло, вызывая массовые выступления и восстания. Подавляющее большинство молодежи не имеет возможности пользоваться землей и не находит работы в городах. Следует помнить о том, что 60% жителей Чиапаса моложе 20 лет. Именно они включались в организацию. «Сегодня сапатистская армия состоит преимущественно из этой массы людей - молодых и маргинализированных, современных, многоязычных и с опытом наемного труда. Ее профиль имеет весьма мало общего с тем образом оторванного от жизни индейца, который мы рисуем себе, сидя в Мехико» (А. Гарсиа де Леон).

Оригинальность САНО - в ее изумительной способности приспосабливаться к новой ситуации, которая сложилась после развала госкапитализма и прекращения раскола мира на два блока. Речь идет о первом авангардистском партизанском движении, которое ищет эффективный способ действий в эпоху «нового мирового порядка». Ее вожди, несущие еще на себе отпечаток марксизма-ленинизма, никогда не критиковали эксплуататорский характер рухнувшей системы. Они просто приняли к сведению исчезновение того, что они продолжают считать социализмом. «Советский Союз - все это прошло, социалистического (!) лагеря больше нет; выборы в Никарагуа проиграны; в Гватемале заключен мир; в Сальвадоре это обсуждается; Куба изолирована; никто больше не хочет и слышать о вооруженной борьбе, тем более о социализме; теперь все против революции, даже если она не является социалистической» (из интервью Маркоса). Что еще остается марксизму-ленинизму, потерявшему свои опоры, как не ухватиться крепко за примитивный антиимпериалистический патриотизм, за расхваливание национального начала и за почтение к парламентской демократии? САНО - это первая «посткоммунистическая» герилья, бюрократия, которая наживает себе капитал на демократии.

* * *

Контроль над словом - один из аспектов бюрократической натуры САНО. Голоса восставших в Чиапасе ограничиваются одним голосом, который говорит и пишет от имени всех остальных. Некоторые поэлитаристски защищают такое положение, объявляя Маркоса «художником», «самым лучшим из современных латиноамериканских писателей», представителем «горстки одаренных молодых людей». «Он (Маркос) не говорит за них, он превращает своих товарищей в персонажи басен или коротких рассказов. Этой обращенной к общественности, но коллективной субъективностью он находит новый способ сказать «*я*», которое гармонирует с «*мы*», не подменяя его. Открытое и изменяющееся «*я*», которое каждый может взять себе и расширить по-своему, на свой лад» (Режи Дебре). Вопреки сказанному, то, что этот момент оправдывается почти всеми активно поддерживающими движение, вызывает особое беспокойство. Некоторые убеждают нас, что Маркос говорит не от имени народа, а как его инструмент. Но как мы можем знать слово народа, если слышим только Маркоса? Ну конечно же, его знает только Маркос!

Так мы попадаем в замкнутый круг. Тем не менее, некоторые доверчивые энтузиасты чувствуют себя както неуютно во время спектаклей субкоманданте и особенно усердно стараются доказать нам, что в этой военной организации присутствует «желание избежать опасностей каудильизма» (Г.Кливер) («каудильо» поиспански означает «вождь»). Это мнение частично опровергает сам субкоманданте: «Новое состоит не в том, что нет каудильо; что действительно ново - так это то, что речь идет о каудильо без лица». С нашей точки зрения, это еще хуже! В мире Интернета и виртуальной реальности анонимность отнюдь не означает конца вождизма, скорее это абстрактная форма авторитарности. Культ героя не устраняется, а выступает в чистом виде. Современность предстает перед нами, как карикатура из прошлого. Мы полагали, что с большевистским авангардизмом покончено - и вдруг сталкиваемся с авангардизмом Зорро. САНО - это дирижизм (от французского «дириже» - «руководить»), скрывающийся за демократическими «пасамонтаньяс» - масками сапатистов.

Внимательное чтение прозы САНО демонстрирует нам однако ясное разделение между «мы» (армия освобождения) и «они» (массы). Чтобы исключить любое сомнение, нам объясняют, что организация постоянно консультируется с «базисом» - существуют плебисциты, собрания, референдумы. Нам говорят о «демократическом политическом процессе», о «новом по-

---

[1] Авторы следуют здесь традиционным марксистским представлениям о распаде сельских общин. В действительности, как свидетельствуют исследователи и наблюдатели, «кризис национальной экономики в Мексике скорее способствовал даже усилению самопроизводства, т.е. непосредственного производства ради потребления». «Экономический кризис, являющийся прежде всего кризисом денежного хозяйства, усиливает самопроизводство. Там, где оно еще имеет собственную материальную и социальную основу и не определяется полностью денежной экономикой, людям живется лучше, чем раньше...» (Schwarzer Faden, 1990, # 2). Проблема однако в том, что помещики и предприниматели, опирающиеся на вооруженных наемников, отбирают землю у общин, которые все больше страдают от малоземелья; молодежь вынуждена уходить на заработки. Ситуация ухудшилась еще больше, когда в связи с договором о свободной торговле с США и Канадой мексиканское правительство отменило конституционные гарантии неприкосновенности общинных земель и разрешило их отчуждение. Это вызвало крестьянские восстания. (Прим. переводчика).

литическом проекте», об «автономной демократии на всех уровнях мексиканского общества», о «новом политическом синтезе» и т.д. Но когда уходишь от этих избитых фраз и пытаешься уточнить реальное содержание структур власти, натыкаешься лишь на неопределенные формулировки. Любой внимательный наблюдатель распознает за этой туманностью основные принципы «левого» маоизма - «торреонизма» 70-х годов. Сапатистская организация сохраняет верность этой модели: внизу - собрания, наверху - тайные политические комитеты (Главное командование САНО, в которое входят Маркос и его товарищи).

Повсюду в языке САНО натыкаешься на патриотические выражения. Один симпатизирующий наблюдатель (Дж. Росс) вынужден был заметить: «Из самого Маркоса сочится маниакальный патриотизм». Известно, что патриотическая истерия была одним из самых карикатурных пороков «левого» маоизма, который превратился затем в вариант демократического национализма. В нашем случае эта тема благодаря ее демагогичности должна компенсировать отсутствие позиции по социальным вопросам. Особенно бросается в глаза отсутствие каких-либо указаний на проект реорганизации производства и общества в целом. САНО, которая стремится изобразить себя представителем бедного крестьянства, традиционно связанного с землей и почвой, ничего не говорит и не пишет против частной собственности на землю, даже не защищает конфискации помещичьих латифундий и захват земли. Известно однако, что в начале 1995 г. только в одном штате Чиапас бедные крестьяне и полупролетарии захватили более 500 латифундий. Здесь снова можно обнаружить разрыв между организацией и массами. Зато нет недостатка в упоминании якобы легальных социальных достижений. На этой почве субкоманданте в маске чувствует себя как дома и принимается перечислять успехи нового управления: «Рубка деревьев была запрещена. Были изданы законы о защите джунглей; запрещена охота на диких животных..., точно так же как выращивание наркотиков и торговля ими; и эти запреты соблюдались... И мы покончили с проституцией; безработица и нищенство исчезли. Дети узнали, что такое сласти и игрушки». Все это ошеломит того, кто убежден, что проблемы нельзя решить, не устранив их причин. С каких это пор алкоголизм и проституцию можно ликвидировать простым запретом? С каких пор участие женщин в военных операциях и их включение в командную иерархию служит доказательством прогресса в деле женской эмансипации?

Мы знаем очень мало о конкретных условиях социального взрыва, распространяющегося в Мексике. Но ясно, что в решающие моменты мексиканским пролетариям приходится в одиночку противостоять репрессивному аппарату, который защищает частную собственность. Сторонники САНО желали бы, во что бы то ни стало, убедить нас, что она служит инструментом самообороны бедняков против государства и капиталистов. Разумеется, это чисто элитарный аргумент: слабый народ нуждается в сильной, вооруженной руке, чтобы быть защищенным. Но действительность выглядит совершенно иначе. Если столкновения происходят вне зоны военного контроля САНО, она в них не вмешивается, и восставших крестьян беспощадно расстреливают. Все это очень далеко от схемы вооруженных групп (существовавших в других местах и в другие времена), которые ставили своей целью противодействие репрессиям на месте. Ведь САНО - это не вооруженная группа в классическом смысле, а вооруженная часть организации, которая контролирует область и проживающее в ней население. Пока мексиканские пролетарии позволяют морочить себе голову и считают САНО своим защитником, им придется дорого платить за это. С этой точки зрения (мы ее разделяем), существование САНО можно рассматривать как тормоз для развития автономных тенденций борьбы. Авангардная организация существует благодаря своей способности заменять автономные силы партийными. Тем не менее, следует признать, что САНО играет двойственную роль в отношении молодых полупролетариев, составляющих ее основу. С одной стороны, она переводит их бунт в милитаристское русло, что позволяет ее вождям контролировать его. С другой, она придает им коллективную идентичность как раз в то время, когда идет сильная социальная дезинтеграция.

* * *

События в Чиапасе происходят в условиях капитализма, который находится в особой исторической ситуации. В период раздела мира на 2 блока любое стремление к национальной независимости предполагало подчинение той или иной империалистической державе. Цель так называемых освободительных движений состояла в том, чтобы разорвать зависимость той или иной страны от американского империализма. Националистическая идеология отождествляла себя с марксизмом-ленинизмом, который стал в свое время идеологией руководящих слоев новоформирующихся государств. С тех пор, как после краха госкапиталистической системы возник новый мировой порядок, националистическая идеология больше не может требовать такого разрыва. Любая авангардная организация под угрозой гибели должна переработать свою тактику и стратегию. С одной стороны, она продолжает выдвигать на первый план националистические лозунги, чтобы использовать сильные антиимпериалистические настроения в зависимых странах. С другой, она должна включиться в местную политическую жизнь и искать союзников, пользуясь противоречиями внутри правящих классов.

Известно, что военные действия САНО начались как раз в тот момент, когда вступило в силу Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА). С формально юридической точки зрения, оно призвано

продолжение на стр. 37

ПСИХОГЕОГРАФИЯ МОСКВЫ

Существуют различные варианты ведения государством войны против населения. Так Советские власти, планируя развитие города, исходили, главным образом, из задач психогеографической войны против жителей столицы. Нужно было укрепить дух конформизма, болезненной скуки, централизма, указать личности на ее место (вернее, на отсутствие этого места) в мироздании. Со всеми этими задачами власть справилась вполне. Можно жить и в пятиэтажном и в двенадцатиэтажном доме, все равно вы не обнаружите здесь никаких следов индивидуальности. Унифицированные многоэтажные дома советского города неизбежно подавляют своим мощным депрессивным фоном, заполняя собой по крайней мере часть психологического пространства индивида. При нормальных обстоятельствах кварталы строятся таким образом, чтобы люди могли жить «среди своих», например, в семейных районах, среди неженатых, рабочих, эмигрантов, художников, представителей различных меньшинств. Такого рода городская планировка предполагает наличие в обществе хотя бы элементов *коммунитарности,* общинного сознания, и одновременно генерирует такие элементы. Но, разумеется, в советском государстве нельзя было культивировать подобные вещи, ибо они находились в остром противоречии с существующей общественной системой. С другой стороны, когда людей втискивают в огромные структуры, они в той или иной степени утрачивают индивидуальные особенности. Особую роль играют большие грязные пустыри межу домами. Пустынная местность вокруг возвышающихся над ней строений подчеркивает огромность этих строений, огромность, служащую вечным напоминанием индивиду о его реальном положении в обществе. Напоминанием о том, что в глазах патерналистского государства, соизволившего обеспечить человека жильем, он не более чем кусок дерьма.

В ходе строительства новых микрорайонов Москвы не было стремления децентрализовать экономическую и культурную жизнь столицы, и поэтому все, кто хочет приобрести что-нибудь или развлечься, стремятся попасть в центр города (подобно тому, как жители различных регионов России стремятся попасть в Москву). Вполне естественно, что те, кто живет в неполноценных районах, испытывают по этому поводу многочисленные комплексы. А город, набитый людьми, стремящимися попасть в автобусы (или в вагоны метро), представляет собой отвратительное социал - дарвинистское зрелище. Каждый отдельно взятый человек, воспринимается всеми остальными, как неудобство, как объект, занимающий принадлежащий тебе кусок пространства, и не вызывающий поэтому никаких других чувств, кроме зверской враждебности. Не трудно понять, почему люди не видят никакой возможности заниматься общественной деятельностью, ведь они воспринимают общество как толпу злобных людей, от которых надо каким-то образом избавиться.

Власти же заявляют, что в городском бюджете нет средств на реконструкцию города. В то же время они строят монументальные «чудеса», стремясь убедить нас в том, что мы живем богато. Но неужели нам и в самом деле нужны все эти кастрированные лошади? С другой стороны, состоятельные люди и представители среднего класса могут позволить себе реконструировать за свой счет квартиру, но при этом они оставляют свои подъезды жутко грязными. И ни у кого нет чувства дома или общины. Просто люди помещены в огромные соты, насильственно собраны вместе своим отцом-государством. Но возникает вопрос: как же тогда можно преобразовать город, как вообще все мы можем жить вместе, если постоянно испытываем принуждение, если можем жить лишь там, где нам позволят?

Следует целенаправленно отвергать всю эту затхлую атмосферу, целенаправленно создавать общины. Не только уходить из города - все негативные психогеографические силы должны быть уничтожены действиями городских жителей посредством захвата общественных зданий, организации уличных акций, хеппенингов. В небольших акциях должны участвовать люди из одного дома или с одной улицы. Местная агитация и действия должны преобразить наши бесплодные улицы, и тогда уйдут нищета и безнадежность, и им на смену придет вечный праздник сил воображения.

Лора АКАЙ

Возвращение Китеж-града

Per aspera ad astra.

Как отметил мудрый Гераклит, мир - это вечное становление. Значит, он не меняется исключительно в результате переворота, совершаемого за одну ночь, но непрерывный поток незаметных перемен лишь временами озаряется вспышками ярких событий. Осмысленное направление переменам придают люди, если они стремятся преодолеть свою социально обусловленную одномерность и через творчество, любовь и познание вновь обрести когда-то утраченное единство с Бытиём. Эта статья - об одном таком прогрессорском социальном эксперименте, об общине Китеж.

Статья обращена прежде всего ко всем тем, кого не оставляют равнодушными произведения Стругацких и Ефремова, кто ценит Красоту, Правду и Мудрость. Вместе с тем считаю нужным упомянуть о людях несколько иного склада, читающих наш журнал. Во-первых, это "суровые революционеры", мыслящие категориями чисто пролетарского социализма образца 20-х годов. Во-вторых, это "революционеры" от "контркультуры", в дилемме ""трава или воля?" выбирающие первое*. По-моему, им этот рассказ не будет интересен. Тем не менее статья снабжена фрагментами, адресованными названным уважаемым товарищам, - вдруг они её станут читать. Далее по тексту понятно, что это за фрагменты.

Рассказывая о Китеже, необходимо упомянуть о таком разговоре двух бородатых философов, свидетелем которого мне однажды довелось быть. Один из них - личность достаточно широко известная в различных кругах, автор публикаций в нашем журнале - говорил примерно следующее: "Скажи, Дмитрий, каким ты представляешь себе Китеж в будущем?". Второй - президент Педагогической ассоциации "Китеж", "отец-основатель" одноимённого альтернативного поселения Дмитрий Морозов - отвечал приблизительно так: "Если Китеж со стороны материального благополучия будет процветать, но при этом превратится в обыкновенную российскую деревню, я сочту его несостоявшимся. Если Китеж как поселение развалится, но китежане разойдутся по свету в чёрных плащах: кто на Тибет - по буддийским местам, кто в Москву - власть захватывать, я буду считать, что он состоялся, так как люди поднялись над обыденностью".

Согласно легенде, древнерусский сказочный Китеж-град стоял на берегу северного озера Светлояр. Чтобы уберечься от внезапно нахлынувших орд врагов, город стал невидимым - скрылся от глаз смертных, сохранилось только его отражение в озёрной воде... Сегодня явление Китежа миру происходит в Калужской области. Ничего удивительного в такой смене географического места нет: если столица Орды давным-давно переместилась в Москву, то почему бы и Китежу не поменять несколько своего расположения. Так что не на берегах волшебных северных озёр и не в обители богов - Гималаях, не в сказочной Колхиде и не в беломраморной Элладе, а на равнинах Калужской области в какой-то нелепой "РФ" весной 1993 года появились первые энтузиасты - строители нынешнего Китеж-града...

С тех пор многое изменилось. На принадлежащих Педагогической ассоциации ста с небольшим гектарах земли выросли одно-двух этажные каменные и бревенчатые дома, появились свои школа, детсад, клуб и библиотека, на лугах стали пастись кони и бурёнки, а часть территории отвели под заповедник. Сейчас у общины есть трактор и несколько автомобилей - не тех, которые роскошь, а которые средства передвижения. Частично поменялся и состав общины - одни, не прижившись, уехали, другие приехали на их место. Меня не было в числе первых строителей Китежа и я не смогу рассказать об их героических буднях, спросите об этом у них самих [1].

Поселение Китеж - это детский дом, устроенный в виде соседской общины. На настоящий момент здесь проживают около пятидесяти человек, половина из которых - взрослые общинники, половина - дошкольники и школьники. Взрослые общинники, они же приёмные родители и педагоги, посвятили себя важнейшему и благороднейшему делу - воспитанию физически и духовно полноценного человека. И для этого они себе создали благоприятные условия: собрание единомышленников, свежий воздух, отсутствие таких действующих на нервы факторов, как реклама, городская толчея, менты и начальство. При этом неизбежно не только развиваются дети, совершенствуются и сами их воспитатели и учителя. Согласно проекту, нынешний Китеж основан на трёх китах. Первый - это выработанная Западом идея свободы личности, второй - выработанная Востоком идея взаимодействия учителя и ученика, третий - российская (впрочем, и восточная тоже) идея общины.

Китежане все свои важные дела решают на общих собраниях. Есть также выборный совет - для оперативных вопросов. Есть директор школы. Заведующий общим хозяйством называется главой общины или мэром, ведь китежане часто своё поселение именуют городом. Главой общины избран замечательный человек - Вадим Терентьев, в прошлом моряк и рабочий Таллинского порта. Господа-товарищи, Вы где-нибудь видели мэра, который бы сидел в окружении своих горожан на полу бревенчатой избы и рассуждал о дзен-буддизме? Ну так вот, у китежан именно такой мэр.

Духовным лидером общины остаётся автор проекта Дмитрий Морозов - историк, кандидат наук, в прошлом радиожурналист, пославший к дьяволу "ценности" нынешней цивилизации. Путешествуя в своё время по Индии и прикоснувшись к высотам красоты и мудрости, достигнутым в этой стране, он воочию увидел и чудовищную бедность её народа. Примерно тогда он понял, что капитализм - это плохая альтернатива СССР, что нужен некий третий путь. Здесь же, в Индии, Дмитрий посетил Святослава Николаевича Рериха, который сказал ему, что если человек светел, то он уже меняет мир. Святая правда! Вспомните Колю Муравина, кто знал.

Морозов - специалист по индуизму и его в Китеже часто называют гуру, хотя он считает себя православным христианином. Только не надо думать, что Дмитрий для общины - это кто-то вроде Ким Ир Сена для КНДР или Марии Дэви Христос для "Белого братства". Пожалуй, здесь Китеж можно сравнить с полисом в идеализированном эллинистическом царстве: есть сильное самоуправление и есть просвещённый монарх-философ. С "монархом" спорят. Недавно длившийся целый год спор закончился расколом: одна семья отделилась, уехав создавать другое поселение. Интересно, уезжая, они надели чёрные плащи, о которых говорил второй философ?

Надо отметить, что благодаря широте взглядов Дмитрия, его православие весьма неортодоксально. Однажды на вечерних посиделках в Китеже он рассказывал о феномене веротерпимого индуистского мировосприятия. Неожиданно за окном в отдалении сверкнула молния, хотя никакой грозы не было. Если её метнул разгневанный Пахан из книги Бытия, то он явно промахнулся.

И ещё о религиозном вопросе - с ним у общины была связана одна проблема. Китежане строят у себя православный

* Есть такой анархо-психоделический журнал - "Трава и воля" (прим. ред.)

[1] В недавно вышедшем пятидесятом номере социалистического альманаха "Община" напечатана статья Д.Морозова "Китеж -вечное настоящее". Рекомендую.

храм, но оказалось весьма непросто найти мудрого священика, который бы нормально относился к их купальским праздникам и разговорам о Карме.

Неформальное лидерство Дмитрия основано не только на его качествах духовного учителя, хотя и это очень важно, но и на чисто деловых качествах. Благодаря связям возглавляемой им педагогической ассоциации в радио- и тележурналистской среде, в администрации области и Бог знает где ещё, удаётся добывать средства, без которых Китеж не стал бы тем, чем он является. Отчасти община существует за счёт скудных бюджетных средств, выделяемых на сиротские дома (зарплата педагогов, пособия на некоторых детей). И не надо говорить об интегрированности в Систему - глупо осуждать тех, кто пользуется противоречиями этой самой Системы для приближения к благородной цели.

В Китеже понимают, что закрепление позиций общины как таковой, не связанной с личностью Д.Морозова, важно для независимости её судьбы от судьбы одного смертного. Сейчас у общины уже налажены связи с некоторыми предприятиями и организациями. Родственные души тянутся друг к другу - Китеж находится в тесной дружбе с педагогическим коллективом летней школы для одарённых детей "Химера" при МГУ и альтернативным поселением Финдхорн в Шотландии.

Конечно, жизнь города не обходится совсем без конфликтов. Но это так не похоже на примитивные склоки и раздоры, низводящие человека до уровня озлобленной собаки. Важно, что люди растут, а рост может быть и небезболезненным. Конфликты не разрушают целостности общины, ведь китежане крайне серьёзно подходят к членству в ней.

Установленный кандидатский стаж для желающих вступить в общину составляет полгода и может быть продлён. Так как община педагогическая, кандидат должен всерьёз посвятить себя воспитанию и образованию детей и быть к этому пригодным по личным качествам. Нужно быть способным жить в тесном коллективе. В общину предпочитают принимать семьями - как бездетными, так и, конечно, с детьми. Принципиально одиноких не берут.

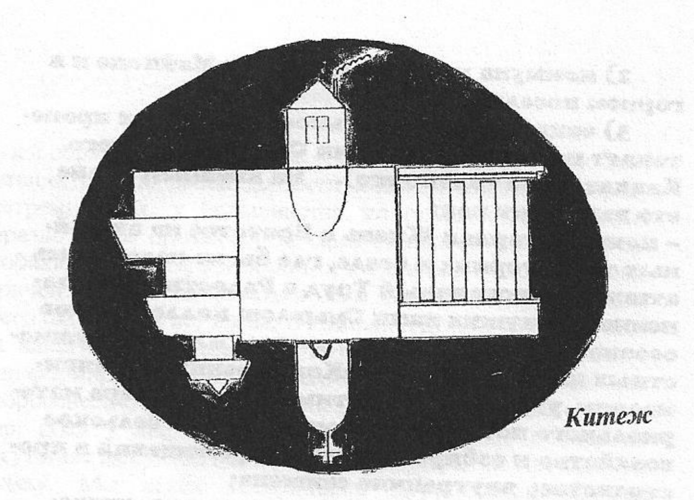
В то же время желающих жить и работать в Китеже, не вступая в общину, встречают с искренней радостью. Кто-то живёт круглый год, кто-то - сезонно, кто-то - как автор этих строк - приезжает эпизодически. Люди здесь собираются из разных городов и стран. Например, каждое лето приезжает одна компания ребят из Германии. Они говорят, что ощущают ответственность за фашистское прошлое своей страны и, помогая общине, компенсируют это зло. Бывали редкие случаи, когда приезжего просили покинуть Китеж - навсегда или на срок. Это не означает, что данный человек оказался плохим, просто бывает психологическая несовместимость, или надо человека уберечь от риска "поехавшей крыши". Но эти случаи исключительны.

Сами китежане также путешествуют по свету. Община не замкнута внутрь себя, а активно ориентирована вовне.

Вечерами люди собираются у кого-нибудь дома - поговорить не о делах, а о вечном. История, философия, мифология, поэзия... Эти беседы обычно завершаются медитацией (или, если угодно, сеансом аутогенной тренировки). Все берутся за руки и вскоре ощущают себя единым целым во вселенском потоке огня и света...

А Вы говорите - МММ (то есть Маркс, Мао, Маркузе - по остроумному замечанию автора одной статьи в журнале "Забриски Rider"). Поймите правильно, я вовсе не против Маркса и Маркузе (людей умных и высоко ценивших культуру), я за сто цветов, о которых говорил Мао (лишь бы пахли хорошо), но надо же на мир шире смотреть. Отступите от точки, в которую Вы упёрлись, на один шаг, и Вам откроется удивительная картина.

Андрей Константинов

Китеж

ЭКОЛОГО-КОММУНИТАРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «Атши»

Собратья, друзья, companeros и пипл ! (и то же самое в единственном числе).

Если вашим (твоим) внутренним Ветрам созвучны:

- **активная внешняя деятельность в защиту окружающей среды и социальной справедливости;**
- **желание жить коммунитарно и экологически (что взаимно дополняет друг друга);**
- **движение по озаренным присутствием ДУХА тропам длиною в тысячи ли (КОТОРЫЙ, в нашем его видении, является, прежде всего, свершением Любви, Свободы и Безупречности);**

Если для вас (тебя) бесспорно основополагающее значение таких несущих частот бытия, как:

- **бескорыстие,**
- **искренность,**
- **ответственность,**

то в пустыне этого мира, возможно, есть место, где...

«Атши» - есть не просто организация, это проект бытия, проект построения Корабля Спасения в простирающемся вокруг нас инфернальном океане Обреченности.

Наш путь - создание эгрегорного единения людей, живущих согласно программе «Жертва» (как антитезы программы «Эго» - стремительно движущей большей частью человечества в направлении Апокалипсиса).

Проект «Атши» имеет три сходящиеся плоскости реализации:

1) бытие в дикой природе гор Северо-Западного Кавказа (которая является его истинным Домом);

2) коммуна на базах «Атши» в Майкопе и в горном поселке Сахрай;

3) социальная деятельность (которая протекает на всей территории Северо-Западного Кавказа и не только его). На внешнем плане это выглядит как:

– коммунитарная Жизнь в Братстве на атшийных территориях и везде, где бы не находились атшияне; постоянный Труд в Радости во исполнение движущих нами Смыслов; коллективное осознание Потока Бытия и отслеживание сущностных качеств Жизни («Конференции»); минимализм, упрощение и оптимизация в сфере материального потребления; экологичное сельское хозяйство и собирательство; перемещения в пространстве; внутренние сейшена;

– контроль за особо критичными экологическими и социальными проблемами в Краснодарском крае и Адыгее; сбор, систематизация и анализ информации по ним; самая различная деятельность по их разрешению; развитие и координация общественного экологического и альтернативного движения; издательская деятельность в экологической, социальной и альтернативно - анархическо - андеграундной сферах;

- борьба с тем, что преступает пределы того, что допустимо (в сферах экологии, прав человека, социальной справедливости, со всем, что, в нашем понимании, исходит из Тени), в том числе, и радикальными методами, когда другие пути исчерпаны;
- походы, экспедиции и отшельничества в горах;
- участие в анархическом, андеграунд-контркультурном, и всяких прочих живых и nonprofit движениях;
- альтернативная педагогическая деятельность;
- и многое другое...

«Атши» обладает некоторыми признаками СИСТЕМЫ и имеет несколько территориальных фракций (крыльев).

Однако, пусть у вас не создастся впечатление об «Атши», как о чем-то «крутом» и преуспевающем. Достижения наши не велики, число «ушедших безвозвратно» (в атшийное бытие) не столь значительно, в материальном аспекте, вообще, крайне странно, как мы ухитряемся поддерживать свое бытие, да еще и что-то делать. Респектабельностью здесь не пахнет и близко. Как по сути, так и по внешней форме - «Атши» есть совершенно маргинальное явление.

ЭКО «Атши» полностью открыто для вхождения в него всех, кто разделяет наш проект бытия, и готово к самому тесному сотрудничеству и взаимодействию с родственными по духу системами, командами и отдельными людьми.

Но система жизни «Атши» имеет в отношении большинства вещей достаточно определенные контуры и границы, и они подойдут далеко не всем, кому этот предварительный текст может понравиться. «Атши» - очень узкий путь...

Контакты.

В Майкопе

Почта: 352700 Майкоп, Главпочтамт, а.я. 73.
Телефон: (87722) 3-24-29 (Андрей Рудомаха, Дмитрий Болотников, Татьяна Львова)
Электронная почта: maikop@glas.apc.org
Местонахождение: Майкоп, ул.Свободы, 290 (троллейбус 6,7; ост. «ул.Свободы»).

В Краснодаре

Телефон: (8612) 61-52-62 (Ирина Юркина), 32-56-74 (Василий Хромов)
Электронная почта: atshy@glas.apc.org

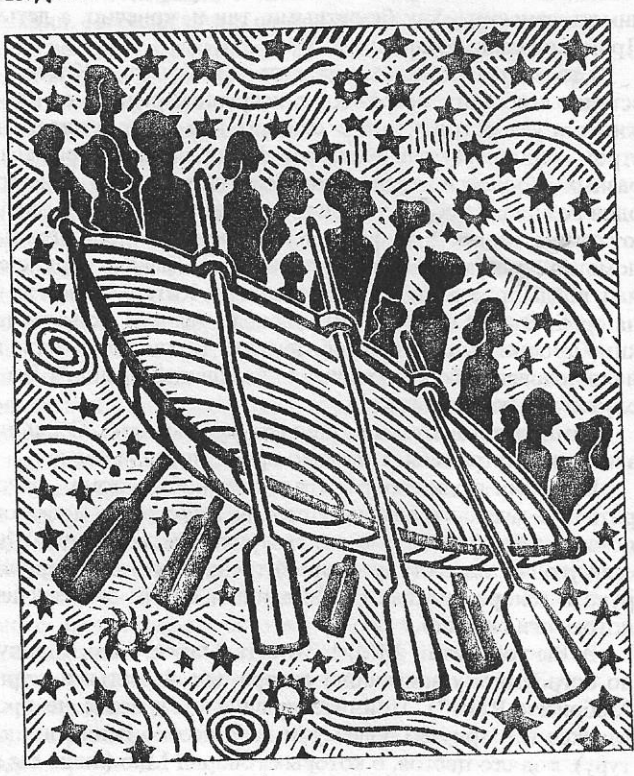
В Сочи

Телефон: (8622)94-64-81 (Юлия Набережная)
Электронная почта: ecos@glas.apc.org

В Сахрае

Почта: 352794, Адыгея, Майкопский р-он, с.Новопрохладное, ул.Заводская 25
Как добраться: автобусом Майкоп-Сахрай (Отправление от автостанции возле Центрального Рынка Майкопа в 15.00). Сойдя с автобуса - от остановки идти прямо вниз по дороге, если будет ясный день на горизонте в этом направлении будет возвышаться величественная скала горы Большой Тхач: дойдя до развилки, когда впереди будет небольшая речка, повернуть налево; по дороге дойти до кладки (моста) через эту речку; за кладкой слева начинается наша территория (на заборе висит номер 25); через забор и далее по тропинке еще метров 150.

Ждем !

По дорогам с облаками

Перевалив зенит, тяжело закатилось уставшее лето. "Наверное, в прошлой жизни я был перелетной птичкой, — говорил Веничка, — Каждую весну меня тянет на север". В своих тяготеньях Веничка был не одинок. Видимо, у многих людей время от времени возникает непонятное беспокойство — или просто желание поехать куда-нибудь. Подальше.

Легко бы сорвался, полетел. Симптомы так называемой "цыганской болезни"... В народе о ней говорят еще — "шило в заднице". Ну и пусть говорят. А мне нравится путешествовать.

* * *

Путешествовать можно на поезде и собственном автомобиле, можно летать самолетом и ездить междугородним автобусом. "Магистральные" способы перемещения в пространстве известны всем. И не будем больше об этом. Я же — об альтернативных способах передвижения. Друзья! Хотя бы с целью некоторого расширения представлений о внешнем мире могу сообщить: ездить можно на "собаках", можно ходить стопом по трассе, летать авиастопом, плавать гидростопом, вписываться в поезда дальнего следования и т.д. и т.п. — короче, возможностей масса. Автостоп и "собаки" — вне конкуренции.

Все прогрессивное хипье нашей прекрасной Родины освоило эти способы еще лет двадцать назад как концептуальные, не требующие особых материальных затрат. Подобным же образом ездят с незапамятных времен добропорядочные граждане, взять хотя бы невзначай, но постоянно поминаемые в совковой литературе и кинематографе попутки. Для многих же столичных цивилов подобные взаимоотношения с дорогой совершенно неведомы. Просто не задумываешься о том, что можно ездить как-то иначе, чем привык. Если я говорю, что ездила в Питер на "собаках", меня понимает в лучшем случае половина собеседников. Дело не только в жаргоне: мало кто вообще знает, что, пересаживаясь с электрички на электричку, в принципе можно доехать до любого города, в который проложены рельсы.

Писать после Кротова[1] про собак и автостоп — наглость. Тем более что я — не монстр автостопа и собачьей езды. Я лишь увидела, как это иногда бывает. Но я пишу — просто потому, что мне так хочется.

Итак, про "собак". Весь интерес здесь заключается в том, что за проезд можно не платить — либо платить смехотворные суммы. Известны случаи, когда люди проделывали на "собаках" путь от Москвы до Владивостока — и в обратном направлении. Но, конечно, подобные путешествия по своей дерзости можно отнести к разряду экстремистских, у большинства же ездящих людей опыт гораздо более прозаичен. Я сама несколько раз ездила на "собаках" до Питера и обратно, и один раз — до Харькова. Причем начала пользоваться этим способом передвижения всего около двух лет назад. В компании других хухтамяков.[2] Та наша поездка была замечательна тем, что по причине неинформированности и всеобщей инфантильности мы добросовестно оплачивали проезд по всем перегонам до тех пор, пока у нас не кончились деньги. Лишь полное их отсутствие вынудило нас последние два перегона проехать на халяву. Мы стали посмешищем двух столиц. О нас рассказывали анекдоты и показывали нас друзьям. Так мы узнали, что платить при поездках на "собаках" не очень-то принято.

Обычно, едучи "собаками", уже на втором-третьем перегоне можно вычислить людей, которые, как и ты, едут на дальние расстояния. Интересных и несколько странных. Предпочитающих нетрадиционный образ жизни... Бодренький загорелый мужчина пенсионного возраста и несколько бомжеватого вида подсел к нам на перегоне Белгород — Харьков. Сказал, обращаясь к моему приятелю: "Хороший у тебя рюкзак, парень. Я его еще в Туле приметил..." Тихий, бесцветный молодой человек по имени Саша, с которым мы познакомились по пути из Питера в Москву, — оказалось, объехал пол-Европы автостопом, а теперь добирался на "собаках" до Свердловска, ныне Екатеринбурга... Уставший от жизни, суровый и замкнутый папа в утилитарно-походной одежде. С огромным рюкзаком, на самой вершине которого сидит подобранная неизвестно где кошка. Конец зимы, вокзал, стылое предвестье утра. Папа заходит в холодный вагон первой электрички из Питера, к вечеру рассчитывая быть в Москве. За руку он ведет девочку лет четырех, одетую адекватно образу жизни. На ее мрачном личике читается жизненный опыт, неведомый большинству из нас. Папа снимает рюкзак и ставит рядом с собой. Гладит кошку. У кошки нет задних лап...

...Принято считать, что для путешествий на дальние расстояния нужны большие деньги. Это не совсем так. Просто, если у вас имеются деньги, вы можете перемещаться в пространстве быстро и с комфортом. Причем чем больше денег, тем большую скорость и удобства вы можете — при желании — себе обеспечить. Это понятно. Если же денег нет вообще, или есть, но мало, — это вовсе не значит, что вы путешествовать не можете. Можете. Просто в таком случае вы расплачиваетесь не деньгами, а ресурсами своего свободного времени — и дополнительными, иногда значительными, усилиями. Езда на собаках достаточно пассивна: усилия прилагаются лишь в момент разработки концепции проезда и при встрече с контролером. Зато значительны затраты времени, особенно по мере удаления от столиц. Поэтому многие собак не жалуют, считая езду на них занудной. Автостопом, конечно, быстрее. Зато требуется высокая интенсивность действий.

Я до сих пор смотрю на тормозящую машину, водитель которой соглашается подвезти — как на чудо. Мне самой это странно, но ведь – останавливаются машины! И везут по трассе! Первый раз на трассу нас с приятелем вывела не добрая воля, а злая действительность. Дело было в городе Лодейное поле (местные жители называют его "Лодэйным"). До ближайшей электрички оставалось около семи часов. До Петрозаводска — немногим больше двухсот километров. Надвигалась белая ночь. Яркое солнце зависло над горизонтом, теплым оранжевым облив обращенные к нему

---

[1] **Будучи патологически добросовестным персонажем, я, конечно, должна сказать, что есть такой Антон Кротов. Он написал замечательную книжечку, "Практика вольных путешествий" называется, которую можно считать практически бесценной. В ней самым тщательным образом систематизирован опыт вольных (читай — безденежных) путешественников, даны подробнейшие выкладки по теории альтернативных путешествий, описания трасс и расписания электричек, просто полезные советы. Книжечка удобна и с чисто прагматической точки зрения: она легко засовывается в карман. Но самое главное: он настолько аппетитно и заразительно пишет, что начинает зудеть и чесаться — попробовать. Тем более что понимаешь вдруг: это не где-то там, далеко-далеко, а здесь, так близко, и ты это можешь.**

Чтобы приобрести книжечку, можно заехать к Антону в гости (предварительно позвонив по тел 457-89-49; это домашний телефон - стрематься не нужно).

[2] **Хухтамяки - трудноописуемое субкультурное сообщество. - ред.**

деревья и былинки. Вычернив и удлинив тени. Под огромным разводным мостом лениво и могуче текла река Свирь... Машины проезжали редко, и подвозить нас явно не собирались. Водители забитых "под завязку" машин охотно объясняли жестами, что взять не могут. Водители-одиночки делали вид, что нас не замечают, – видимо, просто опасались останавливаться и сажать в машину каких-то проходимцев, пусть даже весьма инфантильного вида. Мы пропрыгали на трассе четыре часа. Пока наконец не застопили машину, содержавшую в себе двух женщин и ребенка. — А вы нас убивать не будете? — поинтересовались они.— Нет-нет, что вы, — поспешили заверить мы. — Ну, тогда садитесь, — жизнерадостно предложили дамы. И довезли нас до Петрозаводска.

Водители тяжелых машин, бескорыстные друзья автостопщиков. У них — иной образ жизни. Иное мироощущение. Своя субкультура. И масса баек в запасе.

Трасса Питер-Мурманск была для меня первой, по которой я ходила "стопом". До Кеми и обратно. Машин на мурманской трассе немного, и чем севернее, — тем меньше. Можно долго отматывать ленту шоссе в одиночку: ни впереди, насколько видно дорогу, ни в дергающейся рамке заднего видения — не видно ни хрена, то есть ни одной машины. Каждой встречной машине радуешься, как событию. Машин-попутчиц очень мало. То ты обгоняешь их, то они — тебя. За сотни километров пути они становятся хорошими знакомыми. Мы катим белой ночью по пустынной трассе на север.

По безлюдным местам. Едешь десятки километров — и ни одного населенного пункта, ни одного живого человека в окошке. Только небольшими, как над могилками, памятниками отмечены места, где разбились на машинах люди. И во всей красе молчаливая северная природа. Огромные гранитные глыбы, сваленные в горы. Темной хвои леса. Озера и шустрые речки. Болота, когда-то бывшие озерами. И самодостаточность во всем, спокойствие вечности. И совершенно не подразумевается присутствие человека... Низкое солнце нагло светит в морду — нам, радостно пищащим, и претерпевающему водителю.

Водители, бывавшие за границей и видавшие тамошние автострады, мечтательно вздыхают, вспоминая о них. Считается, что дороги — это там. А у нас нет дорог, есть места, по которым можно проехать.

Раньше мурманская трасса была не в пример фиговее. И гораздо уже. В некоторых местах, по рассказам бывалых, не могли разъехаться две машины. Особенно зимой. Поэтому при встрече на дороге водителям приходилось одну из машин, какая полегче, относить в сторону. После чего другая машина проезжала вперед, водитель вылезал снова, и первая машина водворялась на место. Нынче трасса имеет вид очень даже приличный. По качеству покрытия она считается даже лучшей, чем трасса Москва — Питер. На протяжении всего пути с нами случился всего один конфуз, когда прекрасное асфальтовое покрытие сменилось вдруг зыбкими песками. По накатанной колее машины ехали шепотом, не быстрее 10 км/ч. Чуть в стороне люди прыгали вокруг легковушки, в припадке лихачества завязшей в песке. У въезда в опасную зону стоял знак, ограничивающий скорость передвижения 40 километрами. Что было растолковано нами как рекорд, установленный на данном участке. Песочный эпизод продолжался метров 300, после чего как ни в чем не бывало вновь сменился обычным шоссе.

Из водительских баек. Иногда приходится проводить за рулем сутки — и больше. В какой-то момент сказывается усталость, — начинаешь засыпать за рулем. А бывает, что вроде бы все в порядке, сидишь, глядишь вперед, а у обочины — девушка, стоит, голосует. И так хорошо ты ее видишь, как она выглядит, во что одета. Подъезжаешь, — а это никакая вовсе не девушка, просто столбик. Значит, начались галлюцинации. "Мультики". Пора отдыхать.

Некоторые водители — патриоты своих мест. В Карелии нам поведали байку о водителе, который, преисполненный благими намерениями, остановился, увидев на дороге голосующего человека. — Куда ехать-то? — спросил водитель.— В Сегежу, — ответил стопщик. — В Сегежу? — переспросил водитель. — Да-да, в Сегежу, — радостно закивал человек. Водитель захлопнул дверцу машины и уехал. А ведь это так просто: в финском языке ударный слог в словах – первый. Соответственно, в названиях финского происхождения – тоже. Пребывая в Карелии, желательно об этом знать.

Зима — тяжелое для работы время, особенно на севере с его морозами и долгими ночами. Какая-либо связь между водителем, затерянным в безлюдных снегах, и остальным миром отсутствует. Один водитель рассказывал, как однажды из-за поломки десять километров ехал восемь часов. Для работы двигателя нужна была вода — он набирал снега, растапливал его в кабине, что было непросто, ведь в кабине тоже холодно, и ехал, покуда хватало полученной воды. Когда вода заканчивалась — процесс возобновлялся. Рассказывали нам и о поножовщине на стоянке дальнобойщиков. И о том, как на глухих дорогах какие-то люди в легковушках пытались остановить "ЗИЛ". — Я влево — они влево, — водитель крутанул руль, продемонстрировал, как это было. Машина резко дала влево. Мы от неожиданности чуть не попадали с сидений. — Я вправо — они вправо, — вывернул руль веселый водитель. Ему все же удалось тогда уйти, закинув одну из нападавших машин в кювет. Многолетний опыт вождения сказался. Афганистан за плечами.

Конечно, далеко не все водители столь словоохотливы. Некоторые предпочитают слушать, что вы им расскажете. Некоторые вообще не любят разговоры. Но попадаются даже такие, которые рассказывают о достопримечательностях и истории мест. Об интересных книгах, которые они читали.

Я так и не научилась отличать "Жигули" от "Москвича" — но тяжелые машины с некоторых пор различаю прекрасно... Поездка на огромном "КрАЗе". Сидя в кабине, мы гордо возвышались над трассой. Свысока глядели на мир. Прочие машины "КрАЗ" боялись и почтительно пред ним расступались. Ехал он довольно медленно, но водитель, явно гордившийся своей махиной, несколько раз повторил нам с подругой: "Это ничего, девчонки, что не особенно быстро. Зато потом будете всем рассказывать, что ездили на могучем "КрАЗе". И действительно ведь. До сих пор рассказываю. Мы ехали тогда из Питера. И — уже другой — водитель кормил нас мороженым. Мы возвращались домой.

С прагматической точки зрения все эти извращения совершенно нецелесообразны, согласна. Ведь если дорога – средство для достижения некой пространственной цели, от нее требуется только одно: максимальная эффективность в выполнении своей функции. И – в идеале – сведение ее в ноль. При езде на "собаках" и автостопом дорога обретает самоценность как таковая. Она сама превращается в смысл поездки. И, как правило, становится Приключением, Событием. Поскольку в любом случае разрушает привычный ход жизни. Из раза в раз повторяющую цепочку, образующую поездки: "посадка в поезд – жареная курица в фольге – высадка из поезда". Отсутствует предопределенность ближайшего будущего. Весьма занятное ощущение. И – легкость Бытия. Пусть временная – оборванность всех связей со множеством смыслов, которые мы придумываем себе, живя стационарной жизнью. Состояние абсолютной непривязанности. Отсутствие устойчивости, некоторый сдвиг в восприятии мира: резкость линий, насыщенность цвета.

Осенним вечером, забытый и ничей, едешь в троллейбусе в незнакомом городе, по стеклу, нервно дрожа, криво стекают капли дождя, размывая огни, чужие строгие дома, редкие зонтики на улицах...

ВИТНИ

С. (как и большинство других глобаловских грузчиков — перешедший из НИИ электронщик-профессионал), удолбанный работой во время аврала и размягченный выпивкой на презентации: — Нет, все-таки Хейг — классный мужик. Не скупится, чтобы нам удовольствие доставить, — и глаза его увлажнились. Удивительно, насколько проста здесь цепочка "воздействие — результат", ни одного промежуточного звена. Манипулировать тем сектором сознания, который отвечает за "Глобал", оказалось не так уж и сложно.

От каждого сотрудника магазина изначально требовалась полнейшая самоотдача и преданность делу, готовность отдавать ему все свое время и силы, а потому м-р Хейг достаточно внимания уделял идеологической работе, т.е. созданию в головах у подчиненных идеальной модели "Глобала". Официальная идеология и реальное положения дел существовали параллельно, практически не имея точек пересечения. Обычно непосредственное промывание мозгов делалось менеджерскому составу, поскольку подразумевалось, что менеджеры — это проводники, которые понесут идеи м-ра Хейга в народ. Собрания менеджеров, имевшие удивительное сходство с комсомольскими и, наверное, партийными, проводились регулярно, — рабочий день закончился, все давно обессилели и хотят домой. М-р Хейг энергично цветет своей дежурной улыбкой. "Я хочу вам сообщить, что скоро — (откроется новый зал, новый магазин, произойдет другое выдающееся событие — вставляется в зависимости от ситуации). У меня грандиозные планы — (планы красочно конкретизируются). Очень скоро мы обставим всех наших конкурентов, потому что Глобал из зе бест. У нас с вами одно общее дело. Общие интересы. А потому мы с вами должны работать еще лучше, еще энергичнее. (Далее раздаются конкретные рекомендации и указания — на что именно направлять наши общие усилия, дабы "Глобал" процветал и приумножал капиталы м-ра Хейга.)" Доктрина м-ра Хейга гармонично звучала, кроме коллективистских, семейственными обертонами, ведь общее благое дело настолько сплотило всех нас, что "Глобал" стал для нас настоящей семьей. В этом контексте небезынтересно, что м-ра Хейга за глаза звали "папой". Правда, я ни разу не слышала, чтобы так его именовали рядовые сотрудники.

* * *

Подобная ситуация вовсе не является чем-то из ряда вон выходящим, — скорее, со временем становится все более заурядной. В Москве масса фирм, где люди работают в подобном режиме и с подобной же интенсивностью. И считают это нормальным. Потому что чаще всего это — неплохие деньги. Возможность свободно ими распоряжаться, а не считать копейки, что унизительно. Тогда как сам факт хороших заработков, помимо обеспечения иных удобств, заметно влияет на самооценку. Обычно в сторону ее повышения. Но важно еще и другое — принадлежность к некоему значимому сообществу или структуре для многих равносильна собственной значимости, является оправданием собственного бытия и привносит в существование смысловую наполненность, — тогда как пребывание вне подобной структуры расценивается ими внутренне — как пустота, обесточенность и бессмысленность, внешне — как признак аутсайдерства. Разумеется, есть люди, для которых официальное место работы дает возможность самореализоваться в профессиональной сфере, но все же их — подавляющее меньшинство. Остальные время, подаренное им Жизнью (9-10 часов в день, и так — годы, десятки лет!), кладут на то, что не является для них *настоящим*, что по большому счету им совершенно не нужно, — просто потому, что боятся сломать в себе кем-то когда-то навязанные стереотипы. Радость, счастье, моменты прорыва даются нам совершенно иными жизненными ситуациями, — в конце концов это и есть то *истинное*, ради чего стоит жить.

ВИТНИ

ми далеко не однозначны. Многие лидеры неолиберализма сами происходят из коррумпированных и спекулянтских кругов ИРП. Здесь, как и в других местах, члены государственной бюрократии превращаются в рьяных сторонников дикого частного капитализма. Однако, среди мексиканской буржуазии немало и тех, кто не желает просто так подчиниться диктату североамериканского капитализма. Можно предположить, что военная акция САНО и волнение, вызванное ею в кругах мультинационального капитала, служат точкой кристаллизации в конфликте между национальной тенденцией и сторонниками американских интересов. Передача мексиканской нефти в американские руки (под предлогом погашения долгов) оживила антагонизм и усилила националистические настроения среди буржуазии.

Мексиканские социал-демократические левые, сгруппировавшиеся вокруг Партии демократической революции (ПДР), тоже должны были искать новое место на политической сцене. Вначале они искали союза с руководством САНО, предоставив к его услугам свои институциональные связи, свои политические и профсоюзные структуры и влияние в средствах массовой информации. Но союз продержался недолго. САНО не могла допустить, чтобы ее деятельность была интегрирована в национальную стратегию ПДР - партии, которую она считала скомпрометированной слишком тесными связями с определенной частью мексиканской буржуазии. Расхождения усилились после выборов в августе 1994 г, которые принесли поражение ПДР и успех католическо-неолиберальному течению в лице Партии национального действия.

САНО, со своей стороны, не претендует на власть. Это часто подчеркивается как доказательство ее антиавторитаризма. При этом упускается из виду, что ее вожди прекрасно понимают: в нынешней исторической ситуации и при нынешнем положении капитализма они и не могут взять центральную власть в государстве. Усилившись благодаря симпатии, которую вызвало их выступление, сапатисты могут выторговать для себя роль представителей маргинализированных и изолированных слоев пролетариата. САНО превратилась в новую партию мексиканских левых. Что касается Маркоса, то, опираясь на свой харизматический образ, созданный средствами массовой информации, он все больше выступает как вождь и разворачивает в СМИ все свое политиканство.

Наступление мексиканского кризиса и его финансовые последствия разрушили миф о неолиберальном чуде на всем американском континенте. Американские капиталисты, ожидавшие солидных прибылей от НАФТА, столкнулись сейчас в Мексике со взрывоопасной ситуацией. Они тем более напуганы, что в случае подобного взрыва им придется сражаться на два фронта - с недовольством иммигрантов в самих Соединенных Штатах (не только мексиканцев, но и латиноамериканцев вообще) и с угрозой распространения восстания на другие латиноамериканские страны. В любом случае нельзя рассматривать политическое будущее САНО в отрыве от конфликтов внутри господствующего класса по вопросу о независимости от американского капитализма. Действия сапатистов - составная часть этого соотношения политических сил. Главным неизвестным в таком буржуазном политическом сценарии остаются действия мексиканских пролетариев и их способность освободиться из-под контроля со стороны как старых бюрократических организаций (ИРП и ПДР), так и новых (САНО). Если они начнут действовать автономно, независимо, то быстро обнаружат разрыв между своими классовыми интересами и националистическими интересами этих партий и организаций. В тот самый день можно будет увидеть, как старые лидеры индейцев - «касики» и новые вожди протянут друг другу руки. Нет ни малейшего сомнения в том, что «очень одаренные молодые люди» единодушно отвергнут «нереалистические требования» молодых восставших пролетариев. Они станут осуществлять свои собственные амбиции. Ведь как сказал один революционер времен Сапаты (Рикардо Флорес Магон), «культ личности может найти себе приверженцев только среди невежественных людей или среди охотников за постами и привилегиями».

(Der Revolutionaere Funke, # 8)

Петр РЯБОВ

ДЕСАНТ НА "МАЛУЮ ЗЕМЛЮ"

(революционная хроника)

Действующие лица: КТК и другие.

В начале, как обычно, было слово. Сухое и непонятное слово: КТК. При расшифровке оказалось, что это - Каспийский трубопроводный консорциум. Это слово я впервые услышал от знакомой "хранительницы радуги", которая пригласила меня принять участие в готовящейся кампании протеста.

Как всегда, чиновники и буржуи попытались договориться за спиной у населения. Собственно говоря, они и договорились - они умеют договариваться - однако, просочились слухи. 28 мая 1997 года на нефтяном терминале в Новороссийске случилась авария: сотни тонн нефти потекли в море, загрязняя воду и пачкая берег. (Полтора месяца спустя, идя вдоль берега, мы то и дело натыкались на черные, вязкие пятна на камнях). Чудом не произошло пожара. Хотя масштабы катастрофы удалось сильно преуменьшить, общественность была возбуждена и негодовала. Впрочем, ее, как всегда, никто не слушал. На этом фоне стало известно, что властями планируется очередной "проект века" - строительство терминала, по сравнению с которым прежний покажется детской игрушкой. Тут-то и всплыло это слово: КТК.

Проект Каспийского трубопроводного консорциума, грандиозный по своим масштабам (и по головокружительным возможностям наживы для заинтересованных лиц: бюрократов и бизнесменов), типичен для современной России, стремительно превращающейся в страну "третьего мира", служащую одновременно сырьевым придатком и экологической свалкой Запада. Большинство акций консорциума принадлежит иностранному капиталу. Проект активно лоббируется верхушкой российского правительства. Суть дела заключается в перекачке огромных запасов казахстанской нефти в терминал на Черном море, откуда нефть будет перевозиться в другие страны. Экологическая опасность нефтепровода состоит, во-первых, в том, что он должен пройти под многими важнейшими реками России (Кубань, Волга и пр.), что небезопасно, а, во-вторых, и это главное, он ставит под угрозу последние остатки чистого побережья Черного моря. Вариантов места для размещения терминала предлагалось два, один хуже другого: либо непосредственно Новороссийская бухта, мыс Шесхарис (здесь терминал представляет чудовищную угрозу для города), либо последний не загубленный индустриальной цивилизацией участок черноморского побережья между Новороссийском и Анапой - в районе поселка Южная Озереевка. Сейчас здесь существует природный заказник, и уже много лет идет борьба за создание здесь заповедника, однако администрация Новороссийска препятствует этому. Конечно же, и статус существующего заказника и, тем более, планируемого заповедника, исключает возможность строительства в этом районе терминала. И, тем не менее, власти (которые вспоминают о законах только до тех пор, пока им не заплатили) склонялись именно к варианту с Южной Озереевкой. Местное население, разумеется, категорически против. Чиновники - городские и краевые (краснодарские), разумеется, куплены. Учитывая майскую катастрофу с утечкой нефти и регулярную (статистически вычислимую) повторяемость подобных аварий, перспективы черноморских здравниц, пляжей, санаториев и курортов, мягко говоря, под вопросом. Такова, вкратце, суть проблемы, за решение которой взялись радикальные экологи и анархисты.

Действующие лица: "Атши" и другие.

Кампания протеста против проекта КТК проводилась под "шапкой" движения "Хранители Радуги". Реально действовала сборная команда человек из тридцати. Основное ядро активистов составила автономная группа "хранителей" - эколого-коммунитарное движение "Атши" при участии Федерации анархистов Кубани (ФАК). Формальные количественные данные: география участников акции - Москва, Самара, Краснодар, Минеральные Воды, Новороссийск, Сочи, Майкоп, Буденновск, Дзержинск. Возрастной состав: от 13 до 35 лет, в основном преобладают 17-19-летние, примерно две трети участников - девушки (торжество феминизма!).

"Атши" - странное образование: коммуна, которая, вместо обычного для коммун ухода, бегства из "мира", активно действует в этом мире, преобразует его, стремясь помешать начавшемуся Апокалипсису или хотя бы встретить его, сопротивляясь. "Системные" имена - смесь чего-то восточного с чем-то в духе Ивана Ефремова: Эр, Ди, Оу, Эн, Бу, Сан, А, идейная смесь из Че Гевары, Урсулы Ле Гуин, анархизма, Кастанеды, деловая атмосфера (ежедневные "планы работы на день" и "разборы полетов"), крайний "минимализм" в быту (полное пренебрежение сном, отдыхом, едой, одеждой и прочими земными благами; символом атшийского "минимализма" для меня стала легендарная каша "Партизан"), сочетание самоуправления и неиерархичности с духовным авторитетом основателя - Эра, активнейшая экологическая деятельность - все это придает облику атшийцев чрезвычайное своеобразие. Действенный идеализм, стремление к полной солидарности и единодушию (которое порой даже пугает возможностью исчезновения индивидуальности), серьезность, полное отсутствие позерства и выпендрежа. И все же юность берет свое: порой необузданное веселье, разговоры "за жизнь" ночи напролет, полная бытовая необустроенность и коммунарское обобществление всего, включая посуду и одежду. "Атши" чем-то напоминает комету: небольшое прочное ядро и масса "околоатшийской" публики. Состав участников акции был очень сильный: практически не было случайных людей, акции старательно планировались до мелочей, каждый день составлялись пресс-релизы, проводились общие собрания. И - ни одного серьезного конфликта, ссор, склок. Амбициозность и враждебность, которые я, исходя из московского опыта, считал родимыми пятнами нашего движения, здесь полностью отсутствовали.

Кампанию протеста планировалось провести в очень сжатые сроки - дней за 10, учинив как можно больше "шума" в различных городах Краснодарского края. Мы прекрасно понимали как масштаб проблемы, так и невозможность ее полного решения за столь краткий срок столь малыми силами. Однако - дорогу осилит идущий! надо было с чего-то начинать. Целью радикальной кампании было привлечь внимание общественности к проблеме, продемонстрировать власти то, что попытки осуществления проекта КТК встретят отпор, облегчить повседневную "конструктивную" работу умеренных групп "зеленых" в различных городах. Не так важны "бумажки", которые мы могли бы в ходе своих действий вырвать у власти (бумаги, не подкрепленные силой общественного давления, немногого стоят), как преодоление массовой апатии, когда все люди против и все считают, что, тем не менее, "ничего нельзя сделать", что КТК непобедим.

При проведении кампании была избрана тактика малых побед. Сперва - надо "пробить" заповедник в Южной Озереевке: если его создадут, а затем попытаются нарушить,- отстаивать, опираясь на их же законы (по старому диссидентскому принципу: "Соблюдайте свою Конституцию!"). Затем - добиться референдума в Новороссийске по вопросу о терминале - референдума грамотного, с четкой формулировкой вопросов и без подтасовок при проведении. Затем: потребовать создания при КТК страхового фонда на случай аварии (что сделает весь проект совсем невыгодным), организация "шума" и акций протеста на Западе. А, если попробуют поискать другие места для терминала, давить на прецедент: "В Новороссийске не прошло, а чем вы (люди, живущие в этом месте) хуже?" Такая была избрана тактика. Как говорил Мао Цзэдун: "Тот, кто прошел один шаг, тот прошел тысячу шагов".

Теперь предстояло пройти этот один шаг.

Краснодар: похороны Черного моря.

Краснодар - огромный невысокий город, широко раскинувшийся в разные стороны своими узкими бесконечно длинными улочками, по которым медленно пробираются троллейбусы - из конца в конец часа по два. На город навалилась жара.

30 июня утром из арки дома напротив здания администрации Краснодарского края вышла странная процессия. Человек 40 молодых людей медленно шли по площади, неся анархические флаги и транспаранты. Саксофон играл траурную музыку. Четыре зловещие фигуры в белых могильных балахонах несли гроб, обтянутый материей с надписью "Черное море". Перед гробом несли портрет покойника в траурной рамке: волны, чайки, солнышко, радуга.

Впереди процессии, ухмыляясь, шел Буржуй, точно сошедший с плаката "Окон РОСТА": в цилиндре, фраке, с карманами, полными долларов (ксерокопированных, с изображением известной старухи с косой на обороте). В руке буржуин сжимал огромную бутылку с черной жидкостью ("нефтью"). То и дело он начинал омерзительно ухмыляться, приставать к прохожим, пытаясь всучить им пару "долларов".

Серьезные мальчики и девочки раздавали листовки и собирали подписи. На крыше здания, из арки которого вышла наша процессия, повис огромный двадцатиметровый плакат: "КТК: капитализм терроризирует Кубань". Театрализованное шествие, вероятно, производило впечатление , жаль, что зрителей на площади в тот день было не слишком много. Трижды обойдя площадь, похоронная процессия вышла на центральную улицу Краснодара и, перейдя на проезжую часть, плавно превратилась в демонстрацию (разумеется, несанкционированную).

Демонстрация дошла до офиса КТК, помитинговала около него и внезапно, ошеломив и охрану и, похоже, саму себя, рванула внутрь здания - вверх по лестнице, шумной, галдящей толпой. Передние анархо-экологи уже взбегали наверх, уже ставили перед дверями гроб (в подарок КТК), когда один из демонстрантов с флагом, с разбега не "вписавшись" в узкий проем, своим телом прошиб стеклянную дверь офиса. (При этом он серьезно поранил руку. Обратившись за медицинской помощью в ближайшую больницу, истекающий кровью человек получил циничный отказ: "Мы бесплатно не лечим". "Но вы же давали клятву Гиппократа". "Ишь, чего вспомнил" - и его отправили в другую больницу - "для бедных". А ненароком разбитая стеклянная дверь попала на страницы всех местных газет, как доказательство нашего "экстремизма" и "вандализма").

Демонстрация с песнями и скандированием ("Черному морю - да, да, да! Нефтепроводу - нет, нет, нет!") вновь прошла через центр города и устроила короткий митинг около Комитета по охране природы. Дима Рябинин, предводитель краснодарских анархистов, подошел ко мне во время митинга и сказал, указывая на стоящего в стороне молодого парня в штатском: "Вот это - "мой" гэбульник. Он все время меня "пасет", проводит "беседы", расспрашивает об анархистах и акциях". "Подойдем, познакомишь" - предложил я. При этих словах гэбульник смущенно улыбнулся и отошел на несколько шагов.

Демонстрация, утратив революционную бдительность, растянулась чуть ли не на полкилометра, когда незаметно подъехали милицейские машины, и нас начали запихивать в них. Люди садились на асфальт, сцеплялись руками - менты хватали за шею, волочили по асфальту. Всего схватили 26 человек.

Допросы: милиция изо всех сил пыталась выяснить структуру движения "хранителей" и - "кто главный?" Идея самоуправления, отсутствия начальства ментам ну никак не давалась. Еще - ярко проявляется национализм: ненависть к евреям, москвичам и, особенно, к кавказцам. Меня на допросе почему-то вкрадчиво спросили, как я отношусь к правозащитнику Сергею Адамовичу Ковалеву (фигуре - здесь более чем одиозной, в связи с войной). Я осторожно ответил также, как ответил Жванецкий на вопрос об его отношении к женщинам: "Не отношусь". Услышав нашу аргументацию о грядущей, в результате деятельности КТК, гибели Черного моря, менты сочувственно покивали головами и сказали: "Да, вы правы - жаль Черное море. Одно хорошо: и Турции тоже плохо придется". (Вообще, патриархальность и сильный национализм в этих краях бросаются в глаза на каждом шагу: то строем маршируют казаки, то по всему городу расклеены листовки РНЕ).

Нас битком набили в душную камеру, предварительно отделив "взрослых" от несовершеннолетних. Мы записывали ментовские реплики на диктофон - заметив это, они отобрали и уничтожили пленку. (Надо отметить, что с техническим оснащением и освещением акций дело обстояло также образцово, как и с их подготовкой в целом: некоторые наши акции снимали сразу две-три наши кинокамеры, не считая журналистских).

Эффект от первой акции был большой: все местные масс медиа сообщили о похоронах Черного моря. А нас, продержав в милиции три часа, отпустили, обязав вставить разбитое стекло в офисе КТК. Интересно отметить, что наш здоровенный транспарант "КТК - капитализм терроризирует Кубань", повешенный на доме напротив здания областной

администрации, спустя день так и висел на прежнем месте: то ли хорошо вписался в местность, то ли губернатору-коммунисту Кондратенко он был приятен, то ли просто властям все пофигу. Кстати, несмотря на тайфунный тропический ливень, обрушившийся ночью на город, краска на транспаранте не потекла. Вот что значит обработать ткань утюгом - хороший пример для будущего!

Новороссийск: пикеты, шествия, подписи, переговоры.

Первого июля - переезд из Краснодара в Новороссийск. Горы и море. Улицы стремглав сбегают вниз к Цемесской бухте.

Начинает сказываться бытовая запредельность нашего существования: острая нехватка сна, еды, крайняя теснота, раздолбайство и неорганизованность в быту (на фоне которой особенно контрастно выступает организованность в подготовке акций). Впрочем, через несколько дней подобного существования понимаешь, что все это - не такая уж проблема. И потом умудряются же атшийцы вести такой образ жизни месяцами и годами!

Если в Краснодаре население до нашей акции в основном и слышать не слышало о проекте КТК, то в Новороссийске практически все знают о нем и, несмотря на мощную агитацию за КТК в местных газетах, почти все жители - против КТК. Когда мы второго июля начинаем в центре города сбор подписей против проекта (мегафон, листовки, плакаты, толпы зевак, слетаются местные хиппи и панки и начинают свои песнопения), то за пять часов собирается тысяча подписей (что для города с населением в сто семьдесят тысяч человек - весьма много). Подавляющее большинство людей еще хорошо помнит о майской катастрофе. Но, как всегда - неизбежные, логичные, проклятые вопросы: “А кто нас спросит? А что мы можем сделать? Они ж там все купленные давно!” “Сопротивляйтесь, протестуйте, идите к мэрии, требуйте референдума - вы народ, вы сила, это касается вас, никто этого не сделает за вас!” - призываем мы. Народ безнадежно машет рукой: “Наш мэр Прохоренко уже получил свое на лапу”. Впрочем, как обычно, находятся и такие, которые любопытствуют, сколько нам заплатили, и обсуждают, чьими агентами мы являемся - Грузии или Турции.

В свободный часок совершаю пробежку по городу, заезжаю на “Малую Землю”, знакомую мне со школьной скамьи по одноименному шедевру Брежнева. Вечером - купаемся в бухте (пока еще не до конца отравленной нефтью), тусуемся с местными неформалами, которые стекаются к нам на огонек. Гуляем по городу и срываем со столбов листовки РНЕ - их здесь еще больше, чем в Краснодаре. Зато мало рекламы, ларьков и ментов (по сравнению с Москвой).

Третьего июля пикет по сбору подписей внезапно превращается в поход к зданию мэрии. Играет импровизированный оркестр, развернуты флаги и плакаты - колонна, исполненная воинственного духа, подходит к мэрии. Мы похожи на мышей из мультфильма, гневно и гордо восклицающих: “Леопольд! Выходи, подлый трус!” Леопольд (мэр Прохоренко) не выходит, предпочитая скрываться в тиши бюрократических кабинетов, как Дракон в своем мрачном логове. Однако внезапно нас приглашают внутрь, вместе с парой примкнувших полубезумных старушек (мы садимся в конференц-зале, подняв над головой воинственные плакаты) и полтора часа потчуют речами господина Ткача, зама мэра. От этих пустых и никчемных речей в наших революционных душах наступает нечто вроде интоксикации. Воинственный дух наш спускается на тормозах, мы ощущаем, что нас водят за нос, и от этого становится совсем гадко. Чиновник вещает с трибуны: “Мы здоровьем людей не торгуем”, “по вопросу о терминале будем советоваться с народом” и тут же подтекст: если уж продаваться (так как КТК - дело решенное), то подороже, чтобы новороссийским бюрократам нечто перепало от сделки. Референдума не нужно, заповедника тоже не нужно, так как, став заповедными, эти земли перейдут из местного ведения в федеральное, и ими уже нельзя будет торговать. На прямые вопросы из зала - почему мэрия против заповедника в Южной Озереевке, г-н Ткач юлит, изворачивается, стыдливо уходит от ответа. У нас общее ощущение унижения, проглоченной мерзкой пилюли. Вечером на ежедневном совете мы обсуждаем ситуацию. Как сделать так, чтобы чиновники не использовали нас как разменную монету в своей игре, в своей гнусной торговле? Замаячило заветное слово: “радикальная акция”. Да, чтобы разоблачить лицемерие мэрии Новороссийска, необходимо четко сформулировать принципиальные вопросы, на которые она должна ответить - не только нам, а той тысяче жителей, которые поставили подписи под протестом против КТК, а если ответа не будет - проводить радикальную акцию. Кондратенко (губернатор Краснодарского края) и, особенно, Прохоренко (мэр Новороссийска), конечно, хотели бы сохранить репутацию “Отцов Народа” неподмоченной и, раз уж мы ввязались в это дело, использовать нас в своей игре, а потому спектр их отношения к нам следующий:

- идите к Черномырдину и у него чего-то требуйте (переключение “стрелок” на Центр);
- вы служите иностранным разведкам, вам заплатили;
- давайте сотрудничать (в деле выколачивания денег из Центра и разъяснения народу принципиальной неотвратимости терминала).

Радикализмом своих требований и действий мы должны вывести их на чистую (от нефти) воду, заставить открыть свои карты, подать населению пример сопротивления. Умеренные “зеленые” (например, главный наш союзник в Новороссийске Валерий Тимощенко) по определению этого сделать не смогут - у них иное амплуа.

Решено! Четвертого июля мы передаем в мэрию ультиматум (помните у Гайдара: “Что такое ультиматум?” “Это значит - бить будут”): в кратчайшие сроки определенно ответить нам на вопрос - они за или против заповедника в Южной Озереевке, за или против строительства терминала. Пикеты и сборы подписей сыграли свою большую роль в деле одновременно и прощупывания и формирования общественного мнения. У нас - полторы (уже) тысячи подписей новороссийцев, однозначно и определенно высказавшихся против КТК. Однозначно отмахнуться от них власть, имитирующая свою “демократичность”, не может. Надо показать властям, что их произвол может получить отпор, надо показать людям, что сопротивление возможно.

В этот же день (4 июля) - пресс-конференция. Мы объясняем суть проблемы, необходимость борьбы против проекта КТК. Какой-то официальный дядя “эколог” сокрушенно говорит о неумолимом “колесе истории”: терминал все равно будет - не здесь, так там, не в России, так в Турции. Мы возражаем ему: принятие фатализма индустриального развития, принятие фатализма “холопства” (“мы ничего не можем”, “у нас не спросят”, “прогресс необратим”) - означает позорную гибель в любом случае, тогда как радикальная альтернатива, сопротивление открывает какой-то шанс на спасение. “Кто не сопротивляется, тот погибает первым”. Важно совершить именно этот - психологический - перелом, в нем - весь смысл того, что мы делаем и вообще можем сделать.

Южная Озереевка: купание под дождем

Пятого июля часть людей поехали в Анапу готовить там акцию, а большинство отправились в Южную Озереевку. Намеченная здесь встреча с местным населением фактически сорвалась - пришло от силы человек пять. Говорит глава местного самоуправления Янис. Слушая его, понимаю интересную закономерность нашего общества. Закономерность заключается в том, что, чем ниже стоит чиновник по иерархической лестнице, тем он радикальнее настроен против КТК. Скажем, высший уровень: губернатор Краснодарского края Кондратенко - он спокоен, он молчит, он понимает, что его никак не обойдут, не забудут, не обнесут

- дадут куш "на лапу". Мэр Новороссийска Прохоренко, стоящий рангом ниже, уже беспокоится, суетится, торгуется, грозит - ему надо выпендриваться, показывать свое "я", чтобы получить "отступное" (а если я против... а если я за свое согласие что-то получу?). Чем ниже стоит чиновник, тем сильнее и громче он должен выступать против, чтобы нечто обрести. Понтийский грек Янис, повелитель Южной Озереевки - чиновник самого низкого ранга - и он на словах - самый горячий противник КТК. "Жители не позволят, не допустят!", "создана "Народно-экологическая организация"!" - "грузит" он нас, а я смотрю на его бегающие глазки и спрашиваю себя: сколько нужно получить этому, чтобы продаться?

Казалось бы, простая и привычная ситуация: КТК и чиновники - две силы: "ваш купец, наш товар; сегодня деньги -завтра стулья". Нормальная торговля, как везде. Но ситуация тут осложняется - некстати влезает третья сила - мы. Горсть решительных и организованных людей, не предусмотренная первоначальным сценарием купли-продажи, может сделать многое: назвать торг торгом, ободрить "вечного немого" - молчащее население ("мы не рабы - рабы немы"), десакрализовать власть ("а король-то голый! а Отец Народа, оказывается, просто мелкий жулик и крупный пакостник, сильный нашей слабостью!), ощутить незабываемое экзистенциальное ощущение ("мы - можем!") - кто пережил такое, тот не забудет.

А Янис все говорит о чем-то: хвалит Бакунина ("я в душе анархист!") и генерала Лебедя, монархию и анархию. Скользкий, точно угорь, изображающий рубаху-парня. Он рассказывает интересную историю: высшие "шишки" Новороссийска незаконно построили на территории, контролируемой их местным самоуправлением, свои начальственные дачи и игнорировали все требования населения убраться отсюда подобру-поздорову. Тогда, говорит Янис, "мы подогнали бульдозеры и снесли дачи, а потом приняли постановление схода жителей об уборке территории от мусора (то есть дачи начальства были объявлены мусором), и ни одна собака не посмела тявкнуть". Интересный передовой опыт! Поднимется ли у них, однако, рука на терминал, если строительство начнется - вот вопрос? Тут ведь не бульдозер - динамит понадобится!

Янис ведет нас в свой двухэтажный особнячок, угощает чудовищным сочетанием из молока, вина, сыра и лука - но наши оголодавшие желудки, кажется, все переварят. Мы пляшем под баян и под проливным дождем отправляемся смотреть место, где должен (точнее, не должен!) быть построен терминал: море, скалы, дикая природа (впрочем, на камнях - черные пятна мазута). Вода сверху и снизу: проливной ливень и море - и наш развеселый народ, которому уже нечего терять, с воинственным визгом кидается в море и резвится, плещется, фыркает и захлебывается и потом, совсем промерзнув до костей, выскакивает на берег, испуская боевые кличи и отплясывая боевые танцы. Бешеное неудержимое веселье и ледяная дрожь - все это торопится отснять на камеру Валера Тимощенко и здесь же он берет у нас эффектные "эксклюзивные" интервью.

Вечером пятого июля мы переехали в Анапу, где скромно отметили день рождения (33-летие) А - Андрея - одного из "олдовых" атшийцев.

Стоит здесь сказать несколько слов о некоторых участниках акции. Самый юный среди нас - Ас - тринадцатилетний мальчуган, очень славный, серьезный, ответственный, вместе со всеми переносящий все тяготы походно-боевой жизни - светлый. Он напоминает мне пионера-героя из советских канонических книжек. Сан - обаятельная девушка из Краснодара: энергичная, "заводная" кришнаитка, готовая двадцать четыре часа в сутки делать что-то полезное, задорная и эмоциональная, вечно жестикулирующая. Однажды она пошла на пляж купаться - в итоге возник стихийный митинг против КТК. Вазген Петросян - саксофонист, шокирующий подчеркнутым бытовым бунтарством, порой даже полухулиганскими выходками, вечно смеющийся, своенравный, загадочный и темпераментный. Вук (Валера Федорович из Краснодара) - ироничный, ласковый, говорящий всем в самые тяжелые минуты: "Ты зайчик. Вы все такие хорошие", но беспощадный к классовому врагу. Грива - хипарь из Новороссийска с длинными волосами, вечно с гитарой и буйными песнями, прирожденный анархист. Здоровенный и добрый парень-анархист из Краснодара, прямо по ходу акции переименованный нами из Монстра в более корректного Июля. Ди - отважный, серьезный, ответственный молодой атшиец, умиливший меня своей любовью к "революционной бюрократии" (ежедневное составление "плана на день" и пр.) и его юная сестра Света - начинающая журналистка, вечно с диктофоном и записной книжкой (она была в числе заложников в больнице в Буденновске). А (Андрей) - добродушный, выносливый, огромный, бывалый коммунар, лучший друг атшийской собаки Лаймы. Все - серьезные, добросовестные, славные люди, яркие, не похожие друг на друга, но объединенные готовностью помогать друг другу, романтическим неприятием буржуазной пошлости - братья и сестры по борьбе, по духу, по жизни. Я горжусь тем, что участвовал вместе с ними в этой кампании и тем, что мне выпало счастье близко их узнать. Пессимизм, порожденный гниением московской анархотусовки, сменился твердой уверенностью в том, что у нашего движения есть перспективы (надежда прежде всего не в Москве - этом Новом Вавилоне, - а в провинции).

Анапа: демонстрация на пляже.

По анапскому пляжу, устланному разморенными телами, шла демонстрация. Плакаты: "Спасем Черное море!", "Нет нефтепроводу!". Скандирование. Песни. Оторопелые пляжники, выпучив глаза, с изумлением смотрели на шествие.

КТК угрожает Анапе в первую очередь, так как этот город-здравница целиком зависит от чистоты моря и пляжей. Но: "после нас хоть потоп!" - отдыхающим, туристам в Анапе все равно, хоть кол на голове теши. Надо признать, что, помимо горсти сочувствующих и журналистов, а также надоедливой милиции, наша экзотическая демонстрация - сначала по рынку (с вызывающим лозунгом: "Капитализм - дерьмо!" впереди), а потом по пляжу, - никого не привлекла. Акции в Южной Озереевке и Анапе, по-моему, можно считать неудачными (может быть, по не зависящим от нас обстоятельствам, - но какая, в сущности, разница?). Теперь под занавес - последняя - радикальная - акция в Новороссийске (требуем от мэрии перестать чинить препятствия заповеднику в Озереевке, а от городской Думы - проведения городского референдума по вопросу о КТК).

После Анапы мы разделились. Большинство на автобусе вернулись в Новороссийск готовить радикальную акцию, а девять человек отправились пешком из Анапы в Новороссийск вдоль моря. Дороги не было никакой - прыгали по камням между горами и морем. Этот бросок (за сутки одолели 40 км бездорожья) не имел никакого "прагматического" смысла для акции и - огромный личный смысл для ее участников. Борясь за природу, важно не отрываться от нее, не забывать - какая она. Бредем вдоль берега среди валунов. Из-под ног уползают неведомые (ядовитые?) змеи. Ночуем в неописуемой человеческими словами загородке из камней: девять тел на двух квадратных метрах под двумя спальниками - в ноги колотится море, сверху бушует ветер. Питаемся хлебом и сырыми кабачками. Проходя через какой-то пляж, получаем разрешение объявить через динамики о наших требованиях по поводу КТК. Подбираем какую-то бездомную собаку. Говорим о смысле жизни и о перспективах движения. Обгораем до полной потери кожи и купаемся каждые полтора часа. Штормящее море, ветер в спину, горячее солнце, разговоры (чередующиеся с изумительным одиночеством), прыжки по камням, вечно молчащие горы.

Вечером седьмого июля в Новороссийске - последний совет перед радикальной акцией. Обнаруживаются два принципиально разных подхода. Одни отстаивают идею

"театрализованного действия" - наши тела должны лечь перед входом в мэрию, не препятствуя проходу, и заставить чиновников перешагивать через нас. Смысл: крайняя степень отчаяния, смотрите, люди добрые, - *они* преступают через людей! Другие - за блокаду: надо заблокировать вход в мэрию. Смысл: посмотрите - с *ними* можно бороться, и на них есть управа! Большинство поддерживает вторую точку зрения. Отчаянием и безнадежностью выхода народ наш сыт по горло. Важно показать возможность выхода, сопротивления, борьбы.

Новороссийск: блокада мэрии.

По-моему, если середина нашей кампании протеста (Южная Озереевка и Анапа) была, в целом, неудачной, то начало в Краснодаре и окончание в Новороссийске, в целом, удались.

С утра 8-го июля наши товарищи Эр и Оля пошли в мэрию - узнать ответ на наш ультиматум. Как и ожидалось, их "послали" - зам мэра прямо сказал им: "Труба будет в Озереевке!" Хорошо. Другого мы и не ждали.

В десять утра двадцать четыре человека (из них шестеро местных!) легли перед дверью мэрии. Блокада. Еще трое: Оу, Ветер, Грива - влезли на козырек, выступающий над входом, втянули туда же лестницу, по которой забрались, вывесили огромный транспарант: "Терминалу - нет, заповеднику - да!" и уселись на козырьке: у Гривы - черный флаг, у двух девушек - плакаты. Мы лежим и молчим, сохраняя чувство собственного достоинства: наше молчание красноречивее всех возможных речей. Теперь за нас говорят наши плакаты и наши действия. Неповторимый миг: стайка бюрократов, столпившихся в растерянности над нашими недвижными телами, переживает катарсис: недоумение, ужас, шок - их, повелителей людских судеб, их - живущих в своей особой государственной реальности, не пускают в их Учреждение. Что-то бормочут, о чем-то спрашивают. Открывают окно на первом этаже и - о чудо - здоровенные дяди с животиками и дипломатами лезут в окно, подсаживая друг друга! Вот оно - посрамление Власти! Несколько кинокамер фиксируют происходящее. Мечутся обезумевшие менты и охранники, собирается толпа зевак. Мы молчим. Мы продержались 45 минут.

Еще одно чудо - появился Сам (мэр Прохоренко), огромный, невыразимо толстый (статус обязывает) - до этого он скрывался от нас, а тут прибежал, голубчик, как миленький. Тычет в нас массивным пальцем и громогласно лепечет старое и обычное: "Кто вам платит? Чего вы хотите?" (А то он не знает !). Несет какую-то несусветную чушь и, наконец, величественно произносит в кинокамеры: "Силу не применяйте, откройте запасной вход, пусть лежат. Но возбудите уголовное дело". И - едва он удалился - тотчас подъезжает ментовский автобус, и нас начинают растаскивать. Я два дня не спал и не ел, тело обгорело - и прикосновение несущих меня ментов очень болезненны (но я видел, видел *их* унижение, посрамление, испуг, шок!). За руки, за ноги - заноси!

И вот - мы в камере. Угрозы ментов (сперва даже грозили и в самом деле возбудить уголовное дело, на что мы отвечали в обычном духе: всех не пересажаете), потом - суды. Судья всех приговаривает к штрафам, только новороссийцу Гриве влепил одни сутки ареста. Судья говорит мне, что, пока я не заплачу штраф, паспорт не получу. Но я три года учил в вузе право и напоследок бросаю судье в лицо: "Ваши действия незаконны!" "Как и ваши!" - парирует он в ответ. Он прав. Счет: один-один. Вопрос: может ли анархист, общаясь с государственными мужами, апеллировать к их законам, которых он в других ситуациях не признает?

Нас выгоняют из отделения (всех, кроме Гривы). Далее начинается обоюдный шантаж - война нервов, перетягивание каната. Они шантажируют нас, взяв в заложники паспорта, в надежде, что мы заплатим штрафы (куда мы денемся без паспортов!), а мы шантажируем их тем, что по закону они не имеют права разлучать нас с нашими драгоценными паспортами - наши паспорта жгут им руки, как горячая картошка. В итоге нервы первыми сдают все-таки у них - они выдают нам паспорта, а мы, естественно, не платим штрафы. Пустячок, но приятно.

Можно подводить итоги акции: тридцать человек за десять дней наделали "шуму" в нескольких городах Краснодарского края, привлекли внимание общественности и масс медиа (в том числе, центральных - репортажи по НТВ и т.д.), бросили перчатку в физиономию властям и распространили в массах идею проведения референдума в Новороссийске (теперь за ее воплощение предстоит еще долго бороться). Появление на последней акции "Самого" говорит о том, что выстрел попал в цель, что нервы у властей сдали, наши усилия были оценены - есть личное удовлетворение сделанным. Много? Немного? Можно ли было сделать больше?

Еду в поезде в Москву. Происходит переход от "реальности борьбы" к "реальности Москвы", от "реальности Фронта" к "реальности Тыла". Позади: усталость, недосып, напряженное существование, ощущение ответственности за дело и за других - тех, с кем ты, как альпинист, в одной связке, азарт борьбы и - братство-сестринство. Впереди - Москва. И между этими двумя реальностями лишь одна связующая нить, одно общее нечто - я сам - но слишком разный здесь и там (кстати, в поезде неясно - где "здесь", а где - "там"). Уходит в прошлое реальность пережитой кампании и рождается сам собой ее Миф (взгляд сверху, а не изнутри, осмысление по итогам, по ярким эпизодам) - прошлое застывает в плоскость, в некий набор скучных "фактов", отсеянных через странное сито памяти, плюс полустертое смутное его (прошлого) ощущение. Так, когда человек умирает, проходит некоторое время, прежде чем он совсем *уходит* - и превращается в законченный Миф, но есть дни, недели, пока он еще жив, еще - где-то между нами и - сам факт его смерти еще не пережит, не осмыслен, не переварен, не переработан, раны еще не зарубцевались. Также и то странное ощущение превращения настоящего (в данном случае - кампании протеста) в прошлое. И в этот момент хочется оглянуться, сделать стоп-кадр, задержать миг, как задерживают дыхание, извлечь из подсознания:

- вот я один на горе в Новороссийске, далеко подо мной город, внизу море, вверху небо, кругом ни души;

- вот мы все вместе пишем на явочной квартире в Краснодаре лозунг на транспаранте - каждый пишет по одной своей букве - коллективное творчество;

- вот мы с друзьями, идя вдоль берега, говорим о нас, о себе, о море и мире, и горы прислушиваются к нашему разговору, их складки вбирают в себя отзвуки наших речей;

- вот мы лежим у мэрии, а чиновники - сытые, недоумевающие, испуганные, возмущенные, чертыхаясь лезут в окно своего Храма Власти и растет в душе гордое и высокое чувство: "Мы не рабы - рабы немы!"...

Пора заканчивать. Как, наверное, уже догадался читатель, эта хроника воссоздавалась по дневнику, который я вел в ходе акции. Надеюсь, что-то мне здесь удалось передать. Но еще больше, намного больше - не удалось.

И это вполне понятно.

«ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛЕЗНЫЕ ДЕЙСТВИЯ» РАБОЧИХ РоАЭС ИЛИ «ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЧЕК»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о прекращении уголовного преследования

г. Волгодонск 2.10.1997

Дознаватель ОМ-2 УВД г. Волгодонска капитан милиции Рубцова И.В., рассмотрев материалы уголовного дела № 9719733 по факту полученных телесных повреждений участниками экологического движения «Хранители радуги».

Установил:

27.07.1997 года около 12 часов 30 минут на автодороге Волгодонск РоАЭС возле поворота на ст. Дубовскую / 20 км. от г. Волгодонска /, участники движения «Хранители радуги, возвели препятствие на дороге и перегородили движение авто-мото транспорта. Баррикада состояла из металических бочек заполненных бетоном, стоящих через промежуток 1x1.5 метра с выпаенными отверстиями. Между бочками расположились участники движения и их руки закреплялись в отверстиях бочек. С помощью наручников и карабинов. После возведения преграды, они перенесли свой палаточной городок, ранее находящийся возле РоАЭС, вниз, на поле рядом с баррикадой. Сразу же после их противоправных действии, в район возведения препятствия на дороге, выехали представители УВД г. Волгодонска и Администрации г. Волгодонска.

- Рубцов Г. А. - зам. Начальника УВД г. Волгодонска
- Иванников В. И. - зам. главы администрации г. Волгодонска

Они объяснили участникам движения, что своими самоуправными действиями нарушают закон РФ, т.к. их деяния попадают под ст. 330 УК РФ и КоАП РФ - 166 «Самоуправство».

На протяжении 27.07.1997 г. и 29.07.1997 г. блокирование дороги продолжалось, участники движения, таким образом выражали свое отрицательное отношение к построенной, но не работающей РоАЭС, - по их словам, их действия были направлены на гуманные цели, но в данном случае они ущемили интересы рабочих РоАЭС и других, находящихся в том же районе, предприятий. Станция удалена от г. Волгодонска на 20 км. и ежедневно на работу и обратно около 1500 человек привозятся служебными автобусом. Возведенное препятствие не давало возможности довести рабочих до рабочего места = 1.5 км. Автобусы высаживали рабочих - мужчин и женщин и они, обходя бастующих, вынуждены были добираться к рабочим местам пешком, что естественно вызвало негодование и недовольство рабочих. Председатель проф. организации РоАЭС Башкатов В.В. предупреждал участников «Хранители радуги», что изо дня в день негодование рабочих возрастает и предлагал освободить дорогу добровольно. Дирекция РоАЭС вышла с письмами в администрацию г. Волгодонска и прокуратуру г. Волгодонска, УВД г. Волгодонска с просьбой прекратить самоуправные действия и убрать препятствие на дороге. Пока велись переговоры УВД и администрации г. Волгодонска и самими участниками движения «Хранители радуги» и примкнувшими к ним «Веселыми панками», рабочие РоАЭС 29.07.97 г. в 16 час.30 минут возвращаясь домой, отказались потакать действиям неуважающих их интересы людей. Выйдя из автобусов в количестве 300 человек, они, в лице председателя профсоюза Башкатова В.В., попросили сидящих между бочками лиц, добровольно открепиться от бочек и дать возможность убрать бочки, женщины стыдили несовершеннолетних панков за грязную одежду и вызывающие прически, на что те отвечали нецензурной бранью. Далее мужчины стали бездействующих «Хранителей» отстегивать и оттаскивать в сторону, освобождая бочки, и как только освобождалась очередная бочка, ее откатывали в сторону и погружали на трактор-погрузчик, т.к. перенести руками ее было невозможно, вес бочки = 500 кг. Некоторые из учавствующих в баррикаде оказывали активное сопротивление, вытаскивающим им людям. Таким образом «Хранители радуги»- совершили самоуправство, т.е. самовольно, вопреки установленному законом или иными нормативно-правовым актом порядку совершения каких либо действий, правомерность которых оспаривается организаций и гражданином. В данном случае дирекцией РоАЭС, рабочими РоАЭС и других предприятий, расположенных за и возле РоАЭС (если такими действиями был причинен существенный вред, вред гражданам г.Волгодонска был причинен моральный и физический). Во время пресечения самоуправства, разборки препятствий на дороге некоторым представителям экологического движения «Хранители радуги» были причинены телесные повреждения, так у:

- Рябова П.В. г.Москва - имелись повреждения в виде кровоподтеков на кожных покровах верхних конечностей, травмами, мягких тканей и ссадины в левой височной области и

квалифицирующиеся как повреждения не повлекшие за собой вреда здоровью по признаку преступления ст.116 УК РФ

- у Квасова И.Н. г.Тольятти - имелись повреждения в виде травматического отека мягких тканей ссадин на кожных покровах правого локтевого сустава и правой кисти, квалифицируются как не повлекшие за собой вреда здоровью по признаку преступления ст.116 УК РФ
- у Жирнова И.В. г.Павловск - имелись повреждения в виде травматического отека тканей 1-го пальца правой кисти, ссадины на кожных покровах лица квалифицируются как не повлекшие за собой вреда здоровья по признаку преступления ст.116 УК РФ
- Кольцова О.Е. г.Свердловск имелись повреждения в виде кровоподтеков на кожных покровах правого плеча и правого бедра, квалифицируются как повреждения не повлекшие за собой вреда здоровью, по признаку преступления ст.116 УК РФ
- У Неказаковой Анастасии - Архангельский р-н Томбовская область имелись повреждения в виде кровоподтеков и ссадин на кожных покровах левой лопаточной области, квалифицируются как повреждения не повлекшие за собой вреда здоровья, по признаку преступления ст.116 УК РФ
- У Зимбовского А.Г. г.Свердловск, имелись повреждения в виде множественных ссадин на кожных покровах левой поясничной области, квалифицирующиеся как повреждения не повлекшие за собой вреда здоровью по признаку преступления ст. УК РФ
- У Федотова Ю.В. г.Тольятти имелись повреждения в виде перелома костей носа, квалифицирующиеся как повреждения повлекшие за собой легкий вред здоровья, по признаку преступления ст.115 УК РФ.

Из вышеизложенного следует, что имеющиеся травмы участники несанкционированного баррикадирования автодороги, получили сопротивляясь и упорствуя в своем желании продолжать самоуправные действия, крепления «карабины», позволяли в любой момент, сидящему человеку, нажатием кнопки на карабине, освободить свою руку, чем не допустить применения силовых действий.

Председатель профсоюзного комитета РоАЭС Башкатов В.В. - выполнял свою основную профессиональную задачу: защита законных прав рабочих. На которые посягнули, своими несанкционированными действиями участники движения «Хранители радуги». В действиях Башкатова В.В. переговоры с блокирующими 28.07.1997 г., 29.07.1997 г., предупреждения их о нарастающем возмущении рабочих, а также его последние усилия вразумить сидящих у бочек парней и девушек и предотвратить возможные эксцессы состава преступления согласно ст.5 п.2 УПК РФ не усматривается.

Формально в действиях рабочих усматривается состав преступления предусмотренный ст.115, 116 УК РФ, но учитывая, что умысла на причинение легкого вреда здоровья и побоев материалами уголовного дела № 9719733 не установлено и принимая во внимание, что во время совершения своих действий рабочие не предвидели наступление общественно-опасных последствий при разбаррикадировании дороги, а также то, что их действия являются общественно-полезными и были направлены на защиту своих прав и законных интересов, связанных с пресечением противоправных действий, учиненных участниками движения «Хранителей радуги».

Во время продолжающихся событий у некоторых участников экологического движения «Хранители радуги» были повреждены и при невыясненных обстоятельствах уничтожены личные вещи.

На основании вышеизложенного, руководствуясь: ст.14 п.2; 26 п.3; 37 УК РФ; ст.209 УПК РФ; ст.5 п.2 УПК РФ

П О С Т А Н О В И Л:

1. Уголовное преследование, в отношении рабочих РоАЭС, производством дознания ОМ-2, за отсутствием в их действиях состава преступления п р е к р а т и т ь, о чем уведомить заинтересованных лиц.

2. Продолжить производство дознания по уголовному делу № 971973, по ст.167 УК РФ - «умышленное уничтожение или повреждения имущества».

3. Копию настоящего постановления направить:
   - прокурору г.Волгодонска
   - дирекции РоАЭС
   - газете «Вечерний Волгодонск»
   - заинтересованным лицам.

Дознаватель ОМ-2 УВД г.Волгодонска
капитан милиции Рубцова И.В.

Редакция «Наперекора» приводит этот замечательный документ, сохраняя всю орфографию и пунктуацию оригинала. А что до его содержания - пусть читатель судит сам !

«Хранители Радуги»: хорошее и плохое.

Определенная позиция по отношению к «Хранителям Радуги» у меня сформировалась уже давно, а мое участие в двух летних «хранительских» кампаниях лишь подтвердило и укрепило это мнение о «хранителях».

Когда я взялся писать эту статью, у меня вызвала некоторые опасения мысль о том, что мои слова могут обидеть кого-то и, вместо пользы, принести вред – ухудшить и без того скверную атмосферу в «хранительской» среде. Однако, во-первых, я убежден в том, что, если движение хочет быть хоть сколько-то жизнеспособным, оно должно допускать не только саморекламу, но и самокритику. Во-вторых, в этих кратких заметках я постарался не задевать никого персонально, а высказать некоторые общие соображения. Постараюсь быть предельно лаконичным. Итак,

I. Что мне нравится в «Хранителях Радуги»?

О хорошем говорить всегда приятнее. И этого хорошего немало.

1) Прежде всего, для меня фактом является то, что «Хранители Радуги» на сегодняшний день, плохо это или хорошо (я думаю, учитывая нижеследующее, - что плохо!), представляют собой единственное известное мне живое и действенное леворадикальное движение в России, занимающееся реальной практической деятельностью. Предвижу, что эта констатация вызовет горячее негодование анархистов-«нехранителей» – членов КРАС, моих коллег по редакции журнала «Наперекор» или по «муравинским четвергам» (нашему московскому самообразовательному либертарному кружку). «Как же так? - спросят они (и спрашивают). – А разве наши листовки и пикеты, обращенные к рабочему классу, наши кружки и издания не являются практической деятельностью?». Увы, по моему мнению, не являются. Разумеется, организация кружков и выпуск изданий – дело нужное и полезное, но при нынешних раскладах и масштабах подобных проектов, они рассчитаны, по преимуществу, на свой узкий круг и почти никак не выходят ни на реальные проблемы нашего общества, ни на «Власть», ни на «Народ» (вне левой тусовки). И поэтому не случайно, что приходящие в движение люди, которым мало самообразования и чтения (выпуска) изданий, которые рвутся к живому делу, обречены идти к «Хранителям Радуги». Именно «хранители» так или иначе, плохо или хорошо (думаю, что очень плохо!) досаждают власти и контактируют с народом, именно «хранители» решают какие-то проблемы «внешнего» (по отношению к левой среде) мира – в первую очередь, экологические.

2) С первой констатацией тесно связана и вторая. «Хранители Радуги» -- не просто единственное действенное и действующее леворадикальное (анархическое) движение в России на сегодняшний день; это – единственное живое движение, в которое приходят новые люди, молодежь (чего нельзя сказать о всех прочих группах, кружках и сектах). «Хранительские» лагеря выполняют роль одновременно и «кузницы кадров» и « школы радикализма», в которой молодые девушки и юноши получают бесценный опыт «прямого действия», незаконопослушности, коллективного общения. После участия в лагере людям становится понятнее деление нашего грешного мира на: «они» (чиновники, буржуи, менты, продажные журналисты) и «мы» (те, кто против бесчеловечной Системы).

фото В. Тупикина

Вот, главным образом, то хорошее, что я могу сказать о «хранительском» движении, и то, что заставило меня (не осознавая себя «хранителем» и не отождествляя себя с этим движением) участвовать в его акциях.

Теперь перейду к плохому, иллюстрируя его, там, где это необходимо, картинками из последних летних кампаний.

II Что мне не нравится у «Хранителей Радуги»?

Очень и очень многое. Попробую сгруппировать это многое по нескольким пунктам.

1) Не самое главное, но то, что сразу бросается в глаза. «Авангардизм» и чванство, создание «хранительского мифа». Из того факта, что «хранители» – единственное что-то делающее движение, вовсе не следует, что это движение во всех отношениях замечательное. Вызывает отвращение тиражируемый «хранительскими» вождями «квасной патриотизм», миф о «хранителях», как о рыцарях без страха и упрека (по принципу: сам себя не похвалишь – никто не похвалит), стремление выдавать даже поражения за победы и т.д. (Так, задним числом переписывается история радикального экологического движения в России, и все акции объявляются «хранительскими» (например, Чапаевск, Балаково, Запорожье, Липецк и даже Череповец), тогда как в них «хранители» в лучшем случае участвовали как *одна* из групп; из того факта, что «хранителя» *сегодня* (начиная с 1995 года) являются единственным радикальным экологическим движением в России, вовсе не следует, что так было и *вчера*). Это могло бы показаться просто комичным, если бы не влекло за собой два следствия: во-первых, раздоры с прочими анархическими и радикальными группами, болезненно воспринимающими «хранительское» чванство, и, во-вторых, отсутствие здоровой дискуссии внутри собственного движения о чудовищных проблемах, имеющих в нем место. Такая дискуссия подменяется грызней лидеров (внутри) и рекламными агитками (вовне).

2) Пожалуй, самое существенное.

Прогрессирующий отрыв «Хранители Радуги» от социума. Я бы остановился на трех направлениях, по которым этот отрыв имеет место.

а) **«Программа».** Хотя «хранители» декларируют *социально*-экологический характер своей деятельности, однако «социальная» составляющая этой деятельности, на мой взгляд, совершенно ничтожна и несоизмеримо уступает «экологической» стороне. В результате, в стране, сотрясаемой жесточайшим социально-экономическим кризисом, «Хранители Радуги» сплошь и рядом в своих акциях игнорируют этот кризис, что приводит к потере контакта с населением, столкновениям с рабочими и прочим закономерным последствиям. Абсурдно предлагать людям выбор между чистым воздухом и куском хлеба: человек нуждается и в том, и в другом. (В качестве попытки позитивного разрешения этой проблемы сошлюсь на опыт нашей, действовавшей в 1993-94 гг. в Череповце группы социально-экологического действия, которая сочетала экологическую и социальную проблематику и стремилась объединить действия местных «зеленых» и независимых профсоюзов). По-моему, погром, случившийся в Волгодонске, во многом произошел и из-за того, что с нашей стороны практически не велась работа с работниками АЭС. Мы могли бы объяснить им, что вовсе не хотим лишить их куска хлеба, что желаем перепрофилировать станцию и т.д. Ничего этого не было сделано. Зато противная сторона ясно и четко агитировала сотрудников АЭС и – последствия ясны. Подобные примеры можно бесконечно множить. По моему глубокому убеждению, экологическая деятельность вне, в отрыве, и , тем более, в противопоставлении социально-экономическим требованиям в условиях современной России неизбежно будет приводить к ситуациям, подобным волгодонской. Несомненно, что эпизоды, подобные волгодонскому погрому, будут усиливать в «хранительской» среде элитарность, презрительное отношение к «этому рабочему быдлу» и тем самым способствовать указанной выше маргинализации движения и его отрыву от общества. После погрома не меньше десятка «хранителей» подходили ко мне с одним и тем же вопросом, который им самим, разумеется, казался риторическим: «И ты все еще хорошо относишься к рабочему классу?!». Прошу считать эту мою статью ответом на их вопрос. (Необходимо хотя бы немного коснуться темы: ««Хранители» и казаки в Волгодонске». В отличие от многих, я не считаю контакты «хранителей» с казаками криминалом, поскольку казаки в Волгодонске - это не то же самое, что казаки в Москве. В Москве казаки – это идеологическая организация, а в Волгодонске – сельское население, с которым необходимо работать).

фото В. Тупикина

б) **«Тактика».** Забвение социальной проблематики на уровне требований и программы органично дополняется у «Хранителей Радуги» отрывом от общества в их тактической деятельности. Конечно, провозглашается на уровне лозунга важность работы с населением, инициирование общественного движения и прочее. Однако на деле вся эта «работа с населением» сводится к пикетам, листовкам, призыву «поддержать нас», прийти в лагерь, поставить подпись, дать нам денег и пищи (плюс сотрудничество с местными «зелеными» активистами). Таким образом, воплощается в жизнь тактика: «для народа, но без народа», когда реальным субъектом социального действия выступает «хранительский» лагерь, а населению предоставляется роль статиста и болельщика. «Визитная карточка» «хранителей» – «радикальные акции» - проводятся своими силами, что усиливает общий дух элитарности, «крутизма» и «революционного туризма». По моему убеждению, акценты в тактике радикальных экологов должны быть принципиально иными: радикальные акции должны стать не главным оружием (ну не могут несколько десятков человек за месяц решить большую проблему!), а лишь средством для привлечения внимания общественности и для поддержания у населения «боевого духа» в противостоянии с властями. Основная же тяжесть работы должна быть перенесена на нелегкую «народническую» деятельность: организацию населения, выявление активистов, связывание их между собой и специалистами, создание групп на местах. При этом необходимо выступать не в роли главного героя драмы, а в роли эксперта, советчика, помощника и застрельщика. Однако я сознаю, что подавляющее большинство «хранителей» (к этому располагает и атмосфера элитарности и «крутизма», и сугубо экологическая программа без важной социальной составляющей) не готовы к такой тяжелой и рутинной работе: ходить по квартирам, сидеть на телефонах, обзванивать тысячи людей, организовывать собрания и т.д. Куда приятнее кинуть пару лозунгов в пустоту на пикете, собрать деньги, пожертвованные сердобольными гражданами, и полезть на трубу или приковаться к чему-нибудь под вспышки кинокамер, осознавая себя героическим «народным заступником».

в) **«Субкультура».** Исторически сложилось так, что огромную роль в «хранительской среде» играет хипповско-панковская субкультура. Я вовсе не разделяю всех резкостей и выводов статьи Михаила Магида о «хранителях» в №6 «Наперекора», но кое с чем действительно согласен. Убежденность в том, что именно панки и вообще контркультурщики – это авангард революционного движения, во-первых, кажется мне сомнительной, а во-вторых, способствует замыканию «хранительской» среды в себе и отпугивает от нее «цивилов». Все это тоже приводит к отрыву движения от социума. Я уж не говорю о таких отвратительных (но увы, неизбежных!) сторонах деятельности «хранителей», как сочетание лицемерно-официального запрета на употребление алкоголя и наркотиков на акции с реальной практикой их потребления во всех «хранительских» лагерях. Все это порождает жуткие эксцессы, когда против панков, убежденных в том, что курить наркотики и носить «ирокез» - это и есть анархизм, выступают жесткие «хранители устоев», стремящиеся построить всех в две шеренги и объявить панков, вегетарианцев (а заодно и женщин) недочеловеками и не останавливающиеся перед рукоприкладством. Имен я не называю, но, во-первых, понятно, о ком идет речь, а, во-вторых, ситуация, увы, типична для «хранительских» лагерей.

3) а) Сказав о тактике и программе (пусть и не зафиксированных на бумаге, но существующих де-факто) «Хранителей Радуги», следует сказать о внутренней атмосфере и принципах функционирования движения.

Движение называет себя «анархическим». На деле же, в своей практике оно сочетает две антианархические крайности: крайний бардак и неорганизованность (а ведь «анархия – это не хаос...») и авторитаризм вождей, которые, не имея официального статуса, не перестают от этого

быть вождями. Что касается бардака, то далеко за примерами ходить не нужно. Вот загадка, точно для веселого задачника Григория Остера: « Дано: В лагере «хранителей» в Волгодонске 70 человек. Для сидения на баррикаде, перегородившей дорогу, нужно 17 человек, плюс еще человек 5-10 – вытирать им носы, отгонять комаров и т.д. Сколько можно организовать смен для дежурства на баррикаде? Ответ: ...Одну». Ну не нелепость ли? В лагере – толпы людей, предоставленных самим себе, не знакомых друг с другом, не имеющих опыта коллективных и радикальных действий. За водой идти, дрова рубить, на пикет отправиться – почти никого; все те же несколько камикадзе. А что остальные? Тусуются, болтают, изнывают от безделья. И это – анархия?! Нет, это хаос! С другой стороны – десяток-другой вождей и активистов, существующих в иной виртуальной реальности, принимающих де-факто все решения, общающихся с прессой, занимающихся финансами и прочим. К тому же отношения между этими вождями из рук вон плохи: они готовы зачастую разорвать друг друга на клочки. И это – анархия? Нет, это – авторитаризм! Отсутствие структурированности движения и организации его участников позволяет легко манипулировать и управлять ими. Но и перегибать палку с оргструктурами не стоит. Очень больно говорить обо всем этом, тем более что ведь было, было много хорошего – и прекрасное общение, и «фронтовое братство», и самоотверженная взаимопомощь. Но о плохом нельзя молчать.

Я оставляю в стороне «хранительскую» конференцию, на которой отсутствовал, и весь инцидент с заочным исключением «X» (слишком уж противоречива картина, которая складывается из рассказов разных сторон; очевидно лишь, что, если даже само исключение и было правомерным (о чем не берусь судить), то *процедура*, форма этого «процесса» была совершенно безобразной). Не буду ничего говорить и обо всей истории раскола лагеря на «Y» и прочих, поскольку это тоже случилось после моего отъезда. Никак не буду комментировать и всеобщие взаимные упреки в присвоении грантов и зажиме информации. В конце концов, я не следственная комиссия и не третейский суд, чтобы разбираться во всех этих милых историях. Для меня важно другое: подобная атмосфера, подобная организация и подобные взаимотношения совершенно нетерпимы в движении. Они губят дело на корню, отталкивают от него нормальных людей. Однако у нас нет традиции спокойного, непредвзятого и публичного обсуждения этих язв движения: либо интриги и склоки за спиной, либо уж мордобой и матерщина.

б) Особая тема – западные гранты, на которых, как на игле, сидит движение. Понимаю, что я, быть может, не вправе быть здесь слишком категоричным: надо же, и в самом деле, где-то брать деньги на организацию акций. Но достаточно очевидно для всякого, что эти гранты ведут к развращению и деградации движения, ибо:

- создают прослойку «профессиональных революционеров», живущих этими подачками,
- усиливают настроения иждивенчества и зависимость от американского империализма (ведь кто платит, тот в итоге и заказывает музыку)
- плодят склоки и подозрения среди участников движения

Этот список может продолжить каждый, кто хоть немного знаком с нашим радикальным экологическим движением.

Пора закругляться. Целью этой заметки вовсе не было предложение спасительного проекта на тему «Как нам обустроить «Хранителей Радуги». С учетом изложенного выше, боюсь, что ничего хорошего «Хранителей Радуги» не ожидает. Но важно, чтобы их преемники учли их опыт – и позитивный, и негативный. Надеюсь, никто персонально не обидится на меня за сказанное. Что же касается меня, то, сочувственно относясь к «хранителям» и участвуя в их акциях, я, однако, не могу отождествлять себя с этим движением и считать себя «хранителем». Почему – понятно из сказанного выше.

Петр Рябов

продолжение с стр. 21

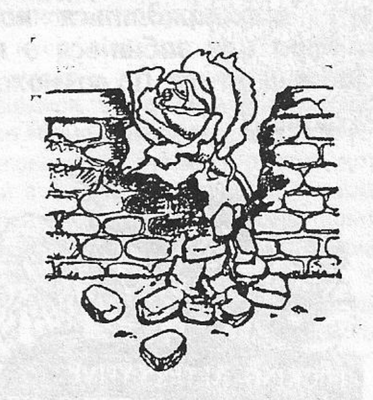
преследуют ясную цель - подчинить господству своих монополий все богатства Земли, которые могли бы послужить благу людей. Так во время войны немецкая тяжелая промышленность силилась аннексировать железорудные копи Лонгви и Брие, чтобы создать континентальный горно-металлургический трест, и сотни тысяч людей должны были отдать свою жизнь за достижение этой цели. Но немецкие крупные промышленники проиграли игру, которую сегодня продолжают вести теми же преступными методами представители французской тяжелой промышленности, на сей раз за счет Германии. И каждая из сторон прикрывает эту политику доводами о «национальных интересах». Мы - социалисты в самом глубоком смысле этого слова. Поэтому мы придерживаемся принципа, что не человек существует для экономики, а экономика для человека. Поэтому мы рассматриваем всю Землю как единую экономическую область, открытую для деятельности всех, следовательно к ее природным богатствам должна иметь свободный доступ каждая человеческая группа. Интернационализация природных богатств - угля, нефти, железа и т.д.- это для нас одна из важнейших предпосылок для осуществления социализма и освобождения человечества от ига экономитческого, политического и социального рабства. Использование эти богатств должно быть с помощью взаимных соглашений обеспечено всем народным группам, иначе в истории утвердятся новые монополии и, следовательно, новое разделение на классы и экономическое порабощение со всеми его ужасными последствиями. Только так людям удастся разбить наголову нынешнюю капиталистинчески-националистическую реакцию и проложить путь к лучшему будущему.

(Rudolf Rocker. Aufsatzsammlung. Band 1. 1919-1933. Frankfurt a.M., 1980. S. 157-162).

Примечание:

1) **Здесь и ниже идет речь о Первой Мировой войне.**

2) **Реалии мировой экономики существенным образом изменились с 30х годов, и потому экономический национализм сегодня проявляется в иных формах. Об этом см. статью «Глобализация».**

Панк и анархия

Первое, что приходит в голову: музыкальный стиль (панк) и организованное политическое течение (анархизм) имеют мало общего. Так же, как грайндкор и баскский национализм, хэви и коммунизм и т.д.

Однако многие молодые люди, которые придерживаются панковской эстетики, носят на своей одежде анархистскую символику. В начале своего существования панковское движение использовало различную идеологию с единственной целью – провоцировать окружающих. Серпы и молоты соседствовали с буквой «А» в круге и даже со свастикой. Все меняется очень быстро, возникает и исчезает множество течений, так что дать какие-то раз и навсегда правильные определения очень трудно. Каждый может делать свои собственные выводы. Одни видят в панке бунтарство, несогласие с установленными нормами, тягу к свободе. Другие – всего лишь саморазрушительное движение на службе всегдашних спекулятивных экономических интересов.

Сегодня мы можем увидеть, как некоторые из тех людей, что называют себя «панками», анализируют окружающее их общество и, вместо того чтобы биться головой о стенку или принимать нигилистские позы, выступают за изменение социальной системы. Их личное поведение последовательно, а их коллективные эксперименты (самоуправляющийся труд, межличностные отношения, прекрасно организованные сквоты и т.д.) очень интересны. Это примеры, которыми могут похвастаться далеко не все организованные анархисты.

Но и есть и такие, кто полагает, что быть панком – значит уходить от всего, нажираться пивом, вращаться в своем мирке музыкальных групп, презирать культуру, прохлаждаться по 8 часов у стойки бара или забиться в какой-нибудь угол и забить на все. По возможности не мыться, а главное – не думать слишком много. Часто эти персонажи испытывают особую тягу к анархистам. И от этого нельзя просто так отмахнуться, потому что часто речь идет о совершенно антисолидарно настроенных индивидах, мачистах, не желающих обращать внимание на окружающие всех нас социально-политические проблемы (антимилитаризм, политическая коррупция, экология, эксплуатация трудящихся и т.д.).

Но даже не заходя так далеко, мы легко можем обнаружить вокруг себя заметное количество «альтернативной» молодежи, которая следует этому типу поведения. К сожалению, таких людей все больше. Они считают себя «альтернативными», потому что носят «альтернативный» прикид и слушают «альтернативную» музыку. Их больше интересуют разговоры о музыкальных группах, чем о политике, и хотя их политическая грамотность весьма убога, они обожествляют свои любимые группы, защищают их с жаром, страстью и даже... почти религиозной верой. Когда их спрашивают, что означает символика, которую они носят, следуют совершенно убогие ответы. Когда им задаешь вопрос, почему они одновременно нацепляют совершенно противоположные по своей направленности эмблемы (например, «А» в круге рядом с серпом и молотом), они, ухмыляясь, заявляют, что им чихать на политику, а те, кто думает иначе, – просто идиоты. Жаль, что эти типы дискредитируют последователей панковского движения и тех, кто не следует ему, а просто слушает его музыку и (или) воспринимают его эстетику и при этом работает головой.

Нам причиняет большой вред нигилистическое течение панков, потому что небольшая, но все же значительная часть молодежи полагает, что для того, чтобы быть революционером, достаточно нажираться, врубать музыку в полную силу, ставить гребень и презирать интеллектуальное развитие. Плохо понимают эти молодые люди смысл символов, которые они на себя цепляют. Вот почему я отличаю панк от анархии.

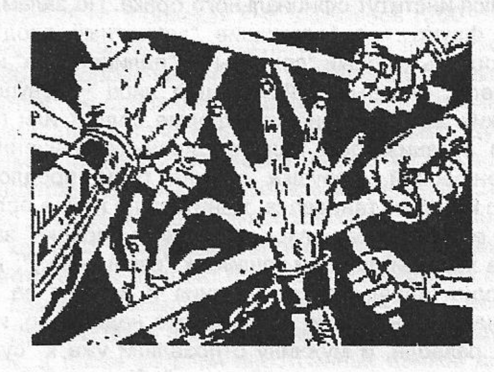

Микель

(«Jake Libertario», орган Либертарной Молодежи Испании, № 9, 1996,).

История Анархического Черного Креста

Анархический Красный Крест 1906-1917

Накануне Русской революции 1905-1907 гг. в царской России развернулась активная деятельность всех направлений революционного движения, в том числе и анархического. Ответная реакция властей не замедлила ждать. В ходе подавления революционных выступлений тысячи анархистов и социалистов оказались в тюрьмах, на каторге и в ссылке, где они продолжили свою борьбу и смогли добиться особого режима для политзаключенных, в том числе могли выбирать старосту из своей среды, который был обязан сообщать тюремной администрации жалобы и получать присылаемую с воли помощь. Сам вопрос об оказании помощи политзаключенным в тот момент оказался крайне актуальным. Если в конце 19 века политзаключенные были выходцами из высших слоев общества, то теперь основную массу составляли люди малообеспеченные, родственники которых не имели достаточно средств, чтобы им помогать. Для этой цели был организован беспартийный Политический Красный Крест под руководством бывшей жены М.Горького Е.П.Пешковой. ПКК собирал помощь для всех политических, невзирая на их взгляды. Однако его помощь доходила не до всех узников, поскольку старосты, в большинстве случаев выбиравшиеся из социал-демократов, отказывали в ней анархистам. Это обстоятельство послужило основанием для образования самостоятельного Анархического Красного Креста (АКК). Первые группы АКК появились в западных и юго-западных губерниях России в 1906 году. Его члены занимались оказанием помощи заключенным анархистам (например, обеспечивали их зимней одеждой) и организацией самообороны от беспредела казаков. Кроме того, они помогали еврейским рабочим бороться с погромами.

В период 1905-1910 гг. из России в Северную Америку хлынул поток эмигрантов. Его причины носили в основном экономический характер. Преимущественно эмигрантами были бедные, неженатые крестьяне из перенаселенных западных губерний России, которые стремились в США и Канаду, чтобы подзаработать денег, вернуться в Россию, купить землю и устроить фермерское хозяйство. Но в потоке этой эмиграции оказалось немало русских и еврейских анархистов, которые донесли известие о бесчеловечном положении своих товарищей в тюрьмах. В этот момент в США сложилось сильное еврейское анархическое движение, в которое включились выходцы из стран Восточной Европы. Еврейские анархисты в Северной Америке, являвшиеся самой крупной национально-языковой группой анархического движения после итальянцев, еще до революции 1905 г. занимались делом помощи зарождавшемуся анархическому движению в России. Поскольку русская колония в Западной Европе и США практически была слабо организована, то всю тяжесть по созданию АКК взяли на себя еврейские радикалы. В 1907 г. по их инициативе в Европе и США начали организовываться отделы АКК. Деятельность АКК в Европе сконцентрировалась в Лондоне, где комитет АКК возглавили П.А.Кропоткин (1842-1921), В.Н.Черкезов (1846-1925), Александр Шапиро (1882-1946) и немецкий анархист Рудольф Рокер (1873-1958). Сюда со всей Европы стекались пожертвования, которые потом распределялись среди заключенных анархистов в России. На своих лекциях и банкетах АКК собирал деньги и одежду, распространял петиции против репрессивной политики царского правительства. Через свой орган "В помощь - Дер Хильфруф" на русском и идиш Лондонский АКК давал подробную информацию о положении политзаключенных.

В том же 1907 г. в Нью-Йорке возникает второй центр АКК. Его основателями стали Х.Вейнштейн и Я.Катценеленбоген, бежавшие из российских тюрем. До 1913 г. Лондон и Нью-Йорк были основными центрами работы АКК. Сюда поступали собранные всеми группами деньги, здесь концентрировалась информация и отсюда осуществлялась переписка с заключенными, пересылка им средств и нелегальная работа в тюрьмах. В 1909 г. был организован отдел АКК в Чикаго, в 1911- в Филадельфии, в 1914 г. - в Детройте и Балтиморе. В 1914 г. Чикагский АКК по договоренности с Нью-Йорком взял на себя часть работы этого отдела, который прислал в Чикаго часть имен заключенных анархистов. После этого в Чикаго был избран корреспондентский комитет, занявшийся рассылкой помощи. Активность чикагцев приняла невиданные размеры, что повлекло за собой большой приток пожертвований, часть из которых АКК в Чикаго смог даже пересылать в Нью-Йорк и Лондон. Успех, сопутствующий деятельности АКК, объясняется во многом тем, что Крест действовал независимо от других анархических организаций, не был придатком какой-либо отдельной группы, что давало возможность входить в АКК не только анархистам, но и симпатизирующим людям. Членами АКК была преимущественно русская и еврейская молодежь. До 1917 г. численность АКК в Нью-Йорке колебалась от 60 до более 100 членов, в Чикагском АКК было около 300 членов, общая численность достигала 500-600 членов.

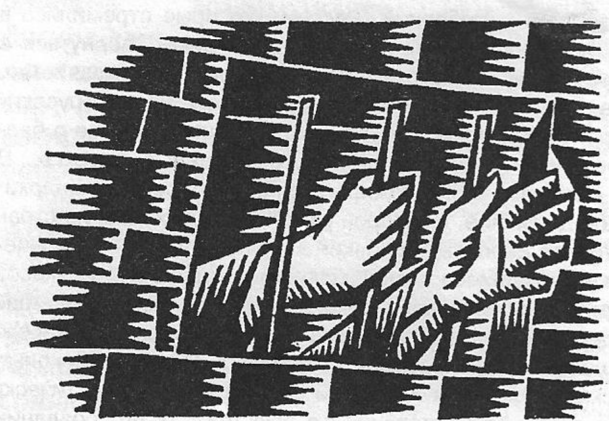
Деятельность АКК в США концентрировалась, главным образом, вокруг таких ежегодных мероприятий, как "Арестантский бал" и "Бурский бал". Эти собрания были настолько популярны в иммигрантских кругах, что зал обычно не мог вместить всех желающих. В одном только Нью-Йорке на "Арестантский бал" приходило 5-6 тыс. человек, и каждый бал приносил прибыли в несколько тысяч долларов, которые шли на помощь заключенным и ссыльным анархистам в России. Танцы и театральные представления, маскарад и шутки - без этого не обходился ни один бал. На "Арестантский бал" зал украшали так, чтобы напомнить собравшимся, что в России тысячи людей страдают за идею; во время бала появлялись люди в арестантских робах с закованными руками и ногами, которых конвоировали люди в форме полицейских. Актеры и просто желающие изображали сценки из жизни политзаключенных и периода революции 1905 г. (демонстрации, баррикадные бои, аресты, этап в Сибирь, и т.д.). Балы были костюмированными и в конце (а длились они, как правило, с 2-3 часов дня до полуночи) проводились конкурсы на

лучший костюм. "Бурский бал" был сатирическим. На нем высмеивался институт официального брака. По залам развешивали фрукты, изображавшие "запретный плод", за попытку сорвать который "солдаты" и "полицейские" налагали "штраф". Главные действующие лица - девушки в крестьянских одеждах, юноши в форме солдат или полицейских и организаторы бала в одеяниях священников разных конфессий. Девушка должна была предложить мужчине, с которым танцевала, жениться на ней, а если он отказывал ей, она обращалась к "стражам порядка" за помощью. Те хватали парня и тащили к "священнику", который проводил обряд бракосочетания и взымал за него плату. Однако очень скоро девушке это надоедало, и она требовала развода, и мужчину отправляли уже к "судье", который также просил мзду за "развод". Все эти "штрафы" и "уплаты" составляли основную выручку бала. В полночь бал заканчивался карнавальным шествием и раздачей призов за лучший костюм. Оба бала были самыми значительными культурными мероприятиями в жизни русско-еврейской колонии в США. Они также стимулировали распространение либертарной культуры среди выходцев из Восточной Европы. Следует заметить, что уже в этот период АКК проявил свой интернациональный характер. В 1911 г. еврейские анархисты протестовали против казни С.Котоку и 11 его товарищей в Японии, активисты АКК в Нью-Йорке и Филадельфии собирали деньги для Мексиканской революции и движения во главе с братьями Рикардо и Энрике Флорес Магон.

Однако АКК занимался не только легальными массовыми мероприятиями. Более сложная работа осуществлялась особым Корреспондентским комитетом, в чью обязанность вменялось поддерживать переписку с заключенными в России. В комитет входили люди с опытом подпольной революционной работы, хорошо знавшие русский язык. Каждый член комитета имел для переписки от 10-12 до 20 заключенных. В письмах члены комитета представлялись родственниками узников: в противном случае власти отказывались доставлять письма и деньги до адресата, а у заключенных из-за этой переписки могли возникнуть неприятности. Секретарем комитета был киевский анархист И.Гинсбургский, бежавший вместе со своей женой с каторги. Иногда члены комитета помещали письма, фальшивые паспорта и документы в переплет книг посылаемых заключенным. Благодаря этой работе удалось организовать побег ряда заключенных: Морриса Березина (1888-1973) и Якова Монта. Но в 1916 г. власти в Иркутске раскрыли эту схему связи и отправили под суд 10 анархистов. АКК, располагавший хорошими связями в России, нанял для их защиты лучшего адвоката, но до суда произошла Февральская революция и все политзаключенные были освобождены. К тому моменту на каторге томилось до 700 анархистов и еще около 300 находились в ссылке в Сибири. После Февральской революции АКК занялся отправкой политэмигрантов в Россию. В мае 1917 г. с помощью АКК отплыл домой весь состав редколлегии анархо-синдикалистского еженедельника "Голос труда" вместе со своей типографией. В июне 1917 г. деятельность АКК в США прекратилась. Никто из его членов не думал, что в будущем еще не раз возникнет потребность в такой организации. Но после арестов анархистов в Москве в апреле 1918 г. АКК снова появляется, но уже под названием Анархический Черный Крест.

Черный Крест в годы революции

В годы гражданской войны, когда Красный Крест помогал раненым, анархисты решили изменить название на Черный Крест, чтобы не возникло путаницы. АЧК появился в Москве, Харькове, Петрограде, Одессе (где осела большая группа членов АКК из США) и во многих маленьких городках. В 1919г. все группы объединились во Всероссийский АЧК, секретариат которого возглавил А.А.Карелин (1863-1926). Эта группа действовала до 1930 г. На Украине и в других местах, где легко было достать продукты, проблем с помощью было мало. Но в Москве, где постоянно не хватало продуктов и всего прочего, работа Обществ помощи затруднялась, хотя анархисты, приезжавшие с Украины, всегда пытались привести с собой продукты. В условиях политической изоляции России, голода и дефицита АЧК и Политический Красный Крест не могли оказать существенную помощь заключенным. Только в 1920-1921 Черный Крест прорвал информационную блокаду. В июле 1921 г. была организована встреча анархо-синдикалистских делегатов конгресса Профинтерна с А. Шапиро, Э.Гольдман (1869-1940) и А.Беркманом (1870-1936), которые известили о голодовке анархистов в Таганской тюрьме. Под сильным давлением конгресса на ЦК РКП (б) удалось добиться освобождения 10 анархистов, которых 5 января 1922 г. депортировали в Германию. Среди них были: В.М.Максимов (1893-1950), В.М. Волин (1882-1945), М. Мрачный (1892-1975), Г.А. Горелик (1890-1956). Чуть ранее, в декабре 1921 г., Россию покинули А. Беркман, Э.Гольдман, А. Шапиро. По прибытию в Стокгольм Беркман написал "Крик о помощи" - обращение к мировому пролетариату с призывом защитить преследуемых анархистов в России. Он призвал анархистов Европы и Америки вновь организовать АКК и приступить к сбору средств для преследуемых анархистов. Одним из первых откликнулись на обращение нью-йоркские анархисты, которые в августе 1918 г. создали Комитет защиты и помощи политзаключенным в Соединенных Штатах, а с помощью призыва А. Беркмана восстановили АКК. До приезда в Берлин анархистов-эмигрантов берлинские анархо-синдикалисты уже в 1921 г. начали собирать средства в "Русский Фонд помощи".

Организации помощи 20 - 30-х годов

Само название Черный Крест в официальных наименованиях организации почти не употреблялось. Тем не менее, все анархические комитеты помощи, существовавшие 1921-68 годах, принято обобщенно называть Анархическим Черным Крестом. В 1922 г. был организован Берлинский комитет помощи заключенным и ссыльным анархистам и анархо-синдикалистам - так теперь стал называться в Европе Черный Крест. В июне 1923 г. на его основе был образован Объединенный комитет защиты заключенных революционеров в России, в который вошли

также Заграничное бюро по созданию Всероссийской конфедерации анархо-синдикалистов (Г.Максимов, М.Мрачный, Е.Ярчук (1882-1937)), группа русских анархистов в Германии (В.Волин, П.Аршинов) и Заграничное бюро левых социалистов-революционеров и максималистов И.З.Штейнберг (1888-1957), И.Ю.Баккал), секретарем комитета стал М.Мрачный.

В 1924 г. Объединенный комитет в тесном взаимодействии с Международной ассоциацией трудящихся начал тесную кампанию за политическую амнистию в СССР. По призыву МАТ в апреле-мае 1924 г. во Франции, Германии, Голландии, Норвегии, США, странах Латинской Америки прошли митинги за амнистию анархистов, социалистов, и беспартийных революционеров. В 1925 г. эта кампания усилилась, охватив еще большее количество стран. Местные коммунисты препятствовали организации митингов протеста. В Кенигсберге, где на митинге выступал В.М.Волин, коммунисты попытались сорвать собрание, но заречь Волина оказалась столь убедительной, что они заткнулись.

митинг за освобождении Сакко и Ванцетти

Нарастание международной реакции вызвало к жизни организации, с которыми АЧК установил тесные связи. В Берлине для помощи итальянским политзаключенным АЧК образовал Итальянский фонд помощи жертвам фашизма. В США очень активно сбором средств для итальянцев, русских и болгар занялся секретарь старого АКК Б.Еленский (1889-1974) и Чикагское Общество помощи. (По данным Итальянского синдикального союза, в 1922 г. в тюрьмах находились более 2000 революционных синдикалистов и анархистов. Преследованиям подвергались их семьи.) Во Франции и Швейцарии возникли Анархический комитет защиты политзаключенных Италии и Анархический комитет помощи детям политзаключенных Италии. В 1921 г. в Париже и Брюсселе для защиты Сакко и Ванцетти создан интернациональный анархический комитет защиты, который вскоре занялся широкой работой по поддержке русских, итальянских и испанских анархистов.

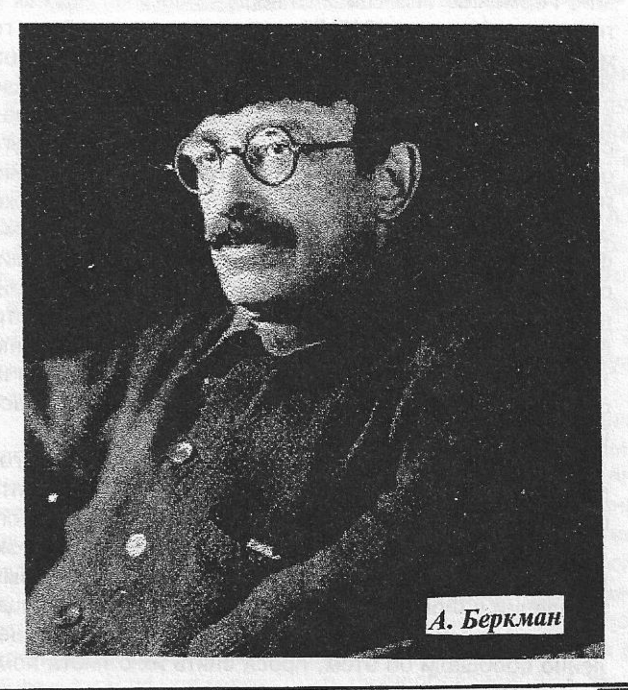
В ноябре 1926 г. по согласованию с МАТ был ликвидирован Объединенный Комитет и образован Фонд помощи при МТР (так в то время предпочитали называть МАТ русские анархисты) заключенным и ссыльным анархистам и анархо-синдикалистам в России, действовавший до 1936 г. Возглавили Фонд А.Беркман и М.Мрачный, ставшие во главе соответственно Парижской и Берлинской секций. В Парижскую секцию вошли также С.Флешин (1894 - 1981), М.Штеймер (1897 - 1980), Я.Дубинский (1889 - 1959), Волин. В 1927 г. все члены парижской секции примкнули к французскому Комитету Взаимопомощи, чтобы помогать анархистам-эмигрантам из России, Италии, Испании, Португалии, Болгарии, которые оказались на чужбине без денег, документов и в постоянном страхе депортации, что иногда означало смертный приговор.

В 1925-26 гг. в списках АЧК значилось 1200 - 1400 заключенных и ссыльных анархистов и 700 левых эсеров. В 1926 - 36 гг. корреспондентами Фонда в СССР было 60-70 анархистов. На основании их сообщений в Берлине и Париже издавался Бюллетень. Флешин, Штеймер, Дубинский занимались перепиской. Через своих корреспондентов АЧК поддерживал связь со всеми заключенными. Как правило, во многих местах ссылок сложились маленькие колонии, которые распределяли помощь среди всех членов в соответствии с нуждой: больным и женщинам с детьми сумма помощи высылалась большей. Фонд высылал не только деньги, но и продукты, лекарства, одежду, книги, журналы, а также словари иностранных языков для самообразования политзаключенных. Пожертвования собирались по подписным листам, на лекционных турах, от балов и пикников, продажи специальных открыток и т.д. 75 % всей помощи поступало из Америки, главным образом из Чикаго. Некоторые профсоюзы Свободного рабочего союза Германии (секции МАТ) взяли шефство над отдельными политзаключенными, ежемесячно перечисляя для них определенную сумму. Но в 1929 г. приток средств сократился из-за экономической депрессии, хотя число нуждавшихся в помощи возросло.

Фонд Помощи им. Беркмана

С захватом Гитлером власти в 1933 г. МАТ перевел Фонд вначале в Голландию, а затем в Париж. В 1933 г. при содействии А. де Йонга, секретариата МАТ для поддержки немецких политиммигрантов был создан Немецкий Фонд помощи, который в 1933 - 1938 г. развернул активную работу по сбору средств для заключенных анархо-синдикалистов, по переброске нелегальной литературы, приему беженцев. После подавления в Испании восстаний 1932 - 34 гг., в результате которых 25 - 30 т. членов СНТ - ФАИ попали за решетку, секретариат МАТ в марте 35 г. призвал к созданию Международного фонда в пользу СНТ.

На 5 конгрессе МАТ в 1935 г. в Париже было решено устраивать неделю русского фонда в начале ноября каждого года. В начале 1936 г. Фонд вел переписку с 70 анархистами в СССР, а всего в его списках было 200 че-

А. Беркман

ловек. С начала 30-х гг. советские власти все больше затрудняли связь с политзаключенными. Письма, посылки, деньги возвращались из СССР. В 1936 г. власти СССР отказались доставлять заключенным какие бы то ни было посылки из-за границы. Последние контакты с анархистами в СССР были прерваны в 1939 г. 28 июня 1936 г. покончил жизнь самоубийством А.Беркман, испытывавший невыносимые физические страдания, которые причиняла ему болезнь. По предложению чикагцев в признание заслуг покойного Фонд был назван его именем. Во время Испанской революции Фонд занялся сбором средств для борющихся испанских либертариев. Он распространял листовки и газеты, провел несколько эффективных митингов протеста, организовывал вместе с радикальными рабочими организациями собрания, лекционные туры, спонсировал презентацию в США испанских антифашистских фильмов. Всего было собрано 9000 долларов - рекордная сумма за короткое время. Один из членов фонда, М.Олей, стал «послом» НКТ ФАИ в США и Канаде.

Кроме того, в 1936-37 гг. НКТ и Фонд им. Беркмана предприняли несколько попыток освобождения русских анархистов. В октябре-ноябре 1936 г. делегация НКТ, прибывшая в Москву, представила список заключенных анархистов. Этот список, составленный Фондом, в начале был представлен Каталонским региональным комитетом НКТ Антонову-Овсеенко, который пообещал сделать все, что в его власти, чтобы выпустить анархистов и членов их семей в Испанию, но все усилия оказались безрезультатными.

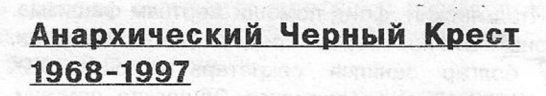
После поражения республики в 1939 г. Фонд направил свою помощь испанским беженцам. С оккупацией Франции в 1940 г. в большой опасности оказались русские и особенно еврейские анархисты. Работу по эвакуации возглавил социал-демократический "Еврейский рабочий комитет". Несмотря на свое обещание помочь вывезти этих анархистов, ЕРК занимался откровенным саботированием. Только под сильным давлением Александра и Фани Шапиро и еврейских рабочих профсоюзов в Мексику смогли уехать С.Флешин и М.Штеймер. Несколько десятков русско-польско-еврейских анархистов, живших во Франции, погибли в нацистских концлагерях.

С 1943-44 гг. Фонд направил свои усилия на помощь жертвам фашизма в Италии, Франции, Бельгии, Голландии, Германии, Польше и Северной Африке. Размах деятельности Фонда в 1943-50 гг. сопоставим с 20-ми годами. Еврейская анархическая федерация преобразовала Интерпомощь в Либертарный фонд беженцев с секциями в Нью-Йорке, Детройте и Лос-Анджелесе. Два фонда быстро нашли взаимопонимание и дополняли друг друга на открывшемся широком поле работы. В 1945 г. выжившие Я.Дубинский и Ева Шварц реорганизовали Парижскую секцию Фонда помощи им. Беркмана. Особое внимание Фонд уделял испанским анархистам, которые томились в санитарных учреждениях, госпиталях и лагерях для интернированных во Франции. Во Францию и другие страны были посланы тысячи продуктовых и вещевых посылок, а также лекарства и деньги. Фонд им. Беркмана взял шефство над испанскими инвалидами в лагере Массаби (Франция).

В течение первых двух послевоенных лет благодаря помощи этих двух фондов и Интернациональной антифашистской солидарности - организации НКТ - были спасены жизни тысяч либертариев. В 1947- 48 гг., когда экономическая ситуация улучшилась, размеры финансовых поступлений в Фонд также сократились: как только лица, получавшие помощь, устраивались на работу, они немедленно сообщали об этом, прося снять их с листа помощи. После 1950 г. действующими остались только организации в Чикаго, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Либертарный фонд беженцев решил сконцентрироваться на помощи старым и больным участникам движения. Деятельность же Фонда помощи им. Беркмана с 1948 г. была связана с заботой о политзаключенных в Испании, Италии и Болгарии. Борис Еленский в США взял на себя обязанность представлять интересы Комиссии помощи антифашистам Болгарии, созданной болгарскими анархистами. С начала 50-х гг. Фонд начал помогать заключенным в тюрьмах Испании. Фактически, 70% всей помощи в 50-е гг. Фонд направлял испанским политзаключенным. Кроме того, в 40-50-е гг. Фонд вместе с Объединенной федерацией русских рабочих организаций США и Канады помогал русским "ди-пи" ("перемещенным лицам") в Австрии, Германии, Италии, Англии и Бельгии. К началу 60-х гг. деятельность Фонда им. Беркмана постепенно угасает. Это было связано с умиранием иммигрантского анархического движения в США. Тем не менее, Фонд им. Беркмана просуществовал до начала 70-х гг. и прекратил свою деятельность со смертью его основных членов.

С. Кристи

Анархический Черный Крест 1968-1997

60-е годы были связаны с активизацией анархических партизанских групп, которые вели борьбу с режимом Франко в Испании и за ее пределами. В 1964 г. в Испании был арестован молодой британский анархист Стюарт Кристи, обвиненный в подготовке покушения на Франко. Военный трибунал приговорил его к 20 годам тюрьмы. Внимание анархистов во всем мире оказалось прикованным к его делу. В тюрьме С.Кристи встретился с немалым числом заключенных анархистов из НКТ. Он был крайне поражен налаженной системой взаимопомощи между узниками из НКТ и их семьями. В тюрьме Кристи присоединился к своеобразной "коммуне", организованной заключенными анархистами, распределяя в ней посылки, приходившие на его имя из многих стран мира. Под давлением международной кампании власти Испании в 1967 г. ос-

М. Гарсия

вободили Кристи. После своего возвращения в Лондон Кристи познакомился с Альбертом Мельтцером (1920-1996), который в 30-50-е гг. работал в Комитете взаимопомощи с политзаключенными Азии. Вместе с другими они решили в начале 1968 г. организовать АЧК, чтобы помочь испанским политзаключенным и борьбе групп испанского Сопротивления, в первую очередь «Группе 1 мая» и Движению интернациональной революционной Солидарности. Рупором АЧК стал его бюллетень, первый номер которого появился 19 июля 1968 г. Во время международного анархистского конгресса в Карраре (Италия) 31 августа - 5 сентября 1968 г. С.Кристи и Джузеппе Пинелли, рабочий-железнодорожник, участник Сопротивления и лидер миланских анархистов, организовали на окраине города съезд, на котором образовали Международный Черный Крест. Новый АЧК не причислял себя к благотворительным организациям. Его члены считали, что если АЧК удастся помочь или освободить хотя бы одного политзаключенного, их работа будет оправданной. В течение 1968-69 гг. секции АЧК возникли в Британии, Германии, Ирландии, Австралии. Первым серьезным делом АЧК стала кампания за освобождение Мигеля Гарсия, который в 1969 г. должен был закончить свой 20-летний срок, но горький опыт уже научил, что это еще не означает обязательного освобождения из тюрьмы. Развернутая по всей Европе кампания АЧК дала свои результаты: Мигель Гарсия был освобожден, эмигрировал в Англию и присоединился к Черному Кресту.

1969-71 гг. в истории АЧК оказались не самыми лучшими. На Черный Крест обрушились репрессии со стороны спецслужб. В Англии специальный отдел вел постоянную слежку за С.Кристи, устраивал обыски. В Италии в результате операции подпольной группы "Гладио", созданной ЦРУ после II мировой войны для борьбы с коммунизмом, сильно пострадало либертарное движение. Многие члены "Гладио" были или неофашистами или состояли на службе в армии и госбезопасности. В 1969г. Итальянский Черный Крест начал расследование по актам терроризма и нелегальной деятельности, осуществляемой фашистами. Им были собраны неопровержимые доказательства, что за всеми терактами в Италии стояли неофашисты и греческие спецслужбы, которые политикой дестабилизации готовили государственный переворот с целью установления диктатуры военной хунты по греческому или испанскому образцу. Это было подтверждено журналистами лондонского "Обсервера", которые добыли секретный документ, разосланный греческим правительством в свои посольства. Среди прочего в документе был высказан интерес к расследованию Итальянского Черного Креста. Вскоре после этого, 12 декабря 1969 г. фашисты взорвали бомбу в Миланском сельскохозяйственном банке. Полиция во главе с Калабрези, который фигурировал в расследовании АЧК, во всем обвинила анархистов. 16 декабря во время допроса в полицейском управлении, который вел Калабрези, был убит Дж. Пинелли, а затем выброшен из окна. Взрыв 12 декабря и это убийство стали отправным пунктом политики дестабилизации. В ходе репрессий Итальянский Черный Крест был разгромлен и многие его члены были вынуждены эмигрировать.

Дж. Пинелли (справа)

В Англии в 1971 г. был вновь арестован секретарь АЧК С.Кристи по делу "Рассерженной бригады", однако суд оправдал его и некоторых его подельников. В Западном Берлине 4.12.71 г. полицией был убит секретарь АЧК Георг фонРаух. Он был без оружия и уже поднял руки над головой, когда полицейский выстрелил ему в голову. А 2 марта 1972 г. другой член АЧК, Томас Вайссбеккер, был убит полицией в Аугсбурге при проверке документов, Т.Вайссбеккер был вооружен, но даже не попытался вынуть оружие. Как потом оказалось, полиция следила не за ним и узнала, кто он был такой, только когда тот был уже мертв.

Несмотря на произвол спецслужб, АЧК осуществлял успешную работу по оказанию помощи. В 1971 г. была проведена реорганизация АЧК. Было решено, что АЧК станет международной сетью солидарности автономных групп. Цель АЧК можно охарактеризовать понятием "эффект трамплина": люди, выступающие в поддержку и за освобождение политзаключенных, своей деятельностью должны стимулировать продолжение борьбы за дело социальной революции и освобождение трудящихся. А работа в этой сфере может стать разнообразной: АЧК зани-

THE ANGRY BRIGADE

«Рассерженная Бригада»

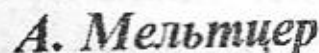
мался сбором информации о политзаключенных, прежде всего в Испании, передавал ее другим правозащитным группам, которые включались в эту работу; посылал посылки с продуктами и одеждой или деньгами прямо в тюрьмы или родственникам заключенных. В последние годы франкистского режима в тюрьмы поступило огромное число продовольственных посылок. Они пришли ко всем заключенным, кому было запрещено работать (государство не финансировало содержание заключенных; те должны были работать в тюремных мастерских. Запрет на работу, если у человека не было родственников на воле или он не получал помощи означал смерть) ввиду их участия в тюремных выступлениях или из-за опасения, что политзаключенные будут вести пропаганду среди обычных заключенных. После освобождения многие из них подтвердили, что эти посылки пробудили в них решимость выдержать все до конца.

17 февраля 1971 г. в Лондоне вышел первый номер газеты "Черный флаг". Она выпускалась коллективом, который тогда определял себя как связующее звено между анархистским движением и АЧК. Редакторами газеты были М.Гарсия и А.Мельтцер. Газета печаталась в "Сентро Иберико" - Международном либертарном центре, созданном для работы с испанской эмиграцией. "Сентро Иберико" организовывал вечерние киносеансы, кампании солидарности, концерты в помощь Сопротивлению и нетрудоспособным инвалидам-участникам гражданской войны в Испании. Черный Крест в "Сентро Иберико" обучал своих испанских друзей и анархистов со всего мира мастерству офсетной печати. Совместно с "Мухерес либрес" ("Свободные женщины") АЧК направлял свою деятельность также на поддержку испанских женщин в их борьбе за эмансипацию. Многие молодые женщины нарушали католические традиции и рожали детей вне брака. Это вело к тому, что их подвергали общественному остракизму, от чего они очень страдали. Аборты и противозачаточные средства были запрещены. Многие женщины приезжали делать аборт в Лондон, где АЧК помогал им найти подходящих врачей и, если требовалось, поддерживал деньгами на проезд и проживание. За эту помощь медленно развивавшееся женское движение подвергло Черный Крест критике. В частности, его активистки отказывались от сотрудничества с АЧК с упреком, что тот поддерживает частную медицину вместо того, чтобы подождать, пока испанское государство разрешит аборты в клиниках, что произошло только в 1985 г.

Кроме того, АЧК принес в Британию международные связи с мировым анархо-синдикализмом. Кампания "Черного флага", АЧК и «Группы 1 мая» способствовала возрождению на Британских островах анархо-синдикалистских идей, что в 1979 г. выразилось в создании Движения прямого действия (секции МАТ, сейчас Федерация Солидарность), куда вошли многие члены АЧК.

Большим успехом в работе АЧК было освобождение из Испанской тюрьмы итальянского анархиста Голиардо Фиаски, арестованного в 1957 г. и депортированного в Италию в 1965 г., где он был приговорен к 13 годам и 7 месяцам заключения. В 1975 г. АЧК инициировал международную кампанию защиты ирландских анархистов Ноэла и Мари Меррей, которых приговорили к смертной казни. Кампания охватила почти весь мир. Письма и петиции в их защиту подписали известные интеллектуалы Ж.П. Сартр, Артур Кестлер, Генрих Боль, Кетлин Райн и др. Кампании удалось добиться отмены смертного приговора, который был заменен на 15 лет, и освобождения их подельника Р.Стенсона, которого 30 часов пытали в полицейском участке, избивая молотком и проч., после чего он провел 9 месяцев в больнице. Мерреи должны были быть освобождены в 1990 г., но этого не произошло. Потребовалось снова создавать кампанию "Свобода Мерреиям", к которой подключились даже либеральные круги, чтобы их освободили в 1992 г. Никто из политзаключенных Ирландии не сидел дольше этих двух анархистов. В США анархисты, работавшие в группах защиты политзаключенных, активно занимались черными американцами. Так, благодаря вмешательству этих групп, был освобожден Мартин Состре, который в 1978 г. создал АЧК в Нью-Йорке. На протяжении 70-х гг. АЧК защищал Лоренсо Комбоа Эрвина, члена "Черных пантер". Если бы не это вмешательство, то Комбоа Эрвин разделил бы участь многих активистов "Черных пантер", погибших от рук расистов и спецслужб. Слабость американского АЧК, однако, не позволяла сделать многое.

В 1980-е гг. сеть АЧК распространилась во многих регионах мира. В 1983 г. появились группы в Италии и Дании. В США и Канаде возникло много групп, проектов, изданий, занимавшихся защитой анархистов и заключенных,

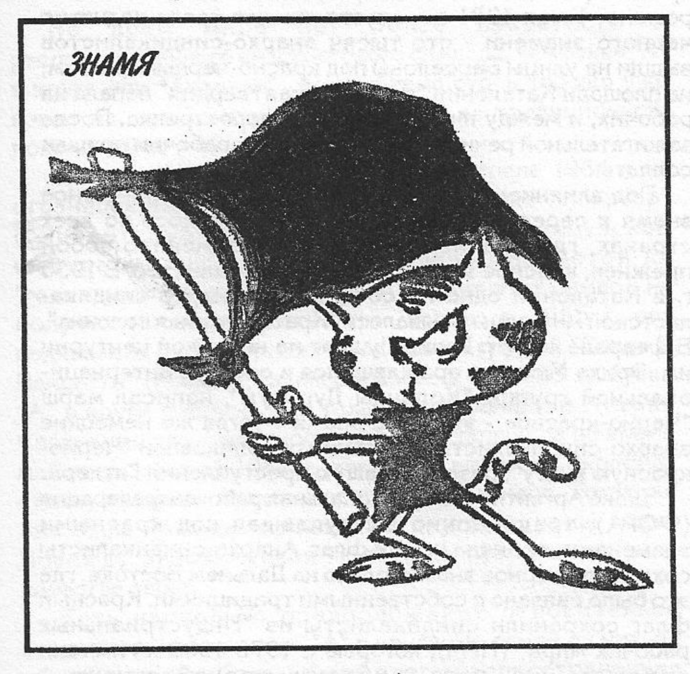

А. Мельтцер

продолжение на стр. 63

АНАРХИСТСКАЯ СИМВОЛИКА

Прошлое и настоящее либертарного движения заключается не только в его идеях, действиях, формах организации, но и в либертарной культуре, в стиле жизни и самовыражении. Ни одно социально-политическое движение, ни одна организация, чем бы она ни занималась, не может обойтись без символов, эмблем, значков, которые являются их неотъемлемой атрибутикой. Либертарному движению необходимо знать свою символику и эмблематику. Данная статья стремится восполнить пробел в этой области.

Если спросить сегодня любого анархиста, какого цвета знамя анархизма, он, не колеблясь, ответит: черного или красно-черного. Но принятие этих цветов было долгим и противоречивым. Черное знамя впервые подняли в марте 1831 г. взбунтовавшиеся землекопы в Реймсе (Франция), написав на нем: "Труд или смерть!". Позднее в Лионе группа землекопов была за то же самое отправлена на гильотину. А 21 ноября 1831 г. в Лионе войска расстреляли манифестацию уволенных ткачей. В ответ вспыхнуло восстание. Мгновенно были сооружены баррикады, и над ними взвилось черное знамя с девизом: "Жить, работая, или умереть, сражаясь!". Это было первое в истории массовое восстание рабочего класса. Во всех этих случаях черное знамя служило символом отчаяния и нищеты рабочих, готовых скорее умереть в борьбе за свои права, чем терпеть несправедливость. Кроме того, черный цвет стал связываться с антимонархической борьбой - ведь традиционным цветом монархии считался белый.

Во время республиканского восстания в Париже 5-6 июня 1832 г. повстанцы подняли уже красное знамя. С тех пор эти два цвета - красный и черный - считаются основными цветами анархического и вообще революционного движения по всему миру. В 1848 г. на баррикадах Парижа развевались оба знамени.

В 19 веке и первой трети 20 века анархисты еще не решили, какое из этих двух знамен считать своим. Это было время, когда марксизм и социал-демократия еще не могли предъявлять исключительные права на красный флаг. Во многих странах он ассоциировался именно с анархистским движением. В 1871 г. французские анархисты сражались за Парижскую Коммуну под красным знаменем. Красным был цвет флагов большинства бакунистских федераций Международной ассоциации трудящихся (1 Интернационала), в том числе, известной Юрской Федерации (Швейцария). В марте 1877 г. члены этой федерации вышли на улицы Берна с красными знаменами, чтобы отметить годовщину Парижской Коммуны. Полиция напала на демонстрантов и стала вырывать знамена; завязался рукопашный бой, и несколько флагов удалось отстоять. Тогда анархист Поль Бруссе написал известную в европейском рабочем движении песню "Красное знамя", на мотив швейцарской военной песни "La libre Sarine". Под красным флагом чикагские анархисты в 1886 г. начали движение за 8-часовой рабочий день.

Наряду с красными и черными знаменами, в 1871-1872 гг. в Италии появляется и красно-черное знамя, но расположение цветов отличалось от современного диагонального. Поле у этого флага было черным, но со всех сторон его окаймляла узкая красная полоса. По мнению историка анархизма Макса Неттлау, знамя было принято в противовес красному, которое марксисты стремились превратить в партийное. В начале 1870-х гг. красно-черное знамя появилось у мексиканских анархистов; там оно стало официальным символом нарождавшегося рабочего движения. За пределами Мексики оно тогда не распространилось. В годы Мексиканской революции (1910 -1917 гг.) красное знамя с черной полосой служило эмблемой анархо-синдикалистского "Дома рабочих мира" (1912-1916), а после революции красно-черные флаги подняли как проправительственная "Региональная конфедерация рабочих", так и анархо-синдикалистская Всеобщая конфедерация трудящихся (1921-1931). По-видимому, именно из Мексики заимствовал красно-черное знамя никарагуанский революционер А. Сандино, у которого его переняли, в свою очередь, многие партизанские группировки в Америке и Африке. Но эти движения уже не имели ничего общего с анархизмом.

Интересно, что другое направление мексиканской революции - аграрное во главе с Э. Сапатой - сражалось под национальным трехцветным флагом, что отражало освободительные традиции и представления крестьянства.[1]

Распространение черного знамени в анархистском движении происходит в 1880-е гг. во Франции. Отправной точкой можно считать международный социально-

---

[1] Если кто-либо увидит эмблему современной мексиканской "Революционной народной армии" - красно-черное знамя с лавровой ветвью и буквами "ERP" - пусть не спешит радоваться или негодовать. РНА - не анархисты, а вооруженное крыло маоистско-сталинистской "Революционно-демократической народной партии". Между тем, было приятно узнать, что теперь над некоторыми отрядами "Сапатистской армии национального освобождения" развеваются красно-черные анархистские знамена, подаренные западными либертариями.

революционный конгресс в Лондоне (14-20 июля 1881 г.), когда формально было провозглашено воссоздание Международной ассоциации трудящихся ("Черного Интернационала"). В тот период из-за анти-организационных настроений тогдашних анархо-коммунистов Интернационал распался. В последующие годы часть анархистов по ряду причин предпочитала именно черное, а не красное знамя.

После жесточайшего подавления Парижской Коммуны (было убито до 30 тысяч коммунаров) в Европе воцарилась реакция; в большинстве стран были запрещены секции Интернационала и красное знамя. Реакция сопровождалась усилением эксплуатации трудящихся, распространением голода, нищеты, безработицы, болезней. Для загнанных в подполье анархистского и рабочего движения Франции черное знамя стало символом, который лучше всего выражал настроения рабочего класса: нам нечего терять, кроме наших цепей. Это было антипартийное знамя, выражавшее смесь отчаяния и борьбы, полное отрицание власти и бескомпромиссность рабочего класса. "Это эмблема безработных", - говорила известная анархистка, участница Парижской Коммуны Луиза Мишель.

Вопрос о цвете знамени приобрел и некоторый организационный подтекст. Черный флаг приняла часть пропагандистских и боевых групп анархистов, которые работали как внутри, так и вне структур рабочего движения. Некоторые из них прибегали к тактике отчаяния - "пропаганде действием" (покушениям, бросанию бомб и т.д.) - вроде полумифической группы "Черная рука" в Испании. Повсеместного распространения черное знамя в конце 19 - начале 20 вв. не получило. Вероятнее всего, оно стало частью мировой атрибутики анархизма после окончательного размежевания между социал-демократией и анархизмом на международном социалистическом конгрессе в Лондоне в 1896 г. Черное знамя пользовалось популярностью во Франции, в России, Польше, Германии, Италии и ряде других стран. В Северной Америке до конца 19 века было распространено красное знамя; черное стало употребляться только в начале 20 в. - с прибытием иммигрантов из Европы.

Анархистское красное знамя сохраняло популярность в романских странах Европы, в Латинской Америке, в Скандинавии, на Дальнем Востоке... Абсолютно все анархо-синдикалистские и революционно-синдикалистские профсоюзы мира, а также часть анархистских групп ("Фридом" и Социалистическая лига в Британии, младосоциалистические клубы в Швеции, Норвегии, Дании и др.) предпочитали красные флаги.

Изменения произошли постепенно после российской революции 1917 г. По мере укрепления позиций "СССР" в мире красное знамя все чаще стало связываться с большевизмом и "Советской" Россией. Ему все чаще противопоставлялось черное. В 1922 г. французом Луи Лореалем был написан анархистский гимн - "Песня черного знамени". Но до начала 30-х гг. красное знамя (наряду с черным) все еще оставалось символом анархистского движения. Повстанческая армия Махно на Украине сражалась под обоими флагами. В 1922 - 1931 гг. на эмблеме Международной ассоциации трудящихся (М.А.Т.) знамя с девизом "Освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся" было еще красным. Многие местные анархо-синдикалистские организации имели свои собственные флаги. Так, в Германии у некоторых групп Свободного рабочего союза и Синдикалистско-анархистской молодежи были черные знамена с пятиконечной красной звездой в центре, у локальной федерации Центральной организации шведских рабочих в Гетеборге - черное знамя с красной диагональной полосой слева направо снизу вверх.

Современное диагональное красно-черное знамя появилось только в начале 30-х гг. в Испании и во Франции. В Испании спор о флаге шел с 1919 г. и имел теоретическую подоплеку о роли профсоюзной работы. В центре дискуссии оказались две анархистские группы из Барселоны - "Красное знамя" и "Черное знамя". Первая из них издавала одноименный журнал и в 1919 г. стала инициатором создания Иберийской анархистской коммунистической федерации, имевшей также секции во Франции. Эта группа подчеркивала важность профсоюзной организации. Вторая группа держалась в стороне от профсоюзной борьбы и занималась радикальной пропагандой. Противоречия между ними сохранялись до 1930 г. С падением монархии в Испании для анархо-синдикалистской работы открылись новые перспективы; прежний спор устарел.

В понедельник, 27 апреля 1931 г. в помещении профсоюза строителей в Барселоне собрались представители Национальной конфедерации труда (СНТ) и Иберийской анархистской федерации (ФАИ), чтобы обсудить подготовку к первомайской демонстрации и, в частности, решить, под каким же знаменем выступать. Представитель группы "Черное знамя" Гарсия Оливер предложил объединить черное ("анархистское") и красное ("синдикалистское") знамена в одно. Так и было решено. 1 мая 1931 г. - спустя сто лет после поднятия черного знамени - сто тысяч анархо-синдикалистов вышли на улицы Барселоны под красно-черным флагом; на площади Каталонии "гражданская гвардия" напала на рабочих, и между ними произошла перестрелка. После зажигательной речи Дуррути на помощь рабочим пришли солдаты...

Под влиянием испанской революции красно-черное знамя к середине 30-х гг. распространилось во всех странах, где имелись анархисты, и заменило собой прежнее, красное знамя анархо-синдикалистов. В 1936 г. в Каталонии одно из соединений анархо-синдикалистской милиции называлось "Красно-черная колонна". В феврале 1937 г. Давид Лушнат из немецкой центурии им. Эриха Мюзама, сражавшейся в составе интернациональной группы "Колонны Дуррути", написал марш "Черно-красное - это наше знамя". Тогда же немецкие анархо-синдикалисты в Испании опубликовали "Черно-красную книгу", разоблачавшую преступления Гитлера.

Даже Аргентинская региональная рабочая федерация (ФОРА), традиционно выступавшая под красными знаменами, приняла новый флаг. Анархо-синдикалисты сохранили черное знамя только на Дальнем Востоке, где это было связано с собственными традициями. Красный флаг сохранили синдикалисты из "Индустриальных рабочих мира" (ИРМ), которые с 1970-1980-х гг. стали помещать на него эмблему черной кошки - синдикалистского символа нелегальной стачки. Некоторые группы ИРМ имели и черные знамена, поскольку официального флага в ИРМ нет.

Уже до второй мировой войны эмблема М.А.Т. также претерпела изменения: знамя стало красно-черным, с него исчез девиз, из эмблемы были удалены лишние детали, а изображение рабочего приобрело более четкие стилизованные очертания.

Классическое ныне красно-черное знамя представляет собой полотнище, разделенное по диагонали на две половины. Чаще всего, верхняя половина красная, нижняя черная; иногда встречается и обратное расположение полос. Активный, энергичный, агрессивный красный цвет символизирует решимость анархо-синдикалистов бороться за социальную революцию. Черный цвет - символ свободы, отрицания всего, что ограничивает ее или мешает ее осуществлению через осуществление идеалов анархизма.

Несиндикалистские анархисты продолжали поднимать по преимуществу черные флаги. С появлением в 1964 г. эмблемы в виде буквы "А" в круге, она стала помещаться и на черных знаменах анархистов. Ее изображают либо в верхнем углу у древка, либо в центре полотнища. Эмблема обычно красного или белого цвета.

В 70-90-х гг. в разных странах мира появились анархистские группы, которые не придерживаются анархо-синдикалистской ориентации, но, тем не менее, используют красно-черное знамя. Это свидетельствует о том, что мало-помалу разница между анархистским черным и анархо-синдикалистским красно-черным флагами стирается.

БУКВА "А" В КРУГЕ

Во всем мире нет более известного и распространенного анархистского символа, чем буква "А" в круге или "Анархия". Эта эмблема столь хорошо уже известна, что многие даже считают ее традиционной, появившейся в 19 веке. Но это не так.

Впервые "А" в круге появилась в апреле 1964 г. на страницах внутреннего бюллетеня "Женес либертер" ("Либертарная молодежь"), органе Французской федерации либертарной молодежи. Несмотря на "гениальность" открытия, в тот момент этот символ не получил полного признания. Только в 1966 г. его подхватила либертарная молодежь из группы "Сакко и Ванцетти" (Милан). Таким образом, в 1964-66 гг. буква "А" в круге применялась только во Франции и Италии. Свою мировую известность эмблема получила во время майских событий 1968 г., когда она внезапно украсила стены, знамена, плакаты протестующих масс. Тогда же она была "экспортирована" в другие страны мира. Повсюду анархическая молодежь признавала ее в качестве своей.

Есть несколько предположений относительно возникновения символа "А" в круге. По одной из них, за образец для эмблемы была взята распространенная антиядерная эмблема - руна R, обозначаемая в руническом письме (автор этой эмблемы—англичанин Геральд Холтон). По другой версии, влияние на создателей этой эмблемы оказала эмблема ватерпаса – инструмента строителей (каменщиков, плотников), которая была широко распространена среди секций Международной ассоциации трудящихся (1 Интернационала), в т.ч. и бакунистских. Ватерпас часто был похож на букву "А" в круге.

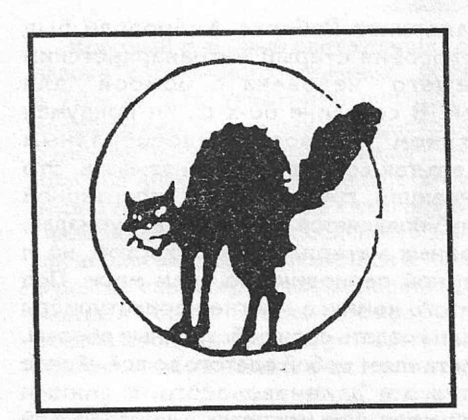
Эмблема "А" в круге сама напрашивалась на появление из-за отсутствия общепризнанного всеми международного либертарного символа и неуверсальности местных и национальных эмблем. Быстрому мировому распространению "А" в круге способствовало уникальное решение: комбинация заглавной буквы А с кругом. (Надо отметить, что уже в греческих рукописях отмечался похожий символ: Альфа, заключенная в Омеге. Жизнь и смерть. Начало и конец. Всеохватывающее бытие и небытие).

Как известно, во всех языках мира слово "Анархия" начинается с буквы А, так что при международном применении символа не возникало никаких трудностей в понимании. Символ "А" в круге олицетворял цельность, завершенность и общность либертарных идей, подчеркивал единую для всех либертариев цель. Все отмечают и практическую простоту использования этого символа: он легко и быстро рисуется, в чем можно удостовериться, обратив внимание на стены городов. Правда, эмблему анархизма используют не только идейные анархисты. Большой вред эмблеме нанесли панки. Не придумав своей собственной символики, панки использовали анархистскую, внеся путаницу в умы людей. Буржуазная пресса стремилась представить все либертарное движение как сборище хиппи и панков только потому, что они использовали анархо-символику.

Получив всемирное распространение, эмблема "А" в круге стала не только объединяющим символом, но и явлением либертарного искусства и агитпропа. Появились многочисленные вариации эмблемы: буква "А" в круге внутри пятиконечной чёрной или чёрно-красной звезды; "А" внутри Солнца или подсолнуха - анархо-экологический символ; комбинация "А" и женского значка - феминистский символ и прочие.

Как правило, эмблему "А" в круге изображают красным, чёрным или белым цветом. Горизонтальная планка в букве А не должна выступать за пределы буквы, но это не является обязательным условием. Обратный вариант предпочитают анархо-панки.

Успех символа "А" в круге можно сейчас без преувеличения сравнить с известностью коммунистического "Серпа и молота".

ЧЁРНАЯ КОШКА

Символ чёрной взъерошенной кошки появился в США в конце 19 - начале 20 века, когда в стране были запрещены забастовки и революционные профсоюзы. На американском жаргоне Wildcat Strike означало "дикую" (запрещенную властями) забастовку, которая зачастую сопровождалась акциями саботажа против капиталистической промышленности. Том Скрайбнер, активист Индустриальных рабочих мира с Запада, рассказывал: "В ИРМ была группа, которую мы окрестили "саботажные кошки" и "чёрные кошки" (...). Они верили в разрушение машин. Мы ссорились с ними и говорили: "Вы, ребята, сумасшедшие. Вы подрываете и разрушаете материал, который нам придется восстанавливать, когда мы всё возьмём в свои руки. Мы хотим организовать рабочего и взять средства производства в свои руки, а не уничтожить их". Таким образом, символ чёрной кошки, активно используемый "Уоббли" (членами ИРМ), стал ассоциироваться в американском рабочем движении с забастовкой и саботажем. Впоследствии образ черной кошки был взят на вооружение прочими анархо-синдикалистскими профсоюзами: СНТ Испании и Франции, УСИ Италии, ФАУ Германии и др. Кроме того, в 1975 г. родился комикс Дональда Роума "Wildcat", продолжающий выходить до сих пор.

"САБО"

В Северной Америке в фазе становления рабочего движения стал также популярен символ "Сабо" ("деревянного башмака"). Названные "Сабо" рабочие во время забастовок бросали в работающие машины, чтобы остановить выпуск продукции. Отсюда одна из форм борьбы - саботаж. В анархистских публикациях вплоть до 1930-х гг. "сабо" часто появлялось в качестве призыва к саботажу. Сегодня этот символ вышел из употребления, что надо расценивать, с одной стороны, как ослабление позиций анархизма в рабочем движении, а, с другой, - как просто устарение символа.

"АНАРХИК"

Итальянский анархист Роберто Амброзоли был первым, кто приспособил старый антианархистский стереотип зловещего "человека с бомбой" для либертарных целей. В середине 60-х гг. он придумал комикс с "Анархиком" довольно своеобразным "символом", если его так вообще можно называть. Это не эмблема организаций, групп, а плод либертарной культуры. "Анархик" появляется не только в журналах, газетах, агитационных материалах анархистов, но и вообще в радикальной периодике во всем мире. Под влиянием знаменитого комикса многие карикатуристы других стран решили создать свои собственные образы.

"Анархик" представляет собой одетого во всё чёрное мужчину, бородатого и длинноволосого, с дикими глазами, одетого в длинный до пят плащ, в широкополой шляпе средневекового покроя.

Образ "чёрного человека" берёт своё начало из времён итальянского освободительного движения 1820-30-х гг., когда тайное общество карбонариев (т.е. угольщиков) сражалось против различных иноземцев за объединение Италии. Во время своих восстаний карбонарии неизменно применяли ручные шарообразные бомбы с фитилём, что спустя более чем век отразилось в изображении "Анархика". После освобождения Италии от многовекового господства иноземцев карбонарии продолжили свою борьбу, но теперь уже против всякой власти.

Таким образом, в "Анархике" соединились традиции тайных республиканских обществ и первых анархистских групп, образованных мадзинистами и гарибальдийцами в годы Савойской империи. Надо ещё добавить, что часто используемый в либертарной публицистике образ "Анархика", размахивающего бомбой, - типичное искажённое буржуазией представление об анархисте, указывает на эру "пропаганды действием" на рубеже 19-20 веков, когда в прессе иногда изображали бомбу с горящим фитилём. Сейчас изображение бомбы не несёт никакого практического контекста и имеет, скорее, своеобразное декоративное значение.

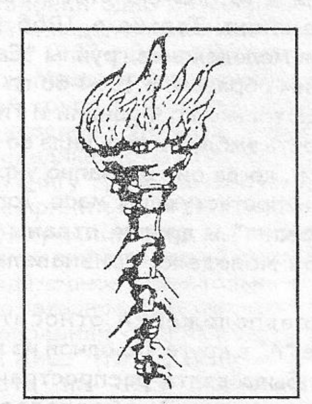
РУКОПОЖАТИЕ

Рукопожатие - древняя эмблема, всегда выражавшая идеи союза, братства, солидарности. Рукопожатие было одной из первых эмблем рабочего движения. Соответствуя по своему содержанию идеям анархизма, рукопожатие быстро утвердилось в анархистской среде. Уже с конца 19 века рукопожатие присутствовало в эмблемах анархистских рабочих организаций, например: аргентинской ФОРА. В Испании рукопожатие приняло форму приветствия: поднятые над головой и сомкнутые в рукопожатии руки.

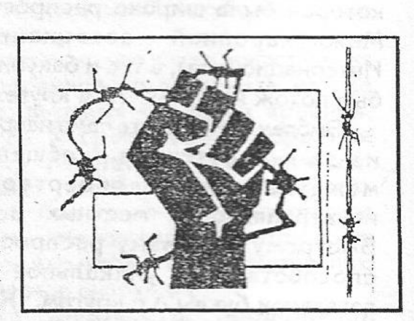
Сейчас эта эмблема чаще всего используется анархо-коммунистическими и анархо-синдикалистскими организациями: аргентинской ФОРА, британской Анархо-коммунистической федерацей, немецким Свободным рабочим союзом и др. Рукопожатие может быть и символом взаимопомощи и солидарности с делом политзаключенных.

ФАКЕЛ

Горящий или пылающий факел олицетворяет в публицистике стремление к свободе или уже завоёванную свободу - пример для других народов. Кроме того, как анархистский символ, он олицетворяет такие связанные с идеей свободы понятия, как просвещение и знание. В то же время, пылающий факел призван не только освещать путь к свободе из тьмы угнетения и эксплуатации, но и обозначать творческую силу, которая как Феникс возникает из сгорающего господства.

РУКА И КУЛАК

Рука, сжатая в кулак, - известный революционный символ, но в анархической эмблематике он употребляется, как правило, в случаях трудовых конфликтов. Единственная анархистская организация, использующая этот символ, - Анархический Чёрный Крест. Эмблема представляет собой крест правильной формы, продолжением которого является рука, сжатая в кулак. Она символизирует оказание помощи политзаключённым и сопротивление государственному насилию. В 1970 - начале 80-х гг. иногда в качестве символа солидарности употреблялась чёрная роза, зажатая в кулаке.

В антимилитаристском движении всё ещё популярна эмблема двух рук, ломающих винтовку, - в которой

выражается лозунг "Долой оружие!". В период между двумя мировыми войнами эта эмблема получила распространение благодаря деятельности Международной антимилитаристской ассоциации, созданной в 1906 г. анархистами, революционными синдикалистами и сочувствующими.

ЧЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Звезда может иметь самое различное значение, но всегда позитивное. Черная звезда, рисуемая всегда в пятиконечной форме, олицетворяет безусловную анархистскую волю к свободе и стремление к свободе. Первое упоминание о чёрной звезде приходится на 1928 год. В начале марта 1928 г. в газете "Дер Синдикалист" местная федерация Синдикалистско-анархической молодёжи Германии (САЮД) в Большом Берлине дала объявление о начале распространения нового значка - "чёрная звезда Советов" с серпом и молотом золотого цвета в центре. По их мнению, "звезда с серпом и молотом является простейшим и ясным символом мира труда. Коммунисты извратили звезду Советов до образа государственного герба. САЮД считала, что анархисты не должны отказываться от употребления звезды с серпом и молотом, также как они не отвергают слово "социализм" только потому, что "оно искаженно используется социал-демократией" и псевдо-коммунистами. Чтобы не возникало недоразумений, САЮД вместо красного избрала чёрный цвет ("цвет нашего боевого флага"). Эта эмблема тогда не прижилась в либертарном движении. Чёрная пятиконечная звезда с красным серпом и молотом сегодня является эмблемой Африканского национального конгресса (АНК) в ЮАР, а также "анархо-сталинистской" микроскопической секты в ФРГ - "Свободный рабочий союз - Анархистская партия".

Черная звезда снова распространилась среди либертариев с 60-х - 70-х гг. Сейчас принято использовать чёрную звезду, красно-чёрную и зелёно-чёрную. Иногда в центре звезды помещают букву "А" в круге. Черная звезда может быть также эмблемой борьбы с репрессиями. В этом качестве она употребляется как символ сопротивления заключенных и солидарности с ними.

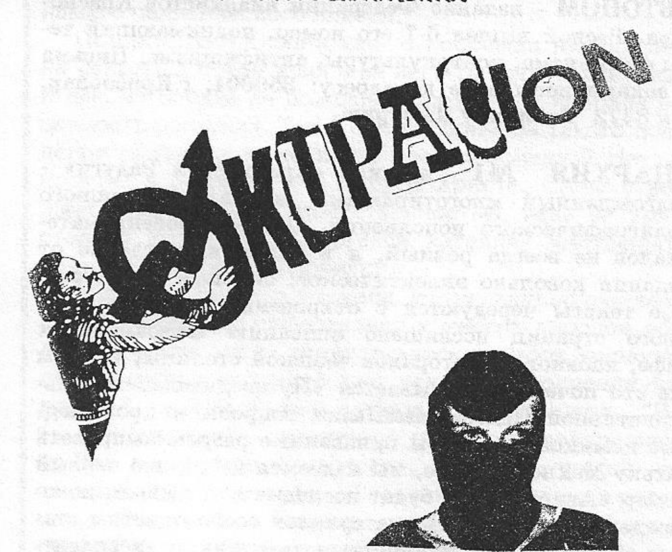
ДРУГИЕ СИМВОЛЫ

Наиболее редким символом в анархистской, и вообще в социалистической, эмблематике был орёл. С 1968 г. орёл, разрывающий цепи, был эмблемой журнала "Блэк Флэг" ("Черный флаг") - органа Анархического Черного Креста.

В 1960-1980-е гг. различные анархистские группы пытались сконструировать новый символ. Например, Французская анархистская федерация (ФА) по случаю собрания против выборов "10 часов за анархию" в 1981 г. в Париже представила эмблему бруска, разрывающего цепь. В очертании образа был использован в основном конструктивистский формализм 20-30-х гг. Но, как показало время, этот символ прижился слабо, видимо, из-за сильной абстрактности.

СИМВОЛЫ АВТОНОМНОГО ДВИЖЕНИЯ

Красный и черный цвета служат символами и нового левого "автономного движения", появившегося в Европе в 70-е гг. Его участники считают себя стихийными анархистами. Среди них распространены красное знамя с черной звездой, черное знамя с черепом и костями и красное либо черное знамена с эмблемой движения за захват пустующих домов ("сквоттеров") - молнией в круге. Происхождение этого последнего значка не установлено; предполагают, что он появился в 70-е гг. в Нидерландах, в разгар сквоттерского движения. Для революционеров молния была знаком борьбы света с тьмой, революционной бури. В революционной символике она обычно изображалась в ее естественном виде, бьющая сверху вниз. "Автономисты" перевернули ее: теперь это удар низов, бунтующих масс, по власть предержащим. "Автономистское" изображение молнии представляет собой стилизацию разряда в виде зигзагообразной, стреловидной линии, напоминающей букву "N", заключенную в круг. Возможно, сочетание "N" в виде молнии с кругом обозначает также "NO" - "Нет выселению из захваченных домов!".

К. ЛИМАНОВ

ОБЗОР ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ И АНАРХИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ РОССИИ В 1997 ГОДУ

В №4 «Наперекора» более года назад мы оптимистически констатировали определенный подъем левого «самиздата». Сейчас можно отметить, что этот подъем продолжается. Наш обзор будет далеко не полным и исчерпывающим, но все же о некоторых вышедших за последний год изданиях хотелось бы рассказать.

АВТОНОМ - издание Федерации анархистов Краснодара. Весной вышел 6-7 его номер, поднимающий темы феминизма, контркультуры, антифашизма. Письма и заказы посылайте по адресу: **350001, г.Краснодар, а/я 3472 Рябинину Дмитрию.**

АНАРХИЯ №1 - издание «Хранителей Радуги» - долгожданный многотиражный журнал, роскошного полиграфического исполнения. Однако уровень материалов не всегда ровный, и в целом впечатление от издания довольно эклектическое: сильные и интересные тексты чередуются с откровенно слабыми (так, много страниц посвящено описанию всевозможных кафе, кабаков и ресторанов чешской столицы, причем все это почему-то называется «Путеводителем по альтернативной Праге»; вызывают вопросы и кровожадные комиксы, вроде бы призванные разрекламировать батьку Махно). Все же, мы надеемся на то, что первый номер «Анархии» не будет последним, и желаем новорожденному удачи. Из материалов особо отметим статью об анархо-синдикалистах - участниках диссидентского движения, рассказ об акции прямого действия (шиповании деревьев) на Кавказе, отрывки из работы Кропоткина о государстве. Адрес: **603082, Нижний Новгород, а/я 14.**

ГОЛОС ТРУДА - орган анархистов Сибири и Дальнего Востока, одно из старейших анархических изданий в современной России - вновь начал выходить после долгого перерыва. Вышел №1 (14). Правда, теперь «Голос Труда» выходит не в журнальном варианте и даже не как бюллетень, а как листок из нескольких страниц, где можно найти и стихи, и хронику, и аналитические статьи по социальным вопросам и проблемам движения. Адрес: **634004, Томск, ул.Усова, 10/а-52.**

КАЗАНСКИЙ АНАРХИСТ - издание Альянса казанских анархистов (АКА). Вышел №6, посвященный перспективам анархической идеи и анархического движения в современном обществе. Адрес: **420059, Казань, а/я 199.**

МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ - революционно-контркультурный листок ярко антибуржуазной направленности. Название его говорит само за себя. В высшей степени далек от пацифизма. Большую часть издания занимает бунтарская поэзия. Вышел №3. **Адрес: 394000 Воронеж, а/я 233.**

НОВЫЙ СВЕТ - газета анархистов Питера, одно из немногих давно и регулярно выходящих радикальных изданий. Вышел №2 (39) - лето 1997 года. Наряду с хроникой, резолюцией о самоуправлении и художественными текстами, видное место в газете продолжает занимать теория и практика левого терроризма. Продолжается публикация известной «Инструкции к городской герилье» Карлоса Маригеллы, а также содержатся рекомендации по производству взрывчатых веществ. Адрес: **194291, С-Петербург, а/я 32, Ермакову А.В.**

ОБЩИНА №50. Странное чувство вызывает эта новая старая «Община», вышедшая через четыре года после 49-го номера. Она уже (снова) не анархическое издание, а, как было с первыми номерами,.- «социалистический альманах». И фамилии членов редакции достаточно знакомы читателю - да вот только много воды утекло: и та «Община», да и не та. На кого она теперь расчитана, для кого выходит ? Какова цель ее издания ? Много возникает вопросов у тех, кто был причастен к выпуску «Общины» раньше, у тех, кто помнит звездный час этого издания: 1988-90 годы. Вышедший номер в значительной части состоит из текстов, написанных много лет назад. Особенно интересна статья Андрея Исаева на тему, некогда излюбленную этим сегодняшним профчиновником, а в прошлом видным теоретиком анархизма: о критике Бакуниным марксизма - основательная, яркая, подробная статья (вот только написана она была уже лет 8 назад и даже напечатана в 90-ом году в одном академическом сборнике). Также «залежалась» и статья об анархистах-диссидентах. Ряд материалов посвящен коммунам вообще и «Китежу» в частности. Александр Шубин пишет об испанской революции 30-ых годов и о том, что (по его учению об исторических периодах) неминуемо ожидало бы Русь, сделай Владимир Красно Солнышко иной выбор (не православия, а иудаизма). Наконец, известный бюрократ от «радикализма», прославившийся сверхкрутыми статьями в «Черной Звезде», Дмитрий Петров ругает (вероятно, в порядке самокритики) «чебурашек революции». Замечательные «общинные» картинки, как и раньше, принадлежат Николаю Соболеву.

ПАМЯТИ ГЕРОЕВ «НАРОДНОЙ ВОЛИ» - издание кружка по изучению революционного народничества в Петрозаводске. В сентябре вышел №4. Большую (явно непропорциональную) часть номера занимает Исторический календарь, а также ряд материалов историко-революционного характера: биография П.А.Кропоткина, статья о 1 марта 1887 года (неудавшееся покушение на Александра 111), программа Партии народных социалистов. Также печатаются вольнолюбивые вирши современных поэтов и хроникально-аналитические тексты на актуальные темы. Приятно, что в Петрозаводске помнят о традициях российского освободительного движения и в меру сил пытаются их продолжать.
Адрес: **185034, г. Петрозаводск, ул.Кемская, а/я 1377.**

ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ - газета Конфедерации революционных анархо-синдикалистов (КРАС). №9-10. Статьи на социальные темы: как проводить забастовку, анализ современной общественной ситуации в СНГ, статья об анархо-синдикалистах в Российской революции и о фильме Кена Лоача «Земля и Воля», посвященного испанской революции. Адрес: **117485, Москва, а/я 34 или 142530 Московская обл., Электрогорск-1, а/я 31.**

ТРАВА И ВОЛЯ . Вышло два номера этого нового московского полуподпольного анархо-психоделического издания. Впечатление эти номера производят очень неоднозначное. С одной стороны, многие теоретические статьи и художественные тексты (в частности, поэтические) заслуживают внимания и похвалы. Импонирует боевой, радикальный дух издания, акцент на прямое действие, действенный антифашизм, создание коммун и сквоттов. С другой стороны, - откровенная пошлость и антиэстетизм в оформлении, сознательное сектантское зацикливание на «контркультурной» среде как на основе революционного движения, порой совершенно недопустимые приемы в полемике с оппонентами (клевета, оскорбления и пр.) - все это отталкивает в новом издании. И, конечно, само название - «Трава и Воля» говорит за себя. Что называется,- приехали. Отечественный левый радикализм, начав с «Земли и Воли», эволюционировал через «Народную Волю» и «Хлеб и Волю» к «Траве и Воле». Вызывает решительные возражения как попытка связать «психоделическую революцию» с социальной, так и сам символ. Если «Земля» означала нечто посюстороннее, реальное, ощутимое, одно слово - «земное» (в сочетании с идеальной и высокой Волей), то «Трава» скорее символизирует собой уход и бегство от реальности. Есть над чем подумать.

ХРАНИТЕЛИ РАДУГИ - издание одноименного движения. Последний номер - №10, лето 1997 года: материалы о Горлебене (антиатомном движении в Германии), о подвигах самих «Хранителей» в различных частях СНГ, об английских радикалах их «Движения за возвращение улиц» и, конечно, о культуре и контркультуре. Номер читается увлекательно, взахлеб. **Адрес: 113208, Москва, до востребования Тупикину В.А.**

Обзор подготовил **Петр РЯБОВ**

ПИСЬМО

Уважаемая редакция "Наперекора"!

Обращается к Вам Ваш постоянный читатель. Посетили тут меня кое-какие мысли, как и было обещано Вами в первом номере журнала. Упомянутые мысли носят теологический характер и при этом, как это ни удивительно, проливают свет на странное поведение нашего политического лидера.

Помните, Б.Н.Ельцин как-то пообещал народу лечь на рельсы, а потом взял и не лёг? То есть, может быть и лёг, но поезда не дождался, из-за чего пропала вся ценность поступка. Так в чём же причина такого поведения президента, неужели просто обманул? Нет, не просто, а причина - в Иисусе Христе. Смею утверждать это со всей ответственностью, ведь не зря я столько времени подвергался катализу умственного брожения. Но всё по порядку.

В давние золотые времена, когда люди поклонялись Великой Богине, существовал у многих народов обычай - в конце цикла земледельческих работ приносить своего царя в жертву, в знак вечного обновления природы. А на новый срок выбирали нового царя... "Вот бы и сейчас так!" - воскликнут наиболее нетерпеливые из Вас, дочитав до этого места, - собрали урожай - и... секир-башка, понимаешь. Терпение, уважаемая редакция, всё несколько сложнее, чем может показаться на первый взгляд. О чём это я? Ах, да.

...Позже отношение к царям несколько изменилось. Их стали считать посредниками между людьми и богами.Таких царей в жертву не приносили, но они сами несли благородную ответственность: услышав зов бога, отдать свою жизнь в качестве жертвы в критический для народа момент. За примерами далеко ходить не надо: афинский царь Кодр, спартанские Ликург и, конечно же, Леонид...

Вот и Борис Николаевич очнулся как-то утром - голова гудит, и слышится ему **ЗОВ**. Пошёл наш царь и лёг на рельсы - лежит, поезда ждёт. И вдруг вспоминает о Христе - царе иудейском.

...Как и подобает древнему герою, Христос был сыном бога и земной женщины. За крутизну свою он, подобно столь же крутым Гераклу и Дионису, был после смерти приобщён к сонму небожителей, с которыми и по сию пору оттягивается "в полный рост беззаботно и несуетливо", как говорится в Евангелии от митьков. А всё дело в том, что принёс он себя в жертву не только за своих иудеев, а вообще за всех, раз и навсегда...

Как вспомнил об этом Борис Николаевич, так сразу же и рассудил: раз Христос уже выполнил за всех царей их почётную обязанность, значит ему, Борису Николаевичу, этого делать совсем не обязательно. Поднялся он с рельс, пошёл домой и жил долго и счастливо, ни в чём себе не отказывая. Вот оно как всё было.

За сим остаюсь искренне Ваш.

Ярослав Тёмный.

Книжная полка

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ. *Глобальный человейник.*
М., Центрполиграф. 1997.

К творчеству и идеям Александра Зиновьева можно относиться по-разному. С чем-то хочется не соглашаться и спорить, что-то принимать как бесспорную истину. Одно несомненно: Зиновьев является интереснейшим и весьма глубоким мыслителем, ярко и подчеркнуто бесстрастно ставящим диагноз современности. Если раньше в центре его внимания была советская и постсоветская действительность, то в последние годы он активно переключился на анализ современного Запада. Вышедшая только что его книга с выразительным названием «Глобальный человейник» написана в жанре, изобретенном Зиновьевым - жанре футурологической повести - и описывает то будущее общество XX1 века, к которому мы, увы, неуклонно приближаемся.

«Глобальный человейник» - это своего рода двойник «Зияющих высот» того же автора, посвященный, однако, не «гомо советикусу», а «западоиду» - человеку западной цивилизации. В этой книге, написанной живым, афористичным стилем, чрезвычайно импонирует комплексный, системный подход: рассматриваются тенденции в религиозной и духовной сферах жизни, в образовании, политике и экономике, последствия тотальной компьютеризации и геополитического торжества «нового мирового порядка». Не хочется пересказывать эту замечательную книгу, ограничусь лишь одним замечанием. Общество XX1 века, по Зиновьеву, это общество постчеловеческое, общество гибели, исчезновения человека и человечности в мире роботизации и конкуренции, псевдокультуры и псевдосвободы. Проще всего отмахнуться от этого прогноза и сказать, что, во-первых, все еще не так плохо, а, во-вторых, - что, собственно, автор предлагает взамен? Однако вспомним слова Герцена: «Мы не врачи, мы - боль». Эти слова вполне можно отнести к новой книге Зиновьева. Честно поставленный диагноз - уже стоит многого. П.Р.

АНТОН КРОТОВ. *Практика вольных путешествий.*
Издание третье. М.,1997

Тема «автостопа» уже немного затронута в этом номере «Наперекора» (см. эссе Витни) . Книга Антона Кротова является весьма ценным и полезным подспорьем для тех, кто любит странствия, для тех, кого слово «приключения» манит, а не пугает. Опираясь на богатый опыт - свой и чужой - автор высказывает рекомендации для тех, кто путешествует автостопом или «на собаках» (то есть бесплатно едет в поездах и электричках). Советы разнообразны и полезны: как выбрать маршрут, как правильно «голосовать», общаться с водителями или с контролерами (в поездах), как решать вопросы питания, снаряжения и ночлега. Вдобавок ко всему этому - расписание движения электричек в различных городах России.

Заметим лишь, что «автостоп» - это не только утилитарный способ передвижения для тех, у кого нет или мало денег, это нечто несколько большее - определенный стиль жизни, определенная философия, альтернативная насаждаемому и культивируемому ныне духу мещанства и буржуазности. Подобно альтернативной субкультуре, подобно коммунарскому образу жизни, автостоп противостоит тому миру, где не остается места для романтики и подвига, для человеческих проявлений, где все регламентировано и все за деньги. Это один из кирпичиков нового общежития, и книга Кротова о вольных путешествиях, мы уверены, будет полезна многим.

С автором можно связаться (в частности, в целях приобретения книги) написав по адресу: 125445, Москва, Ленинградское шоссе, 112, корп.2, кв.547, Кротову Антону.

П.Р.

Акции экологического движения: руководство к действию. М.,1996.

Название этой книги само говорит за себя. Книга написана в основном активистами-экологами и рассчитана в первую очередь также на участников «зеленого движения».

Практические рекомендации стратегического и тактического характера (как быть с финансовым обеспечением акции, выбрать ее оптимальные формы, найти союзников, выпускать листовки и пресс-релизы) сочетается с подробным анализом уже проведенных акций, их сильных и слабых сторон. Большое место в книге, равно как и большинство фотографий, сделанных Владом Тупикиным. посвящено деятельности радикального анархо-экологического движения «Хранители Радуги».

Те, кто проявят оперативность, вероятно, еще успеют приобрести эту книгу в московском офисе Социально-Экологического Союза. П.Р.

РОБЕРТ ГИЛМАН. *Эко-деревни и устойчивые поселения.* - издательство Центра гражданских инициатив, Петербург, 266 с.

Книга содержит 160 адресов альтернативных групп в трех десятках стран на разных континентах. Приводятся очерки о нескольких группах и общинах, в том числе о таком старейшем и экзотическом поселении, как Ауровиль. Рассказывается о кооперативах Мондрагона, являющих собой живучий пример производственного самоуправления. Самостоятельные разделы содержат рекомендации и библиографию по различным аспектам жизни альтернативных общин. А.К.

УРСУЛА ЛЕ ГУИН. *Обездоленные.*

Важным событием стала очередная публикация издательства «Поларис» из серии «Миры Урсулы Ле Гуин». Это фантастический роман под названием «Обездоленные» (почему-то, переводчик перевел название как «Обделенные») - одна из лучших утопий XX-го столетия. Книга рассказывает о планете Анаррес, на которой беженцы с соседней планеты Уррас сумели построить общество, основанное на принципах анархиче-

ского (либертарного) коммунизма. Общество Анаресса строится на основе двойной федерации самоуправляющихся профессиональных отраслевых союзов (синдикатов) и вольных коммун. Здесь нет ни государства с его аппаратом принуждения, ни частной собственности (т.к. все принадлежит всем), ни денег (коммуны обеспечивают себя всем необходимым, а излишки продукции направляют в общее пользование). Здесь прочно утвердился коммунистический принцип распределения: От каждого по его индивидуальным различным способностям, каждому по его индивидуальным различным потребностям. Впрочем, социальное устройство Анарреса весьма далеко от идеала. Его главная проблема - конфликт между обществом и личностью, который зачастую оканчивается подчинением индивидуальных интересов коллективным (хотя, эта власть большинства основана не на репрессиях, а скорее, на общественном мнении). Конечно, в мире нет ничего идеального, но именно поэтому описание Анарреса и выглядит вполне реалистично, несмотря даже на специфику жанра. Заметим, что одной из главных проблем утопий, во все времена, была идея «нового человека», без которого ничего не получится, и который берется непонятно откуда. Урсула Ле Гуин решает эту проблему с блеском: жители Анарреса - никакие не новые, а самые обыкновенные люди со всеми своими обычными проблемами, достоинствами и недостатками. Просто у них несколько иной взгляд на вещи чем у нас, жителей России конца XX-го столетия, у них взаимопомощь и взаимное уважение находятся на первом месте в системе жизненных ценностей (хотя, вероятно, далеко не у всех и не всегда), а у нас на последнем (впрочем, то же, далеко не у всех и не всегда). Что ж! Человеческая личность не есть что-то раз и навсегда «определенное», застывшее и, в конце концов, именно от нас самих зависит - сумеем ли мы измениться, или же, раз и навсегда решим остаться сволочами (как это советуют либералы и фашисты). Так что - читайте и мотайте на ус! Кстати, в этой же серии вышли другие, не менее интересные книги, в которых писательница осуществляет своеобразную реконструкцию возможного будущего общества. Например, роман о цивилизации Шанти, основанной на гандистских принципах ненасилия и самоорганизации («Глаз цапли»), о цивилизации Кэш, тут уже какой-то своеобразный синтез анархизма и индианизма («Всегда возвращаясь домой»), или о цивилизации Атши, близкой к идеям глубинной экологии («Слово для леса и мира - одно»). Все это очень нужные и интересные книги. М.М.

ВИКТОР ЧЕРНОВ. ***Конструктивный социализм.***
Издательство РОСПЕН. Книга В.М. Чернова, выдающегося политического деятеля России начала XX-го века, лидера и теоретика партии социалистов-революционеров. «Конструктивный социализм» - важнейшая работа Чернова периода эмиграции, первый том которой увидел свет в Праге в 1925 году. В данном издании приводится полностью текст первого тома (посвященного, в основном, обсуждению вопроса о социализме в индустрии) и сохранившиеся фрагменты и главы второго тома. Книга огромная (650 страниц) и чрезвычайно интересная. Конечно, многие идеи и рассуждения Чернова устарели, но другие, напротив, актуальны и сегодня. Об этой книге нельзя сказать, что она написана с последовательно либертарных позиций, но, с другой стороны, с целым рядом идей, высказанных автором, нельзя не согласиться (особенно с критикой большевизма). М.М.

начало на стр. 54

В 1980-е гг. сеть АЧК распространилась во многих регионах мира. В 1983 г. появились группы в Италии и Дании. В США и Канаде возникло много групп, проектов, изданий, занимавшихся защитой анархистов и заключенных, занимавшихся классовой борьбой: Либертарная помощь Латинской Америке, "Солидарность" - Фонд для польских анархо-феминисток и анархо-синдикалистов, "Бульдозер" и др. Особой зоной внимания была и остается Греция, где преследования анархистского движения и попытки его криминализации продолжаются уже 20 лет. К тому же, ситуация в Греческих тюрьмах, прозванных "греческие Дахау", настолько далека от благополучия, что это признают и власти. Эти две причины вызвали к жизни Греческий АЧК, в работе которого участвуют анархистские группы, адвокаты, участники движения за права заключенных. На международной конференции АЧК в апреле 1989 г. в Бедфорте (Англия) было принято важное решение о создании "Сети чрезвычайного реагирования" для того, чтобы незамедлительно принимать меры на политические нападения, смертные приговоры, голодовки, пытки или убийства либертариев и всех тех, с кем сотрудничает либертарное движение. Это означало создание международной сети защиты, которая занимается не только правозащитной работой, но и способствует единым действиям либертарных сил в эпоху коренных преобразований конца XX века. Самой первой акцией сети стала организация международных протестов против пыток заключенных анархистов в греческих тюрьмах.

В 90-е гг. были созданы новые группы АЧК: во Франции - в 1992 г., в ФРГ - в 1993 г. В США в августе 1994 г. на континентальной конференции сети АЧК решено образовать на следующей встрече Конфедерацию АЧК Северной Америки. В 1995 - 96 гг. группы АЧК были созданы в Чехии и Польше. На сегодняшний день АЧК действует в 14-16 странах мира. АЧК является динамичной организацией, которая постоянно пытается расширить свое поле деятельности. Черный Крест старается направить внимание общественности не только на заключенных анархистов, но и на всех политзаключенных левого спектра, на всех, кто интернирован в "психушки" или брошен в тюрьмы. АЧК во всем мире постоянно собирает информацию о репрессиях, злоупотреблениях властей, о пытках в тюрьмах и полицейских участках, о нарушении прав человека, свободы слова и собрания, о покушениях на активистов леворадикальных движений, о тюремных бунтах. Вся эта информация распространяется и доводится до сведения общественности. АЧК выявляет сходства и различия между различными группами заключенных и, где возможно оказывает соответствующую помощь. АЧК считает заключенных полноправными членами общества, которые имеют право выражать свои политические взгляды и даже вести классовую борьбу. Последнее - не утопия, а реальность. В конце 70-х гг. в Испании заключенные устроили волну бунтов, распространившихся почти на все 80 тюрем, существовавших в стране, и что дало повод к созданию "Координации борющихся узников". В США в 1988 г. 400 из 2400 заключенных тюрем в Огайо создали проект под патронажем Индустриальных рабочих мира. Поэтому, группы АЧК ведут работу с заключенными, иногда берут над некоторыми шефство. АЧК считает, что каждая связь с заключенными должна быть взаимной, потому что в ответ на солидарность, не исключено, что в будущем кто-либо из них будет политически активным. Вся эта работа согласуется с идеалами АЧК - борьбой за свободу, справедливость, гуманизм и взаимопомощь.

Кирилл Лиманов

наперекор

катализатор умственного брожения

№ 7 январь 1998

Редакционный совет:

Лора АКАЙ
Вадим ДАМЬЕ
Елена ЗОРИНА
Андрей КОНСТАНТИНОВ
Михаил МАГИД
Петр РЯБОВ

Связь с редакцией по адресу:
107061 МОСКВА а/я 500
cube@glasnet.ru

Для подписки на наш журнал, достаточно отправить почтовый перевод по адресу:
125475 Москва, до востребования Рябову П.В.
В графе «для письменных сообщений» укажите, сколько и каких номеров журнала вы хотите получить. Стоимость подписки: на 1 номер - 12000 руб., 2 номера - 24000 руб., 3 номера - 35000 руб. Цены даны с учетом почтовых расходов. Оптовым распространителям (от 5 экз.) журнал предоставляется со значительной скидкой. Перепечатку материалов журнала мы приветствуем, ссылки желательны, хотя и не обязательны. Мы просим присылать нам экземпляры изданий, где опубликованы наши материалы.

Редакция «Наперекора» благодарит за материальную поддержку Альянс Казанских Анархистов и Ирину Бондаренко (Петрозаводск).

Мы также убедительно просим желающих написать нам на наш абонентский ящик *не писать* на конвертах: «В редакцию журнала «Наперекор».

Как попасть в киберпространство.

В Москве, в Библиотеке Иностранной литературы и в Ленинке можно бесплатно открыть электронный адрес и воспользоваться услугами интернета. На интернете можно найти сотни анархических страниц на различных языках. Если вас интересуют анархические новости, то можно открыть страницу международной сети «А-Инфос» : http://www.tao.ca/ainfos/
Имеются также справочные страницы, через которые можно войти в анархические вэбовские страницы. Две хорошие страницы можно найти по адресам: http://www.geocities.com/CapitolHill/1931/links.html
http://www.geocities.com/CapitolHill/4372/anaring/html

